

РАЗЛОМЫ

ЛЕШИЙ

— В НАЧАЛЕ ПУТИ —

18+

Borland Clause

Леший. В начале пути

«Автор»

2026

Clause B.

Леший. В начале пути / В. Clause — «Автор», 2026

Зона... Искаженная реальность, мир, где действуют чуждые законы, а смерть может прийти из ниоткуда. Здесь выживают только те, кто привык жить на грани — и уже не умеет иначе. Восемь лет назад мальчик из дикого племени, живущего в гармонии с аномалиями, потерял всё. По жестоким законам своего мира он должен был быть изгнан — но вместо этого его забрали сталкеры: Химик и Пригоршня. Потеряв один дом, он приобрёл другой. Теперь ему двадцать. Он чувствует аномалии раньше других. Видит то, что скрыто от обычных сталкеров. Повзрослев, он решает отправиться в путь — чтобы найти свой утраченный мир. Но разломы — это не просто переходы. Это границы, где переплетаются и сталкиваются разные реальности, порождая новые угрозы. Всё, что изучили Химик и Пригоршня в своих приключениях — теперь сконцентрировано в нём. Здесь начинается его путь. В его руках — «Резак», артефакт, способный разрезать саму ткань реальности, открывает двери этих Разломов. Но не все двери ведут туда, куда ты хочешь попасть...

© Clause B., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Долг за долг	5
Глава 1. Прощание	9
Глава 2. Периметр	11
Глава 3. База	13
Глава 4. Путь к руслу	16
Глава 5. Привал	19
Глава 6. Ловушка	22
Глава 7. Поле чудес	25
Глава 8. Разрыв	28
Глава 9. Новый мир	31
Глава 10. Франкенштейн	34
Глава 11. Мир псиоников	37
Глава 12. Снова в путь	40
Глава 13. Лес	44
Глава 14. Контакт	47
Глава 15. Деревня	50
Глава 16. Знакомство	53
Глава 17. По следам истории	56
Глава 18. Старые и новые знакомства	59
Глава 19. Я — Викки	62
Глава 20. Рассвет, охота, отрезанные	64
Глава 21. Столкновение. Встреча	67
Глава 22. Гайка	69
Глава 23. Новые гости	73
Глава 24. За общим столом	76
Глава 25. Рунический нож	79
Глава 26. Разговор	88
Глава 27. День X	102
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Borland Clause

Леший. В начале пути

Пролог. Долг за долг

Зона не прощает слабости. Но иногда она дарит странные подарки — те, что потом жгут душу сильнее любой аномалии.

* * *

Третьи сутки они шли через разломы.

Химик давно перестал считать миры. После пятого перехода они начинали сливаться в единую мешанину — разные небеса, разные запахи, разная смерть. Артефакт «Душа», примотанный к его груди старым бинтом, пульсировал ровно и тупо, как зубная боль. Каждый разрез пространства давался тяжелее предыдущего — не физически, нет. Физически Андрей мог идти ещё долго. Но что-то внутри, на уровне, которому он так и не подобрал названия, каждый раз слегка надламывалось. Будто в нём самом оставались те же шрамы, что он оставлял в ткани реальности.

За спиной остался выжженный пузырь, где воздух пытался сожрать человека заживо. Возвращаться было некуда.

— Слушай, — сказал Пригоршня, поправляя ремень автомата, — я тут подумал.

— Плохо начинается, — отозвался Химик, не отрывая взгляда от детектора.

— Нет, серьёзно. Вот мы ходим по этим пузырям уже третий день. Везде какая-то дрянь, везде кто-то хочет нас сожрать. А этот мир... — Никита замолчал, огляделся. — Он иначе дышит. Чувствуешь?

Химик поднял голову. Лес начинался внезапно — густой, тёмный, с деревьями, стволы которых изгибались против видимой логики, словно тянулись к невидимым течениям. Листья светились бледным голубым всякий раз, когда «Душа» пускала лёгкую рябь. Воздух был тяжёлым, влажным, пропитанным озоном и запахом мокрой земли после давней грозы.

Детектор молчал. Аномалии были, но далеко. И — что странно — не двигались.

— Чувствую, — сказал Химик.

Тропа обнаружилась сама собой — едва заметная, но набитая. Кто-то ходил здесь регулярно и давно. Они пошли по ней, потому что альтернативой было продираться сквозь светящиеся кусты, а Химик уже однажды сунул руку в такой куст в третьем пузыре. Воспоминание было живым и поучительным.

Барабаны они услышали, когда лес начал редеть.

Глухой, ритмичный гул шёл от земли — или казалось, что от земли. Пригоршня инстинктивно взял автомат на изготовку. Химик тронул его за плечо и покачал головой: не надо.

Деревня открылась сразу, без предупреждения. Она стояла в низине, огороженная кольцом аномалий — не случайных, а выстроенных, приведённых к какому-то неочевидному порядку. «Карусели» крутились в строгих интервалах. Между ними горели знаки — выжженные в земле спирали, которые Химик не умел читать, но чувствовал: это не украшение. Это разметка. Схема, по которой можно пройти.

Дикари встретили их у границы кольца.

Высокие, худые, с бледной кожей. Ритуальные шрамы шли от запястий вверх, по плечам, к шее — спирали, похожие на те, что были выжжены в земле. Копья у них были в руках, но остриями вниз. Химик заметил, что никто из них не смотрит на него и Пригоршню — они смотрели на «Душу». На слабое свечение, которое артефакт давал сквозь куртку.

Из-за спин воинов вышел старик.

Древний. Настолько старый, что возраст уже переставал иметь смысл. Один глаз — тёмный, живой, внимательный. Второй — белый, невидящий, но почему-то казалось, что именно он видит больше. Он подошёл вплотную к Химику, не останавливаясь, пока между ними не осталось меньше метра, и долго смотрел на грудь — туда, где под курткой пульсировала «Душа».

— Вы пришли в час крови, — сказал он наконец. Язык был ломаным, с твёрдыми согласными, но понятным. — Гон идёт. Большой гон.

— Мы не искали неприятностей, — сказал Химик.

— Гон не спрашивает, кто их искал. — Старик чуть повернул голову. — Но ходящий-сквозь-разрывы пришёл вовремя. Может быть, это тоже не случайно.

Пригоршня тихо присвистнул. Химик бы тоже присвистнул, если бы это было в его манере.

* * *

Гон начался на закате.

Сначала — тишина. Птицы умолкли разом, как обрезанные. Детектор взвыл и сдох — аномальный фон резко скакнул за пределы шкалы. Потом земля пошла мелкой дрожью, и из разломов на краю леса хлынуло.

Псевдособаки шли первой волной — быстрые, с горящими глазами, стаями по двадцать-тридцать голов. За ними — кабаны в костяных пластинах, огромные, как малые броневики, с пеной у пасти. И за ними — то, чему Химик не знал названия. Длинные, многоногие, почти беззвучные, они двигались как вода, огибая препятствия, и там, где они проходили, трава чернела.

— Это что за хрень? — спросил Пригоршня, передёргивая затвор.

— Не знаю, — сказал Химик. — Стреляй в центр масс, пока не выясним.

Они встали плечом к плечу с воинами племени. Дикари дрались иначе — молча, без криков, чётко и страшно. Они знали, где пройдёт волна. Знали, какая аномалия сработает сама, а какую нужно подтолкнуть. Их копыта, смазанные соком каких-то растений, входили в костяные пластины кабанов там, где пластин не было, — в сочленениях, под горлом, за ухом. Это была не храбрость. Это было знание.

«Душа» на груди Химики вспыхнула. Он не планировал её использовать — но длинные многоногие твари шли прямо на детей, которых дикари не успели увести в укрытие. Андрей резанул пространство наискось, открыв короткий коридор в пустоту между пузырями. Тварей засосало туда вместе с их беззвучием. Разрез закрылся.

— Красиво! — крикнул Пригоршня из-за перевёрнутой телеги, где он засел с автоматом. — Ещё умеешь?

— Два раза, может, три. Потом — сам.

— Ладно, справлюсь.

Он справился. Пригоршня в бою был страшен по-своему — не умением, хотя умел достаточно, а каким-то почти весёлым бесстрашием. Он матерился, двигался, стрелял с колена, с бедра, в движении, и умудрялся при этом ни разу не попасть под удар. Химик однажды сказал ему, что это не везение, а какой-то скрытый инстинкт. Пригоршня ответил, что это ковбойская карма, и больше к теме не возвращались.

Они отбили деревню.

Но цена была.

* * *

Двое воинов погибли в последней волне, когда кабан в костяных пластинах прорвал оцепление. Они встали перед детьми. Один умер сразу. Второй — это была женщина — яростно защищала детей до конца, когда бой уже заканчивался. Она лежала рядом с мёртвым мутантом. В глазах навсегда застыло небо.

Их ребёнок вышел из толпы детей молча, обвёл глазами родителей. Двенадцать лет. Худой, жилистый, с тёмными глазами и ритуальными шрамами-спиралями на предплечьях — совсем свежими, ещё не до конца зажившими. Он не плакал. Смотрел на тела с таким выражением, будто внутри него что-то уже переключилось и работало теперь иначе. Не сломанно. Просто — по-другому.

Старейшина подошёл к только что осиротевшему ребёнку. Заговорил — жёстким, металлическим голосом, без паузы, без сочувствия. Как зачитывают приговор.

Химик понял по первым словам — язык давался ему быстро, это был один из немногих его талантов, которым он никогда не хвастался. Сирота должен был уйти в лес. Один. Закон племени. Старый закон, у которого была своя логика — слабые не должны тянуть вниз общину в мире, где выживание стоит дорого. Химик эту логику понимал. Он вырос в мире, где она была примерно такой же.

Пригоршня её не понял. Или не захотел.

— Нет, — сказал он.

Просто «нет». Без подготовки, без паузы. Встал между старейшиной и мальчиком, скрестил руки на груди — большой, нескладный, с ещё не отмытой от боя гарью на щеке.

— Этот пацан не виноват, что его родители легли за всех нас. Мы — причина, по которой они вышли вперёд. Может, нет. Может, они и так вышли бы. Но я не дам пацану умереть в этом лесу. Он уйдёт с нами.

Старейшина посмотрел на него долго. Потом — на Химику.

Химик молчал. Он умел молчать так, что это читалось как ответ. Да. Я согласен. Делай выводы.

Внутри что-то сжалось — старое, неудобное. Он сам когда-то был таким же: один, без имени, без места, против всего.

— Вы помогли нам, — сказал наконец старейшина. — Долг за долг. Мальчик может уйти с вами. — Он помолчал. — Но мир наш не отпустит его легко. Он умеет держать тех, кого вырастил.

* * *

Вечером, когда деревня хоронила своих мёртвых, старейшина подошёл к Химику и протянул руку. Тот отдал «Душу» без слов — хотя внутри что-то сопротивлялось. Артефакт лежал в ладонях старика и светился тихо, как тлеющий уголь. Старик унёс его к себе в дом и закрыл дверь.

Воздух над домом начал густеть. Медленно, почти незаметно — как перед грозой, только без ветра. Пригоршня отступил на шаг — он чувствовал такое не умом, а кожей, десантным инстинктом: вот сейчас что-то случится. Мальчик Борланд стоял рядом и не отступал. Смотрел на закрытую дверь не отрываясь, будто видел сквозь неё.

Когда всё закончилось и воздух над домом снова разрядился, дверь открылась. Старейшина вышел, держа в руках нож.

Клинок в две ладони длиной. Рукоять из дерева — тёмного, плотного, оплетённого тонкими полосами кожи. Лезвие было другим. Оно не отражало свет — оно его поглощало. Края казались размытыми, словно граница между металлом и воздухом никак не могла определиться. При взгляде в упор казалось, что там, внутри лезвия, медленно плывут тени.

— Теперь он слушается руки, — сказал старейшина. — Не нужно носить у сердца. Одним взмахом откроешь путь там, где миры касаются друг друга. — Он поднял взгляд на Химику. — Но помни: каждый разрез оставляет шрам. На мире — и на том, кто режет.

Химик взял нож. Взвесил. Он был лёгким — почти неожиданно лёгким.

— Красавец, — сказал Пригоршня, заглянув через плечо. — Имя ему уже есть?

— Твой выбор, — сказал Химик.

Никита взял нож, повертел в пальцах, посмотрел на лезвие с тем выражением, с которым смотрят на хорошее оружие — с уважением и лёгкой завистью к тому, кто его будет носить.

— Резак, — сказал он. — Просто и по делу.

Борланд наблюдал за всем этим молча. Он не понимал всего — языка, смысла обряда, того, куда они уйдут и зачем. Но он понимал главное: его мир только что разрезало пополам. Как разрезает пространство новый нож — без боли, почти без звука, но навсегда.

* * *

Они ушли через разлом на рассвете.

Старейшина провожал их до края аномального кольца. На прощание он положил руку на плечо мальчику — не нежно, а твёрдо, как ставят печать.

— Ты унесёшь наш мир в себе, — сказал он по-своему, и Борланд понял. — Это не проклятие. Это инструмент. Используй его.

Потом они шагнули в разлом, и светящиеся деревья остались позади.

А в «спокойном» мире, который они нашли ещё через много переходов, прошло восемь лет.

Глава 1. Прощание

Утро в «спокойном» мире пахло смолой и остывшим костром.

Борланд стоял у окна, держа кружку обеими руками. Чай давно остыл — он забыл про него ещё когда собирал рюкзак, потом так и не вспомнил. За окном тянулся привычный пейзаж: невысокие холмы, редкий лес, и где-то за третьим холмом — слабое марево аномальной зоны, которое в ясную погоду было видно даже отсюда. Бледное, почти прозрачное. Мирное, если не знать, что это такое.

Он знал.

Рюкзак стоял у двери — собранный, застёгнутый, тяжёлый ровно настолько, насколько нужно. Не больше. Лишний вес убивает не сразу, но убивает. Это он усвоил ещё в первые вылазки, когда Химик гонял его по аномальным полосам «спокойного» мира с грузом за спиной и секундомером в руке. Тогда казалось — издевательство. Сейчас — понимал.

Резак висел на правом бедре. Ножны Пригоршня сделал сам — долго, упрямо, с матерками и тремя переделками. Получилось хорошо. Кожа потемнела от времени и руки, легла по форме, как влитая. Борланд давно перестал замечать вес ножа — он просто был, как часть тела. Три с половиной года вылазок делают своё дело.

За спиной скрипнула половица.

— Чай холодный, — сказал Химик.

Борланд не обернулся.

— Знаю.

Андрей прошёл к столу, сел, поставил перед собой свою кружку. Помолчал. Он умел молчать подолгу и без неловкости — это Борланд помнил с детства, с первых дней, когда ещё не понимал половины слов, но уже понимал паузы.

— Маршрут продумал? — спросил Химик наконец.

— Через восточную полосу. Там разломы слабее, прощупать можно без риска.

— Через восточную дольше.

— Знаю.

Химик кивнул. Не стал говорить, что это правильно или неправильно. Просто принял к сведению. Борланд поставил кружку на подоконник, наконец обернулся. Андрей сидел в своей обычной позе — локти на столе, взгляд куда-то в середину пространства. Думает. Или уже подумал и теперь просто ждёт.

— Ты хочешь меня отговорить? — спросил Борланд.

— Нет.

— Тогда зачем встал так рано?

Химик поднял взгляд. Посмотрел на него — спокойно, без лишнего.

— Проводить, — сказал он просто.

Борланд помолчал. Что-то сжалось внутри — не больно, просто плотно, как перед прыжком в разлом. Он кивнул и отвернулся к окну.

* * *

Пригоршня появился через полчаса — громко, как всегда. Дверь распахнул с порога, впустил холодный утренний воздух, поставил на стол сковородку с яичницей, которую, судя по всему, нёс через весь двор.

— Завтрак, — объявил он. — Нормальный. Не обсуждается.

Борланд усмехнулся.

— Никита, я ухожу, а не умираю.

— Это одно и то же, пока не вернулся. — Пригоршня сел напротив, подпёр подбородок кулаком и посмотрел на него с таким выражением, с каким смотрят на что-то, что пытаются запомнить. — Ешь давай.

Они ели молча. Яичница была пересолена — Пригоршня всегда солил на глаз и никогда не угадывал. Борланд съел всё.

За завтраком Химик раскрыл на столе потрёпанную карту — не того мира, нет, она была собирательной, с пометками на полях, схемами разломов, стрелками переходов. Восемь лет работы. Он ткнул пальцем в восточный сектор.

— Вот здесь, видишь — два пузыря соприкасаются близко. Резак возьмёт без усилий, одним движением. Но не торопись. Дай ощутить, где граница.

— Я знаю, как работает Резак.

— Знаешь, как работает в здешних зонах. Там может быть иначе.

Борланд посмотрел на карту. Потом — на Химику.

— Ты всё-таки пытаешься меня отговорить.

— Я пытаюсь, чтобы ты вернулся, — сказал Андрей. — Это разные вещи.

* * *

Они вышли проводить его до края холма — оба, молча, без лишних слов. Утро уже разошлось, небо было чистым, марево над восточной зоной чуть усилилось — значит, активность. Борланд это почувствовал ещё в доме, но промолчал. Незачем.

На вершине холма он остановился, обернулся.

Пригоршня стоял, засунув руки в карманы. Смотрел в сторону — притворялся, что изучает горизонт. Химик стоял прямо, руки вдоль тела. Смотрел на Борланда.

— Ты найдёшь, что искал? — спросил Пригоршня, не оборачиваясь.

Борланд подумал.

— Не знаю. Но не найти — хуже.

Никита наконец повернулся. Хмыкнул.

— Философ. — Он шагнул вперёд, обнял его коротко, крепко, хлопнул по плечу. — Возвращайся. Я пересолю ещё что-нибудь.

Борланд усмехнулся. Потом повернулся к Химику.

Андрей не обнимался. Это знали оба. Он протянул руку, Борланд пожал. Рукопожатие было твёрдым и коротким — как точка в конце предложения.

— Резак слушай, — сказал Химик. — Не торопи его. Он чувствует границы лучше тебя.

— Знаю.

— Теперь знаешь. — Пауза. — Иди.

Борланд повернулся и пошёл вниз по склону — к мареву, к восточной полосе, к первому разлому. Резак чуть потеплел на бедре — или показалось. Он не оглядывался.

Но слышал, как Пригоршня негромко сказал за спиной:

— Вырос, а?

И как Химик ничего не ответил.

Этого было достаточно.

Глава 2. Периметр

Контрольно-пропускной пункт на восточном периметре выглядел так, как выглядят все КПП в «спокойных» мирах — немного сонно и немного обречённо. Полосатый шлагбаум, будка из крашеного железа, выцветший знак «Запретная зона. Проход запрещён». Знак когда-то был красным. Теперь — розовый, почти нежный.

Борланд подошёл не торопясь.

Из будки высунулся солдат — молодой, лет двадцати, с кружкой в руке и видом человека, которого оторвали от чего-то важного. Увидел Борланда, оценил рюкзак, детектор на поясе, Резак на бедре. Выражение лица изменилось с казённого на обычное.

— А, Леший. — Он кивнул и сделал глоток. — Снова в зону?

— Снова, — подтвердил Борланд.

— Сержант говорил, ты надолго собрался.

— Говорил.

Солдат посмотрел на него с лёгкой завистью — той, которая бывает у людей, стоящих по одну сторону забора и смотрящих на другую.

— Там активность с утра, — сказал он, кивая в сторону зоны. — Фон скачет. Вчера ещё ничего не было, а сегодня — дежурный три раза приборы перепроверял, думал, сломались.

— Не сломались?

— Не сломались. — Пауза. — Удачи, в общем.

Шлагбаум поднялся. Борланд кивнул и прошёл.

* * *

За периметром начиналась другая тишина.

Не та, что бывает в лесу или в поле — живая, наполненная птицами и ветром. Здесь тишина была плотной, как вата. Она не давила, не пугала, просто — присутствовала. Борланд знал её хорошо. Три с половиной года вылазок — это не срок, но достаточно, чтобы научиться слышать, когда зона молчит спокойно, а когда — затаилась.

Сегодня она не затаилась.

Она дышала.

Это было первое, что он почувствовал — ещё до того, как детектор пискнул и показал аномальную активность на три деления выше нормы. Воздух был чуть теплее, чем должен быть с утра. Трава под ногами — мягче. Редкие деревья на краю зоны слегка светились в тени, едва заметно, бледным голубым — как те, что он помнил из детства, из другого мира, из другой жизни.

Борланд остановился. Положил руку на Резак — не чтобы вытащить, просто так. Привычка.

Зона гудела. Низко, почти на пределе слышимого. Что-то изменилось — не здесь, не в этом конкретном месте, а глубже, там, где аномалии собирались плотнее и разломы подходили ближе к поверхности. Он не мог объяснить это словами — это было из тех знаний, которые не объясняются, а просто живут в теле, в руках, в том самом чутье, которое старейшина назвал инструментом.

Что-то сместилось. Что-то готовилось.

Он простоял так минуту, может, две. Потом зона сделала странную вещь.

Ветер пришёл ниоткуда — короткий, тёплый, почти мягкий. Прошёл по траве, качнул ветки, коснулся лица. И ушёл так же быстро, как пришёл. Будто кто-то выдохнул.

Борланд не был склонен к лирике. Химик отучил его от неё ещё в подростковом возрасте — практично и без сантиментов. Но сейчас он поймал себя на мысли, что это похоже на про-

щание. Зона провожала его. По-своему, на своём языке, который он понимал лучше, чем хотел признавать.

— Взаимно, — сказал он вслух, тихо.

И достал карту.

* * *

Восточный маршрут лежал прямо — через редколесье, мимо двух «каруселей», которые он знал наизусть, к разлому у старого русла. Четыре часа хода, если не торопиться. Там, где миры касались друг друга, Резак открывает переход без усилий. Он это чувствовал.

Но детектор снова пискнул. Борланд посмотрел на экран, потом — на восток. Марево над зоной было гуще, чем утром. Значит, активность не случайная, не выброс — это перестройка. Зона меняла что-то внутри, и там, где он планировал идти, сейчас могло быть совсем не то, что он видел в прошлый раз.

Он сложил карту. Подумал.

Севернее, километрах в семи, была база сталкеров — старая, основанная ещё до того, как Химик и Пригоршня осели в этом мире. Там знали зону лучше, чем военные на периметре. Там всегда были свежие данные — кто ходил, что видел, где изменилось. Это был крюк. Незапланированный, лишние полтора часа.

Но идти в изменившуюся зону без информации — это не смелость. Это глупость. Химик говорил короче: «Разведка — не трусость. Трусость — не возвращаться».

Борланд закинул рюкзак поудобнее и взял севернее.

Глава 3. База

Семь километров по краю зоны — это не расстояние. Это время подумать.

Борланд шёл размеренно, детектор на поясе негромко тикал в фоновом режиме, Резак грел бедро сквозь ножны. Зона по эту сторону была знакомой — редколесье, старые аномальные пятна, которые он обходил на автомате, не замедляясь. Трижды за три года он ходил этим маршрутом. Знал каждый поворот.

Поэтому тушканы его удивили.

Они вылетели из кустов слева — стайей, плотной и паникующей. Маленькие твари неслись в полном молчании, что само по себе было плохим знаком: тушканы орут, когда бегут от чего-то привычного. Когда молчат — бегут от чего-то, что они сами не понимают.

Борланд качнулся в сторону, пропуская стаю. Переложил автомат.

Тушканы пронесли мимо — и влетели в жарку.

Он увидел её краем глаза за секунду до того, как они влетели. Жарка была новой — раньше её здесь не было, он был уверен. Притаилась в низине между двумя камнями, почти невидимая, слабо мерцающая. Тушканы исчезли в ней без звука. Зона взяла своё.

Борланд остановился. Осмотрелся. Тот, от кого бежала стая, так и не показался — ни звука, ни движения в кустах, ни следа. Это было неприятнее, чем если бы он вышел. Видимая угроза — понятная угроза.

Он подождал две минуты. Тихо.

Потом посмотрел на жарку. Аномалия уже разрядилась — быстро, энергия ушла на тушканов. В остывающем мареве что-то поблёскивало. Он достал захват — телескопический прут с крюком на конце, Химик сделал ещё в первый год — и аккуратно подцепил.

Небольшой шарик лёг в ладонь. Тёплый, плотный, с глубоким оранжевым свечением внутри, похожим на уголь под пеплом. Местные сталкеры называли такие «пламя земли». Не редкость, но и не мусор — в холодных мирах, куда иногда забрасывали разломы, такой артефакт стоил дороже любого снаряжения. Грел изнутри, ровно и долго, без ожогов.

Борланд повертел его в руке, убрал в контейнер.

— Значит, провожаешь, — сказал он негромко, ни к кому конкретно.

Отметил в памяти: жарка новая, тушканы от кого-то бежали, преследователь не объявился. Всё это — для бара. Там оценят.

* * *

База стояла на краю редколесья — несколько построек из бруса и металла, обнесённых невысоким забором с датчиками движения по периметру. Никакой помпы, никаких знаков. Те, кому надо, знали, где это. Те, кому не надо — не доходили.

Борланд кивнул камере у ворот. Через несколько секунд засов лязгнул.

Внутри пахло соляной, едой и немного — озоном. Запах всех сталкерских баз во всех мирах, которые он успел повидать. Химик однажды сказал, что это запах людей, которые живут на краю. Пригоршня поправил: запах людей, которым на краю удобнее, чем в центре.

Бар занимал центральную постройку. Борланд толкнул дверь.

* * *

Внутри было людно — по меркам базы, то есть человек пятнадцать. Несколько сталкеров в углу за картами. Двое у стойки. И отдельная группа у дальнего стола — четверо в одинаковых куртках с нашивками, рядом двое военных в полевой форме. Держались особняком, говорили тихо. На вошедшего Борланда покосились и вернулись к своему.

Бармен — широкий мужик лет пятидесяти, со шрамом через всю левую щёку — поднял голову от стойки.

— Леший. — Не вопрос, просто констатация. — Давно не заходил.

— Три месяца, — сказал Борланд, садясь на табурет. — Чай есть?

— Найдём. — Бармен повернулся к плите. — В зону?

— В зону. Потому и зашёл. Что по активности?

— Погоди, Сквозняк расскажет лучше. — Бармен кивнул в сторону угла, где за картами сидел сухой жилистый мужик с вечно прищуренными глазами. — Он вчера из глубины пришёл. Два дня раньше планового.

Борланд взял кружку, обернулся.

Сквозняк уже смотрел на него. Отложил карты, встал, подошёл к стойке — неторопливо, с той экономией движений, которая бывает у людей, привыкших не трогать лишнего.

— Леший. — Он сел рядом. — Далеко собрался?

— Восточный маршрут. До разлома у старого русла.

Сквозняк поморщился.

— Плохая идея.

— Слышал. Фон скачет. Что там?

— Не фон. — Сквозняк взял свою кружку, помолчал секунду. — Зона двигается, Леший. Не аномалии — сама структура. Три «карусели» на восточном секторе сместились. Одна из них была у тропы, которую ты знаешь — теперь она прямо на тропе. Я едва не вошёл.

— Насколько сместились?

— Метров на двадцать-тридцать. За одну ночь. Я там был позавчера вечером — всё стояло как обычно. Утром вышел — другая картина.

Борланд отпил чай. Поставил кружку.

— Жарку новую видел? У камней, километра три отсюда на юг?

Сквозняк чуть поднял брови.

— Нет там жарки.

— Была. Сегодня. Свежая, тушканов взяла. — Пауза. — И «пламя земли» дала на прощание.

— Дала, говоришь. — Сквозняк усмехнулся. — Значит, зона тебя любит.

— Значит, в моём маршруте придётся делать крюк.

— Или менять маршрут. — Сквозняк покрутил кружку в руках. — Северный проход чище. Аномалии там старые, устоявшиеся, никуда не двигаются. До твоего русла дольше, но доберёшься.

Борланд кивнул. Достал карту, расстелил на стойке. Сквозняк склонился рядом, ткнул пальцем.

— Вот здесь. Держись западнее вот этой гряды — там «студень» стоит, обходи. Дальше — чисто. Выйдешь к руслу с севера, это лишних часа два, но зато без сюрпризов.

— Принято.

Бармен молча долил чай. Сквозняк вернулся к своим картам.

* * *

Борланд сидел, изучал поправки на карте, когда рядом кто-то сел.

Он поднял взгляд. Мужчина лет сорока, в куртке с нашивкой — из той группы у дальнего стола. Лицо спокойное, внимательное. Не сталкер — движения не те, взгляд оценивающий, но не тот, каким смотрят на зону. Учёный. Или военный в штатском. Борланд не стал угадывать.

— Леший? — спросил мужчина.

— Смотря кто спрашивает.

— Колесников. — Он протянул руку. — Научная экспедиция, контракт с военными. Аномальные структуры восточного сектора, картографирование разломов. — Пауза. — Нам нужен проводник.

Борланд посмотрел на него. Потом — на стол у дальней стены, где остальные трое ждали с видом людей, привыкших ждать, пока кто-то договаривается.

— Куда?

— Разлом у старого русла. Нам говорили, вы его знаете.

— Знаю, — сказал Борланд. — И как раз туда иду. — Он свернул карту. — Но маршрут изменился. Северный обход, лишние два часа. Если устраивает — могу взять.

Колесников не колебался.

— Устраивает. Когда выход?

— Полчаса. — Борланд допил чай, поставил кружку. — И сразу условие: в зоне слушаете меня. Не обсуждается, не голосуется. Я сказал стоять — стойте. Я сказал бежать — бежите и не спрашиваете куда.

Колесников кивнул.

— Нас предупреждали, что у вас такие условия.

— Кто предупреждал?

— Сержант с периметра. — Лёгкая пауза. — Сказал: Леший дорогой не берёт, но живым доведёт.

Борланд помолчал секунду. Встал, закинул рюкзак.

— Полчаса, — повторил он. — Снаряжение проверьте. Лишнего не брать.

* * *

Сквозняк проводил его взглядом от стойки. Когда Борланд проходил мимо, бросил негромко, не отрываясь от карт:

— Учёных в зону ведёшь — сам знаешь, что это такое.

— Знаю, — сказал Борланд.

— Удачи, Леший.

— И тебе.

Дверь закрылась за ним. Снаружи было тихо, марево над зоной чуть подрагивало на севере. Полчаса — собрать группу, проверить снаряжение, пересмотреть маршрут с поправкой Сквозняка.

Зона ждала. Она умела ждать.

Глава 4. Путь к руслу

У ворот базы Борланд появился за пять минут до назначенного времени.

Группа уже собралась — почти вся. Колесников стоял с картой, сложенной вчетверо, рядом второй учёный — плотный, в очках, с рюкзаком, явно набитым выше разумного. Двое в гражданском держались чуть поодаль, спокойно, привычно — военная выправка читалась в том, как они стояли, как смотрели по сторонам. Не туристы.

И двое сталкеров.

Крота Борланд знал. Невысокий, жилистый, с вечно задумчивым видом человека, который только что прочитал что-то интересное и ещё не переварил. Снаряжение добротное, хоженое. В зоне Крот был надёжным — осторожным, внимательным, без лишней удалости. Любил ходить с учёными, умел разговаривать с ними на их языке, а на привалах мог ввернуть что-нибудь про квантовые флуктуации или пространственную топологию так, что половина группы замолкала, не зная, как ответить. За это и прозвали Кротом.

Второй был незнакомым.

Борланд оценил его одним взглядом — быстро, как оценивают в зоне: не по лицу, а по деталям. Снаряжение дорогое, почти новое. Оружие — хорошее, ухоженное, но носил его иначе, чем носят те, кто привык к зоне. Чуть неправильно. Взгляд — спокойный, почти равнодушный, с той холодной оценочностью, которая бывает у людей, привыкших смотреть на других как на переменные в задаче.

Не ходок. Наёмник.

Борланд ничего не сказал. Отметил — и убрал в ту часть головы, где хранились вещи, требующие внимания.

Седьмым была девушка.

Молодая, лет двадцати пяти, в аккуратной полевой куртке с нашивкой экспедиции. Рюкзак небольшой — ассистентский, с блокнотом и планшетом в боковых карманах. Она стояла рядом с Колесниковым и смотрела на Борланда с тем выражением, с которым смотрят на что-то, про что много слышали, но видят впервые.

Борланд обвёл группу взглядом. Мысленно вздохнул.

Вслух — ничего. Махнул рукой.

— Идём.

* * *

Зона приняла их молча.

Первые полкилометра шли по знакомому редколесью — Борланд впереди, темп ровный, не быстрый. Детектор тихо тикал. Группа держалась — военные шли грамотно, Крот привычно, учёные старались не отставать. Незнакомый сталкер двигался замыкающим, чуть в стороне. Самостоятельно, без команды. Борланду это не понравилось.

— Как тебя звать? — спросил он, не оборачиваясь.

— Винт, — пришло сзади, коротко.

— Винт. В зоне не расходимся. Держись в пределах видимости.

Пауза.

— Понял.

Тон был ровным. Ни раздражения, ни согласия — просто слово, брошенное для формы. Борланд снова ничего не сказал. Отметил.

* * *

Неприятное чувство пришло минут через двадцать.

Не опасность — просто ощущение взгляда. Кто-то шёл параллельно, чуть сзади и левее, в той части леса, где деревья стояли гуще. Борланд дважды останавливался под предлогом проверки детектора — смотрел, слушал. Ничего. Ни звука, ни движения, ни следа на детекторе.

Но ощущение не уходило.

Чутьё, которое он вырастил ещё в родном мире и отточил за три года вылазок, работало на полную. Что-то шло рядом. Что-то, что не хотело показываться.

Он скорректировал маршрут на несколько градусов — взял правее, ближе к открытому участку. В открытом поле неизвестный преследователь потерял бы преимущество. Группа прошла за ним без вопросов — только Крот бросил короткий взгляд и чуть приподнял бровь. Борланд едва заметно покачал головой. Потом.

Ощущение не прошло. Но и не усилилось. Что бы это ни было — оно держало дистанцию.

* * *

Студень они нашли через час с небольшим.

Вернее — нашли место, где он был.

Борланд остановил группу жестом — резко, без предупреждения. Военные среагировали мгновенно, встали. Учёные притормозили с секундной задержкой. Крот — сразу.

Впереди, между двумя замшелыми валунами, была пустота.

Не просто отсутствие аномалии — настоящая пустота. Студень стоял здесь годами — серая желеобразная масса, медленно пульсирующая, безопасная, если не входить. Борланд обходил её столько раз, что помнил форму наизусть. Сейчас на её месте было сухое углубление в земле, почти идеально круглое, как след от маленького пруда, который испарился за одну ночь. Земля на дне была тёмной, уплотнённой, без травы.

И на дне что-то лежало.

Борланд медленно подошёл к краю. Присел на корточки.

Артефакт был размером с кулак. Чёрный — не просто тёмный, а по-настоящему чёрный, такой, что взгляд как будто соскальзывал с него, не зная, за что зацепиться. Густой на вид, почти жидкий, хотя форму держал. Медленно и едва заметно он пульсировал, как что-то живое и очень спокойное. Местные сталкеры называли такое «клякса». Борланд слышал о них, но никогда не видел.

Он потянулся к нему рукой.

Пальцы закололо — мягко, без боли. Просто покалывание, как от слабого тока. Борланд замер. Покалывание не прошло — оно пульсировало в такт артефакту. Тело реагировало. Не на угрозу — на что-то другое. Узнавание, почти.

Он не умел это объяснить. Но в зоне объяснения шли после действия.

Достал контейнер, убрал кляксу.

— Это же клякса, — сказал Крот сзади, с искренним удивлением. — Зачем тебе? Её даже учёные толком не...

— Потом, — сказал Борланд.

Он достал из кармана небольшой мешочек с металлическими дробинками — мелкими, тяжёлыми, такими, что не сдует ветром. Разметил путь от края углубления — три дробинки треугольником, обозначая место. Привычка из первых вылазок: то, что зона показала один раз, она иногда показывает снова. Стоит знать, где смотреть.

— Что вы делаете? — раздалось рядом.

Борланд обернулся. Ассистентка стояла у него за плечом — близко, с планшетом наготове.

— Зачем дробинки? Это какой-то навигационный метод? А клякса — вы правда собираетесь её нести? Я читала отчёты, там написано, что никакого практического применения она не...

— Идём, — сказал Борланд.

— Но если вы объясните логику—

— Идём.

Она замолчала. Крот сбоку тихо хмыкнул.

* * *

Кабанов они почуяли раньше, чем увидели.

Сначала — запах. Резкий, мускусный, с примесью чего-то химического, что давала зона тем, кто жил в ней достаточно долго. Потом — звук: тяжёлое дыхание и хруст валежника, слишком громкий для осторожного движения. Они не прятались.

Борланд поднял кулак.

Группа встала. Военные взяли оружие без команды — хорошо. Крот шагнул чуть в сторону, освобождая сектор. Винт исчез за деревом — бесшумно, Борланд не слышал, как он двигался. Профессионально. Это он отметил тоже.

Три кабана вышли из редколесья справа.

Зональные, матёрые — костяные пластины на загривке и боках пожелтели от времени, срослись с кожей намертво. Глаза маленькие, красноватые. Они заметили группу секунды за три до выхода на открытое место и не остановились — только чуть ускорились. Решение было принято раньше, чем люди их увидели.

— Стоять, — сказал Борланд негромко — для своих, не для кабанов.

Первый шёл прямо на него.

Борланд не отступил. Он знал кабанов — они берут на испуг, если есть куда идти. Если некуда — бьют. Здесь было открытое место, группа стояла плотно, отступить означало рассыпаться.

Он выстрелил дважды — в сочленение пластин у передней ноги, туда, где панцирь не доставал. Кабан споткнулся, взвыл, ушёл в сторону. Не упал — но вышел из атаки.

Второго взял Винт — одним выстрелом, точно под ухо. Профессионально и без лишнего. Кабан лёг сразу.

Третий затормозил, увидел двух упавших, крутанулся на месте с тем хрюкающим рёвом, каким зональные твари выражают злость и замешательство одновременно, и ушёл обратно в редколесье. Хруст валежника стих быстро.

Тишина вернулась.

— Все целы? — спросил Борланд.

Молчаливые кивки. Ассистентка стояла бледная, с планшетом, прижатым к груди обеими руками, но на ногах — держалась.

Крот выдохнул.

— Вот поэтому я и хожу с проводником, — сказал он негромко, ни к кому конкретно.

Борланд уже смотрел на лес — туда, откуда пришли кабаны. Что-то снова шевельнулось на краю чутья — то же ощущение взгляда, что сопровождало его с самого начала. Кабаны пришли оттуда. Кабаны от кого-то бежали.

И снова — никого.

— Идём, — сказал он. — Русло близко.

Глава 5. Привал

После кабанов зона словно выдохнула.

Аномальный фон упал до нормы, детектор тихо тикал без предупреждений, тропа шла ровно. Ощущение взгляда никуда не делось — оно сидело где-то между лопатками, тихое и постоянное, как заноза — но больше ничего не происходило. Группа шла молча, в темпе. Даже ассистентка притихла.

Борланд не расслаблялся. В зоне тишина после шума — это не покой. Это пауза.

Но час прошёл спокойно. Потом ещё полчаса.

Крот поравнялся с ним на открытом участке, кивнул на детектор.

— Чисто?

— Пока да.

— До русла час, может чуть больше. — Крот помолчал. — Если погода не скажет своё слово.

Борланд посмотрел на небо.

Небо уже говорило.

* * *

Оно потемнело быстро — не постепенно, как бывает с обычной тучей, а разом, будто кто-то накрыл горизонт крышкой. Ветер поднялся из ниоткуда — сырой, порывистый, с запахом озона и мокрой земли. Трава легла волнами. Деревья зашумели.

Борланд остановил группу.

— Стоим.

Он смотрел на небо, на лес, на детектор. Фон не скакал — это был просто дождь, обычная погода, ничего аномального. Просто не вовремя.

В одиночку он бы пошёл дальше. В дождь аномалии становились заметнее — они не любили воду, реагировали на неё, светились ярче, давали больше тепла. Опытный ходок в ливень видел зону лучше, чем в ясный день. Но группа — другое дело. Семь человек, двое из которых никогда не ходили в зону дальше периметра, узкие тропы, ограниченная видимость. Один потерявшийся из виду — и ищи его потом среди «каруселей».

Риски росли. Это была арифметикой, не трусостью.

— Крот, — сказал он.

— Уже думаю. — Крот стоял рядом, шурился на горизонт. — Тут где-то деревня старая. Заброшенная, давно. Я в ней был года два назад с другой группой. Там есть дом на краю — подвал сухой, крепкий. Можно переждать.

— Далеко?

— Минут двадцать на северо-запад. — Пауза. — Может, двадцать пять.

Борланд развернул карту. Крот навис рядом, ткнул пальцем. Борланд нашёл отметку — деревня была обозначена пунктиром, как все нежилые объекты. Севернее и западнее. Крюк от маршрута.

Первые капли упали на карту.

— Идём, — сказал Борланд, складывая её.

* * *

Двадцать пять минут растянулись.

Дождь начался раньше, чем они дошли. Не ливень — пока ещё нет, но плотный, холодный, с ветром, который бил в лицо и пугал направление звука. Лес потемнел. Трава стала скользкой. Борланд шёл впереди, сверяясь с компасом каждые несколько минут, и чувствовал, как маршрут тянется и тянется — дольше, чем должен был.

Он не любил этого.

Не дождя, не задержки — он не любил, когда путь становился длиннее запланированного по причинам, которые нельзя было предсказать заранее. Каждый лишний метр в незнакомом направлении — это новая переменная. Новая переменная в зоне — это риск.

И всё это время — взгляд в спину.

Он сменил позицию дважды — ненадолго, под предлогом проверки замыкающих, встал сбоку от группы, дал остальным уйти вперёд. Смотрел в лес. Слушал.

Дождь шумел. Ветер гнул ветки. Детектор молчал.

Ничего.

Но — было. Он чувствовал это так же ясно, как чувствовал «пламя земли» в кармане, как чувствовал Резак на бедре. Что-то там было. Умное. Терпеливое. Оно не нападало, не подходило ближе, не уходило. Просто — шло рядом. На своей дистанции.

Крот поравнялся с ним, когда группа вошла в редколесье у деревни.

— Давно замечаешь? — спросил он негромко, не оглядываясь.

Борланд посмотрел на него. Крот шёл прямо, смотрел вперёд — спрашивал как бы между делом.

— С начала маршрута.

— Я тоже. — Пауза. — Детектор чист.

— Знаю.

* * *

Деревня появилась из дождя внезапно — сначала силуэт покосившегося забора, потом тёмные провалы окон, потом сами дома. Четыре или пять строений, все в разной степени разрушенности. Крыши провалились у двух. Третий дом накренился, как будто устал стоять прямо и решил отдохнуть.

Крот уверенно пошёл к крайнему дому — приземистому, с толстыми брёвнами, с крышей, которая держалась. Нашёл дверь, потянул — та скрипнула, но открылась. Кивнул.

— Здесь.

Подвал был именно таким, каким Крот его описывал — сухим, низким, пахнущим старым деревом и землёй. Без окон. Без сюрпризов. Борланд осмотрел его в несколько секунд — угол, входное отверстие, потолочные балки. Всё держится. Один выход. Он встал у лестницы.

Группа устраивалась — кто-то сел прямо на земляной пол, кто-то нашёл старый ящик. Колесников открыл карту, второй учёный достал блокнот. Военные молча встали у стены — профессионалы, умели ждать без лишних движений. Ассистентка стряхнула воду с куртки и оглянулась.

— Долго?

— Пока не пройдёт, — сказал Борланд.

— А если часа три?

— Значит, три часа.

Она открыла рот, закрыла. Что-то в его тоне давало понять, что продолжение разговора в этом направлении ни к чему не приведёт.

Винт стоял в стороне от всех. Смотрел в потолок. Борланд наблюдал за ним краем глаза — не демонстративно, просто фиксировал. Наёмник не суетился, не разговаривал, не лез с вопросами. Это было профессионально. И это же было неудобно — человек, которого не читаешь, это человек, которому нельзя доверять спину автоматически.

Сверху загремело — дождь усилился, барабанил по крыше равномерно и плотно.

Борланд поднялся по лестнице на три ступеньки, остановился в темноте, осмотрел комнату через дверной проём. Дождь хлестал по окнам, в которых давно не было стёкол. Деревня была тихой.

Взгляд всё ещё был.

Он стоял там, наверху, слушал дождь и думал, что то, что следит за ними, сейчас где-то снаружи. В деревне. Или на её краю. Терпеливо ждёт, пока они выйдут.

— Леший, — позвал снизу Крот. — Чай будешь, если из термоса налью.

— Налей, — сказал Борланд, не оборачиваясь.

Дождь шумел. Зона ждала.

И что-то ждало вместе с ней.

Глава 6. Ловушка

Решение остаться на ночь приняли без долгих споров — погода не оставила выбора.

Дождь не утихал. Не усиливался, не слабел — просто шёл, монотонно и без намерения заканчиваться. Борланд посмотрел на небо в четвёртый раз за час, убрал компас и сказал то, что все уже понимали:

— Ночуем здесь.

Колесников кивнул. Военные — без реакции, они уже прикидывали, где лечь. Ассистентка что-то записала в блокнот — зачем, Борланд не понял, но останавливать не стал. Люди справляются с тревогой по-разному.

Подкрепились тем, что было — консервы, хлеб, термос с чаем, который Крот берёт с базы. Крот, выяснилось, ходил с учёными достаточно давно, чтобы знать: у них всегда есть что-то приличное в рюкзаке. Второй учёный достал фляжку и предложил по кругу. Военные отказались. Борланд тоже. Крот не отказался.

* * *

Перед тем как лечь, Борланд поднялся наружу.

Ночь была сырой и тёмной — луны не было, облака держали небо наглухо. Дождь чуть утих, перешёл в морось. Борланд постоял на крыльце, слушая деревню.

Деревня молчала. Не той живой тишиной, что бывает в лесу — а пустой, как молчит брошенное место, из которого ушло всё, включая эхо.

Он расставил ловушки методично — по периметру, на подходах к дому, на тропе между строениями. Не сложные, не военные — простые сигнальные: тонкая леска, консервная банка с несколькими камешками внутри. Если кто-то пройдёт — услышит. Этого достаточно, чтобы проснуться.

Закончив, он остановился у крайнего дома и долго смотрел в темноту.

Там было что-то. Он чувствовал — так же ясно, как чувствовал с самого утра. Оно стояло где-то за границей видимости, в том месте, где морось переходила в темноту. Не двигалось. Не приближалось. Просто — было.

Борланд смотрел. Ничего не появилось.

Он спустился вниз.

* * *

В подвале было по-своему уютно — насколько вообще может быть уютен старый земляной подвал под заброшенным домом в зоне.

Крот сидел между двумя учёными и объяснял что-то про пространственные карманы и теорию вложенных пузырей. Колесников слушал внимательно, второй учёный спорил — негромко, но с азартом человека, которому наконец нашлось занятие по душе. Фляжка переходила между ними в строгой очерёдности.

Военные лежали у стены. Оба. Глаза закрыты, дыхание ровное. Борланд не был уверен, спят ли они на самом деле, но беспокоить не стал. Правильная привычка — используй время отдыха, пока оно есть.

Винт сидел чуть в стороне от общего круга.

Борланд заметил это сразу, как спустился. Наёмник выбрал место у стены — спиной к камню, лицом к подвалу. Оттуда просматривался вход, лестница, и все остальные разом. Удобная позиция, если нужно быстро среагировать на любого из присутствующих. Не на внешнюю угрозу — на кого-то из своих.

Либо у Винта серьёзное прошлое, либо в этой группе есть кто-то, кого он пасёт. Или — что было неприятнее всего — Винт сам и есть тот, за кем стоит присматривать.

Он убрал эту мысль на потом. Завтра.

Ассистентка сидела у противоположной стены и смотрела на него.

Борланд это заметил не сразу — она смотрела тихо, без демонстрации, но когда он обернулся, взгляды встретились на секунду дольше, чем случайно. В глазах был интерес — живой, не профессиональный. И лёгкий румянец, который морось и усталость не объясняли.

Сколько тебе лет, Леший? — читалось в этом взгляде. — Ты совсем молодой.

Борланд отвернулся. О чём же ты там мечтаешь, красавица. Не вовремя.

Крот что-то сказал заумное, второй учёный не согласился, голоса немного повысились, потом снизились снова. Фляжка сделала ещё один круг. Борланд лёг у лестницы, закрыл глаза.

Ночь прошла быстро.

* * *

Проснулся он раньше всех.

Не от звука — от ощущения. Оно было здесь, в подвале, заполнило воздух за ночь, пока они спали. Не запах, не звук — что-то, что не имело названия, но сидело в каждой клетке тела как сигнал тревоги. Борланд лежал с закрытыми глазами секунд десять, прислушиваясь к себе. Потом открыл.

Подвал выглядел так же. Люди спали. Детектор на поясе молчал.

Но что-то было не так. Сильнее, чем вчера. Намного.

Крот проснулся следующим — сел, потёр лицо, посмотрел на Борланда с видом человека, который пытается понять: это голова болит от фляжки или от чего-то ещё.

— Это у меня, — сказал он негромко, — или...

— Не у тебя, — сказал Борланд.

Крот помолчал.

— Плохо.

* * *

Завтракали молча.

Борланд не отдавал команду молчать — просто так получилось. Даже ассистентка не задавала вопросов. Она сидела с кружкой, смотрела в стену, и лёгкой тревоги в её глазах было ровно столько, чтобы понять: она тоже чувствует. Что-то неопределённое, неназванное — но чувствует.

Это было хуже всего.

Борланд смотрел на неё, на Колесникова, который ел механически, на второго учёного, который почему-то перестал спорить. Одно дело — когда тревогу чувствуют те, кто ходит по зоне годами. Они знают этот фон, умеют его читать, умеют отделять сигнал от шума. Другое дело — когда её чувствуют люди, которые в зоне второй день. Те, кто ещё не научился слышать её язык.

Это значило, что сигнал громкий. Очень.

— Выдвигаемся, — сказал он, когда все доели.

* * *

Подниматься не хотелось.

Борланд поймал это ощущение и удивился ему — не страх, нет. Скорее что-то животное, инстинктивное. Тело знало что-то, что голова ещё не сформулировала. Он поднялся по лестнице, толкнул дверь.

Вышел.

Огляделся.

Вернулся вниз. Сел на ступеньку. Помолчал.

Группа смотрела на него. Все — даже военные, даже Винт.

— Леший, — сказал Крот осторожно. — Что там?

Борланд не сразу ответил. Он пытался уложить увиденное в слова, потому что в голове оно не укладывалось.

— Аномалии, — сказал он наконец. — Везде.

— В смысле — везде? — Крот нахмурился.

— В смысле — весь поселок. — Пауза. — После дождя. Как грибы выросли. Там, где вчера было чисто.

Тишина.

— Это невозможно, — сказал второй учёный. — Аномалии не возникают так быстро. Для формирования аномальной структуры нужно—

— Я знаю, что нужно, — сказал Борланд. — И тем не менее.

Крот встал, поднялся на две ступеньки, посмотрел в дверной проём. Вернулся. Лицо у него было такое, каким бывает у человека, когда реальность расходится с тем, что он считал возможным.

— Детектор молчит, — сказал он.

— Молчит.

— Тогда как ты...

— Чувствую.

Крот посмотрел на него. Потом кивнул — медленно, принимая это как данность. За три года совместных ходок с учёными он видел достаточно, чтобы не спорить с тем, что нельзя объяснить, но что работает.

Колесников поднял руку — жест человека, привыкшего к совещаниям.

— Что это значит практически? Мы заперты?

— Пока — да.

— И как долго?

Борланд не ответил сразу. Он думал. Пытался вспомнить — что-то из рассказов Химика, из тех редких вечеров, когда тот говорил о вещах, которые видел в других мирах. Аномальные поля. Подвижные зоны. Было что-то — краем, обрывком фразы.

«Видел однажды поле, которое двигалось. Не аномалии — само поле. Шло за группой, как тень. Я тогда решил, что показалось».

Химик никогда не говорил, что ему показалось.

— Крот, — сказал Борланд. — Ты слышал про аномальное поле, которое перемещается?

Крот медленно повернулся к нему.

— Слышал. Теория. Считается, что не подтверждённая.

— Считалась.

Крот смотрел на него секунду. Потом сел обратно на ящик и тихо, без лишних слов, произнёс:

— Вот это да.

За стенами подвала деревня молчала. Аномалии не светились при свете дня — но Борланд знал, что они там. Ждут. Как ждало что-то в лесу весь вчерашний день.

Нужно было выбирать. Вопрос был только в том — как.

Глава 7. Поле чудес

— Крот. Винт. Со мной.

Крот поднялся сразу. Винт — чуть позже, без вопросов, просто встал и подошёл. Борланд развернул карту на ящике.

— Мне нужна точная схема поселка. Каждый дом, каждый проём, расстояния между строениями. Насколько помните.

Крот начал рисовать — уверенно, по памяти, с привычкой человека, который умеет переводить пространство в линии. Борланд смотрел, поправлял где знал точнее.

Винт молчал минуту. Потом взял карандаш и начал добавлять детали.

Борланд наблюдал за тем, как он работает — быстро, точно, без колебаний. Забор у северного дома — три пролёта, средний завален. Колодец — правее, чем казалось. Расстояние от крыльца до угла — шагов десять, не больше. Глаз у наёмника работал как прибор. В дождь, в темноте, мимоходом — он снял всё.

Серьёзное прошлое. Очень серьёзное.

Карта вышла плотной. На неё ушёл час.

— Жди здесь, — сказал Борланд, забирая листы.

— Я пойду с тобой, — сказал Крот.

— Нет. Ты нужен здесь. — Борланд посмотрел на него. — Если я не вернусь через четыре часа — группу попытаешься вывести сам. Если мы сейчас там оба погибнем, результат для группы будет плачевным.

Крот не стал спорить. Кивнул.

* * *

Снаружи было серо и сыро. Дождь перешёл в мелкую взвесь — не капли, а просто влажный воздух, который оседал на лице и одежде.

Борланд вышел на улицу и остановился.

Поселок выглядел обычно. Пустые дома, мокрая трава, размытые колеи. Детектор молчал. Человек без чутья прошёл бы насквозь и ничего не заметил — до тех пор, пока не вошёл бы в первую аномалию.

Борланд стоял и слушал пространство.

Они были везде. Он чувствовал их как температурные пятна — не жар и не холод, что-то другое, не имеющее аналога в обычных ощущениях. Тут, тут, вот здесь — плотное, опасное. Там — слабее, но тоже есть. Между домами — коридор, почти чистый, но с краев поджимает.

Он достал карандаш и начал рисовать крестики.

* * *

Три часа он ходил по поселку.

Медленно, с остановками. Шаг, остановился, послушал. Шаг правее — лучше. Ещё шаг — хуже, вон там что-то крутится, не заходи. Он разговаривал с полем молча — не словами, чутьём, тем самым инструментом, который старейшина называл даром, а Химик называл практически: «Твоё преимущество. Не трать его зря».

Несколько жарок стояли прямо на проходе. Он разрядил их — методично, захватом, отводя энергию в сторону, туда где не было других аномалий. Две воронки перекрывали единственный удобный выход — он потратил на них полчаса, нашёл способ стравить одну через другую, освобождая коридор.

К полудню маршрут был готов.

Борланд стоял у выхода из поселка и смотрел на него — сорок метров, которые они прошли вчера за минуту. Теперь этот же участок займёт сорок минут. Может больше. Каждый шаг — точно в нужное место, никаких остановок в середине, никакого промедления там, где

он укажет двигаться быстро. Тайминг — главное. Аномалии после разрядки нестабильны, у них есть окно, и это окно не ждёт.

Сорок минут. Справимся.

Он развернулся и пошёл обратно.

* * *

Краем глаза он заметил это почти сразу — и остановился.

Где-то в середине поселка воздух вёл себя не так. Не аномалия — он бы почувствовал. Что-то другое. Борланд смотрел прямо — ничего. Перевёл взгляд чуть в сторону, поймал периферией.

Там.

Несколько слоёв одного и того же пространства, наложенных друг на друга со смещением. Как будто кто-то взял один и тот же пейзаж, разбил на куски и собрал обратно — почти правильно, почти, но не совсем. Бесформенные осколки, висящие в воздухе без опоры, без логики, в трёх измерениях сразу.

Стоило посмотреть прямо — исчезало. Только периферийным зрением.

Борланд сделал крюк.

Подожёл ближе — осторожно, читая пространство под ногами. Метров за десять пальцы закололо. Знакомо — как тогда, с кляксой, только сильнее. Резак потеплел на бедре. Потом начал подрагивать — едва заметно, в такт чему-то, что Борланд не слышал, но чувствовал.

Он остановился.

Разрыв. Прямо здесь, в центре аномального поля. Пространство расходилось по невидимому шву — не открыто, не опасно сейчас, но там. Ждало.

Борланд стоял и смотрел на него — точнее, мимо него, периферийным зрением, потому что иначе не видел. Думал.

До конечного пункта группы — полтора часа, может два. Крот дорогу знает, справится. Военные прикроют. До базы сталкеров они доберутся без него.

А здесь — разрыв. Возможно, именно тот тип, что пронесёт его туда, куда нужно. Или не туда. Зона не даёт гарантий.

Он принял решение.

Сначала — вывести группу. Потом вернуться.

* * *

Затылком он почувствовал взгляд.

Борланд обернулся медленно, не резко.

Винт стоял метрах в двадцати — у угла дома, в тени, почти неразличимый. Смотрел на него. На Резак, который всё ещё слегка подрагивал. На то место, где висел разрыв.

Всё это время. Пока Борланд ходил по полю, составлял маршрут, стоял у разрыва — Винт был здесь. Следил. Аккуратно, профессионально, не подходя ближе нужного.

И только сейчас Борланд это почувствовал.

Они смотрели друг на друга секунду. Две. Винт не двинулся с места. Борланд не двинулся тоже.

Потом развернулся и пошёл к дому.

* * *

В подвале он разложил карту на ящике, дал всем подойти.

Ассистентка наклонилась над листом — и замерла. Смотрела на паутину линий, крестиков, стрелок и отметок времени. Борланд видел, как она читает карту — быстро, профессионально, с тем выражением, с каким читают не текст, а язык. Потом достала свой блокнот и начала перерисовывать — быстро, почти не глядя на карандаш.

Борланд смотрел на неё секунду. Обычно такая карта стоила денег — хороших денег. Сталкеры не раздают информацию о зоне просто так.

Но он уходил из этого мира. Куда ему эти деньги.

Пусть. Может, напишет потом диссертацию. Изучит подвижные поля, станет известным учёным. Хорошая судьба для карты.

— Слушайте внимательно, — сказал он, и разговоры стихли. — Маршрут я прошёл. Сорок минут, может больше. Темп — мой. Где скажу стоять — стойте. Где скажу бежать — бежите без вопросов и не останавливаетесь. — Он обвёл взглядом группу. — Аномалии после разрядки нестабильны. Окно небольшое. Кто промедлит — подведёт всех.

Молчание. Кивки.

— Крот, военные — впереди. Не как отмычки. — Он поймал взгляд Крота. — Я буду сзади, буду видеть весь маршрут. Если что-то сместится — скорректирую.

— Понял, — сказал Крот.

— Выдвигаемся.

* * *

Первые двадцать минут шли хорошо.

Борланд вёл группу голосом — коротко, без объяснений: шаг левее, стоп, три шага вперёд, правее, быстро. Люди слушались — даже учёные, даже ассистентка, которая в другое время наверняка спросила бы почему. Страх делает людей послушными. Иногда это спасает жизнь.

Поселок растягивался вокруг них — те же дома, те же двадцать метров, что вчера прошли мимоходом. Сейчас каждый из них был отдельным решением, отдельным шагом, отдельным выдохом.

Они взмокли все — Борланд видел это по спинам. Не от усилия, от напряжения. Так работает страх, когда его держишь внутри и не выпускаешь.

До выхода оставалось метров десять.

* * *

Рюкзак второго учёного задел воронку краем — Борланд увидел это раньше, чем почувствовал.

— Стоп!

Но было поздно на долю секунды.

Воронка схватила рюкзак и потянула — не резко, плавно, как затягивает водоворот. Учёный дёрнулся, потерял равновесие. Один из военных среагировал мгновенно — схватил за лямки, упёрся, рванул. Второй военный зашёл сбоку, поддержал. Вдвоём выдернули — учёный вылетел вперёд, устоял на ногах.

Воронка осталась без добычи.

И начала раскручиваться.

Борланд это почувствовал ещё до того, как увидел — нарастающее давление в воздухе, как перед грозой, только быстрее. Воронка разгонялась. Через несколько секунд она заденет соседние аномалии — а там пойдёт цепью, одна за другой, и весь этот лабиринт превратится в одно большое минное поле, которое детонирует без остановки.

Крот застыл. Смотрел на воронку.

— Крот! — крикнул Борланд. — Бегите! Все — бегите! До выхода осталось немного!

А сам развернулся.

Глава 8. Разрыв

Крот рванул не оглядываясь.

Борланд видел, как он сверился с картой на ходу — одним взглядом, секунда — и пошёл по маршруту уверенно, без колебаний. Военные следом, след в след, как на учениях. Учёные за ними — хуже, со стороны было видно, что тело не слушается так, как хотелось бы, но в стороны не отклонялись, держали линию.

Борланд уже разворачивался к воронке, когда краем глаза поймал — ассистентка не двигается.

Она стояла посреди коридора между аномалиями и смотрела на детонирующую воронку. Лицо белое. Ноги не держат — он видел это по тому, как она чуть осела, как будто колени решили, что хватит.

Нервы сдали. Тело отключилось.

Мысль остановить цепочку улетела.

Борланд развернулся и в три шага оказался рядом. Схватил за шиворот — не грубо, но без церемоний — и потащил по коридору. Она не сопротивлялась, просто волочилась, ноги работали на автомате.

За спиной хлопнуло. Первая аномалия в цепочке.

Быстрее.

Коридор сужался — две аномалии сместились там, где только что прошли учёные. Дальше тащить её не выйдет. Борланд остановился, огляделся — секунда, не больше.

Трамплин.

Молодая, маленькая аномалия, почти невидимая в траве. Он почувствовал её чуть раньше, чем увидел — лёгкий поток в воздухе и напряжение, как у сжатой пружины. Маленькая — значит, не убьёт. Хрупкую девушку без тяжёлого снаряжения — подбросит. Если угол правильный, полетит по дуге. Если успеет сгруппироваться — приземлится.

Должна успеть.

Борланд перехватил её за шиворот — как держат шар для боулинга, замах, — и швырнул в центр аномалии с усилием, рассчитывая угол на ходу, не думая, просто чувствуя, когда нужно отпустить.

Трамплин чавкнул — смачно, довольно.

Ассистентка взлетела по дуге.

Взвизгнула — тонким, отчётливым голоском.

Хорошо. Сознание вернулось. Успеет сгруппироваться.

* * *

За спиной уже грохотало по-настоящему.

Он обернулся — одним быстрым взглядом, зафиксировать картину. Аномалии детонировали цепочкой, одна за другой, поселок превращался в месиво наложений, хлопков, световых вспышек и звука, который был не звуком, а скорее давлением на уши. Красиво и страшно, как всё в зоне.

И там, в середине этого — разлом.

Цепная реакция ещё не дошла до него. Пространство там ещё дрожало своим ритмом, не чужим. Окно было. Маленькое, и сужалось с каждой секундой.

Борланд рванул.

Он бежал напрямую, не по маршруту — маршрут больше не существовал, поле разваливалось. Читал пространство под ногами в режиме реального времени: сюда, перепрыгнуть, левее, прямо, не останавливаться. Один раз почувствовал краем подошвы, как захватывает воронка — оттолкнулся жёстко, ушёл в сторону, не упал.

Разлом был впереди.

Резак сам пошёл в руку — он не помнил, как потянулся к ножнам. Просто он уже был в ладони, тёплый, пульсирующий — не тревожно, а радостно почти, с тем ощущением правильного инструмента в правильный момент. Пространство вокруг разлома дрожало крупнее, быстрее.

Борланд не остановился.

Один взмах — лезвие вошло в воздух мягко, как в воду. Пространство раздвинулось. Не распахнулось — именно раздвинулось, как ткань по шву, тихо и неотвратимо.

За спиной грохнуло близко — совсем близко.

Он нырнул в разрыв.

* * *

Крот выбежал из поля первым.

Остановился. Обернулся.

Военные — здесь. Учёные — здесь. Колесников задыхается, согнулся, руки на коленях. Второй учёный стоит прямо, смотрит на поле с видом человека, у которого в голове происходит что-то, на что не хватает слов.

Поле детонировало. Смотреть в ту сторону было как смотреть на несколько реально-стей одновременно — аномалии наслаивались друг на друга, пространство мешалось, теряло форму. За этой стеной ничего нельзя было разглядеть.

Двоих не было.

Крот считал — автоматически, как считают всегда после боя, по привычке, от которой нельзя избавиться. Семь минус двое. Леший. И Винт — тот вообще исчез где-то между подвалом и выходом, Крот не заметил когда.

Чуть в стороне что-то свистнуло рассекаемым воздухом, и на траву метрах в двадцати упала ассистентка.

Упала неплохо — голову закрыла, плечо приняло основной удар, откатилась. Крот уже бежал к ней.

— Живая?

Она подняла голову. Посмотрела на него. В глазах была та особая пустота, которая бывает после того, как тело побывало там, куда разум не успел.

— Живая, — сказала она. И расплакалась.

* * *

Они сидели на траве метрах в пятидесяти от границы поля.

Поле всё ещё детонировало — уже медленнее, стихия сходила на нет, но смотреть на него никто не перестал. В глазах военных была та злость, которая бывает у профессионалов, когда ситуация вышла из-под контроля и кто-то остался внутри. Колесников молчал, смотрел в землю. Второй учёный курил.

Ассистентка сидела рядом с Колесниковым, лицом в его разгрузочный жилет. Плечи тряслись. Потом успокоилась, подняла голову, вытерла лицо и начала говорить — быстро, сбивчиво, как говорят, когда нужно выпустить то, что распирает изнутри.

Рассказала, как застыла. Как Леший появился из ниоткуда и потащил её по коридору, который она не видела, но он видел. Как швырнул в аномалию — она думала, это конец, а оказалось — это спасение. Как в полёте поняла, что нужно сгруппироваться, и успела.

— Он спас меня, но отрезал себе все пути, — сказала она. — Из-за меня он погиб.

И снова разрыдалась.

Никто не ответил.

Крот курил, смотрел на поле. На душе лежало то, чему он не давал названия — тяжело и неудобно, как камень в кармане. Он злился на Лешего — за то, что послал вперёд, как отмычку. Доверяй, иди, я сзади. А сам остался.

Но злиться получалось плохо.

Потому что Крот знал, зачем Леший остался сзади. Не из-за тактики — чтобы видеть всех. Чтобы если кто споткнётся, среагировать. Он остался сзади ради них. И когда девчонка застыла — успел.

Не зря его Лешим звали. Этот сталкер бродил там, куда медведь-шатун шататься боялся. Крот видел таких людей — редко, но видел. Тех, у кого зона в крови, кто ходит по ней как по своему двору, чувствует каждый сантиметр. Борланд был из таких. Молодой — чёрт, насколько молодой, Крот только сейчас это осознал по-настоящему, — а ходил так, будто родился в зоне.

Может, так оно и было.

Он бросил окурок, хлопнул себя по коленкам и встал.

— Нам пора.

Все посмотрели на него.

— Леший и Винт — не выйдут. — Он сказал это ровно, без интонации. — Не отсюда и не сейчас. — Пауза. — Если им каким-то чудом удалось выжить — встретим в конечной точке. Леший знал маршрут лучше нас всех. Если есть хоть один способ выйти — он его найдёт.

Он не был уверен в этом. Но группе сейчас нужна была не уверенность — нужно было движение.

— Подъём. Выдвигаемся.

Колесников первым встал. Военные — следом. Ассистентка вытерла лицо ещё раз, убрала блокнот и поднялась.

Крот бросил последний взгляд на поле.

Детонация стихала. Поселок тонул в тишине и наложениях, которые ещё не разошлись.

Где-то там — разрыв, который Леший нашёл. И Леший, который в него нырнул.

Выживи, Леший. Ты ещё должен мне объяснить, что такое подвижное аномальное поле.

По-человечески, без этих своих «чувствую».

Он развернулся и пошёл.

Глава 9. Новый мир

Борланд вывалился из разрыва боком, перекатился по инерции — раз, два — и уже стоял на колене с автоматом на изготовку.

Тишина.

Он быстро считал пространство перед собой: невысокий холмистый рельеф, редкий кустарник, бледное небо с тяжёлыми облаками. Запах — сырой, с примесью чего-то незнакомого, не опасного. Детектор пискнул и успокоился — фон есть, но слабый, фоновый. Не зона, просто мир.

Живой мир.

Борланд обернулся.

На месте разрыва — ничего. Ни следа, ни свечения, ни того едва уловимого дрожания воздуха, которое он видел только периферийным зрением. Аномальный коллапс на поле схлопнул всё — ткани мира сомкнулись, старые границы разрыва исчезли, будто их никогда и не было. Чисто.

На том месте, где только что был разрыв, стоял Винт.

Удивлённый — да. Растерянный — нет. Всё тот же собранный взгляд, всё то же лёгкое напряжение в плечах, которое у него, кажется, никогда не проходило. Пока Борланд осматривал пространство перед собой, Винт держал в поле зрения то, что осталось позади. Они прикрывали разные направления — автоматически, не договариваясь.

Борланд уставился на него.

Только сейчас — здесь, в тишине нового мира, когда адреналин начал отступать — он сложил картину. Весь путь по аномальному полю. Момент у разрыва. Взгляд из-за угла дома. И то, чего он не замечал тогда, в стрессе, в движении — Винт двигался следом всё время. Тихо, точно, растворяясь в пространстве, когда не хотел быть замечен, и материализуясь снова, когда считал нужным. Не как наёмник, прикрывающий группу. Как тень, у которой была своя задача.

Винт посмотрел на него в ответ. Потом отвёл взгляд — не уклончиво, просто огляделся, привыкая к новой обстановке. Повёл плечами. Потом кивнул куда-то в сторону — там, метрах в десяти, торчали два старых пня рядом.

Борланд кивнул.

Они сели.

* * *

Минуту стояла тишина. Борланд смотрел на горизонт, Винт — на руки. Где-то далеко прокричала птица, незнакомая, с низким гортанным звуком. Мир дышал спокойно.

— Вернуть тебя обратно я не смогу, — сказал Борланд наконец. — Разрыв закрылся окончательно. Найти соприкосновение этих же миров в другой точке — проблематично. Не невозможно, но рассчитывать на это не стоит.

Винт слушал, не перебивая.

— К вопросу о разрывах — в двух словах не объяснить. — Борланд помолчал, подбирая слова. — Я сам не из того мира и не из этого. Химик и Пригоршня — думаю, ты о них слышал — забрали меня ещё ребёнком. В моём мире меня ждала смерть, они дали другой выход. После этого мы долго ходили по мирам, пока не осели в том, откуда мы сейчас пришли.

Он снял Резак с бедра, положил на колени — не угрожающе, просто показывая.

— В моём родном мире был артефакт «Душа» — с его помощью Химик и Пригоршня и ходили между мирами, между пространственными пузырями. Старейшина моего племени переработал его. Превратил вот в это. Резак режет пространство там, где материи разных миров близко прилегают друг к другу. Ты всё видел сам — думаю, объяснений много не нужно.

Он убрал нож обратно.

Винт молчал ещё несколько секунд. Смотрел куда-то в сторону холма. Потом заговорил.
* * *

— На самом деле я тоже не из того мира.

Он сказал это ровно, без особой интонации — как говорят о факте, к которому давно привыкли, но который всё равно весит.

— После твоих слов картина в голове становится более ясной. — Пауза. — Примерно полгода назад я оказался в том мире, откуда мы пришли. Случайно. В ходе аномального эксперимента наших учёных — не из группы Колесникова, других. Из моего мира.

Борланд слушал молча.

— Они нашли пространственный пузырь. Я был наёмником, сопровождал их в походы — у нас тоже были свои зоны. Похожие на ваши, но не совсем. Сталкеров не было. Были те, кто жил внутри постоянно — мы называли их Тёмными. Они почти никогда не шли на контакт, часто воевали с нами. Считали зону своим домом, а нас — незваными гостями.

Он чуть помолчал.

— В общем, наши головастики перегрузили пузырь с помощью каких-то импульсных установок. Он схлопнулся. Меня и ещё пару человек затянуло в пространственную дыру. Мгновение — и я лежу в незнакомой местности. Ребят своих так и не нашёл. За полгода никаких следов — ни живых, ни мёртвых.

Борланд кивнул — не комментируя, просто давая понять: слушает.

— Пока искал информацию о них, наткнулся на странные упоминания. О тебе. О твоих приёмных отцах. Мол, не такие сталкеры, как все, держитесь обособленно, свидетелей ваших странностей мало, но они есть. Как только узнал, что ты поведёшь группу — глаз не спускал. Всё время смотрел, впитывал. — Небольшая пауза. — Можешь меня не опасаться.

Он посмотрел на Борланда — прямо, без лишнего.

— Давай побудем напарниками какое-то время. У тебя опыта явно больше. Доберёмся до местных, разберёмся с обстановкой. А там решим, куда двигаться дальше.

Он замолчал. Потом добавил — тише, без той собранности, которая была в голосе всё остальное время:

— Хотел бы я вернуться в свой мир. К семье.

И всё. Больше ни слова.

Борланд смотрел на него. От Винта за всё время было непривычно слышать столько слов подряд — а уж тем более таких. Последняя фраза прозвучала не как жалоба и не как просьба. Просто — факт. Тихий, тяжёлый, из тех, что не требуют ответа.

Борланд знал это чувство.

Он смотрел на незнакомый горизонт — холмы, незнакомый кустарник, чужое небо — и думал, что у него тоже есть мир, куда он хочет вернуться. Только он не знает, как он выглядит сейчас. И существует ли ещё.

— Принято, — сказал он наконец. — Напарники.

Он встал, закинул рюкзак.

— Нужно найти ориентиры. Понять, куда мы попали, есть ли здесь люди, насколько активна зона. — Он достал детектор, посмотрел на показания. — Фон слабый, но есть. Значит, аномалии где-то есть. Значит, есть и те, кто с ними живёт.

Винт встал рядом — молча, без вопросов. Снова собранный, снова тот самый профессиональный взгляд, который читал пространство как текст.

— Туда, — сказал Борланд, кивнув на северо-восток, где холмы чуть понижались. — По низинам всегда легче найти воду. Где вода — там люди.

Они пошли.

* * *

Новый мир принял их тихо. Без угрозы, без приветствия — просто открылся вокруг, незнакомый и спокойный, как бывает в начале пути, когда ещё не знаешь, что ждёт впереди.

Борланд шёл и думал о Кроте — дошёл ли, довёл ли группу. О том, где сейчас Химик и Пригоршня и знают ли, что он уже в другом мире. О разрыве в центре аномального поля, который будто ждал его.

Не все двери ведут туда, куда ты хочешь попасть.

Старейшина говорил что-то похожее. Только другими словами.

Рядом шёл Винт — тихо, чуть позади и правее, на своей привычной дистанции. Но теперь это читалось иначе. Не как слежка. Как прикрытие.

Впереди было много вопросов и мало ответов.

Борланд усмехнулся. В зоне так всегда.

Глава 10. Франкенштейн

День они шли по долине между холмами — ровно, без спешки, без происшествий.

Это само по себе было странно.

Борланд привык к тому, что новый мир встречает сразу — аномалией, мутантом, хотя бы запахом зоны, который ни с чем не спутаешь. Здесь — ничего. Только долина, трава, холмы с одной и другой стороны, и небо, которое было чуть не того оттенка — не серым и не синим, а каким-то промежуточным, как будто не определилось.

— Странно всё это, — сказал Борланд, когда солнце начало клониться. — Разломы обычно ведут в другую зону. А здесь будто и не зона вовсе.

Винт пожал плечами. Тот разговор на пнях, кажется, отнял у него запас слов на несколько дней вперёд — и что-то ещё, помимо слов. Что-то из памяти поднялось и теперь лежало внутри, тихое и тяжёлое.

Борланд не стал давить. Понимал.

Он шёл и слушал.

Вот в чём было дело — он слушал, и там не было ничего. Совсем. Ни птиц, ни насекомых, ни ветра в траве. Трава стояла неподвижно, хотя воздух был. Небо — пустое. Ни единого звука, кроме их шагов.

Борланд остановился.

Даже насекомых нет.

Он стоял и думал об этом. В любом живом мире — даже в самой глубокой зоне — есть насекомые. Мутировавшие, странные, опасные — но есть. Они живут везде, где вообще есть жизнь. Их отсутствие означало одно: всё живое куда-то спряталось. Забилося под землю, под камни, в норы.

Всё живое прячется тогда, когда знает, что идёт.

Спина похолодела — резко, без предупреждения. Борланд знал это ощущение. Тело реагировало раньше головы, как всегда.

Выброс.

Он не знал, бывают ли выбросы в этом мире. Не знал, как они здесь выглядят и насколько опасны. Но логика была универсальной — если всё живое прячется, значит, им известно что-то, чего он ещё не чувствует.

— Нужно укрытие, — сказал он. — Сейчас.

Винт не спросил почему. Просто начал смотреть по сторонам.

* * *

Расщелину нашли у подножия холма — неприметную, почти невидимую за кустарником. Борланд протиснулся первым, Винт следом.

Внутри оказался грот.

Небольшой, низкий, со стенами из плотной скальной породы. Пахло землёй и камнем, сухо, без сырости. Потолок уходил в темноту — там был слой грунта, потом ещё скала. Глубоко. Достаточно глубоко.

Борланд выдохнул. Если будет выброс — есть где переждать.

Винт не сел. Прошёлся по гроту — методично, вдоль стен, осматривая каждый угол, каждую трещину. Борланд наблюдал за ним: не суетился, не торопился, двигался с той же экономной точностью, что и всегда. Что-то его насторожило — что именно, не сказал. Дошёл до дальней стены, остановился на секунду. Вернулся.

Молча сел.

Ели тоже молча — консервы, остатки хлеба. Борланд думал о выбросе, о том, что это за мир такой, где всё живое прячется, но опасности на детекторе нет. Потом перестал думать — усталость брала своё.

Договорились о дежурстве. Через четыре часа Винт должен был разбудить.

* * *

Борланд проспал около двух часов.

Проснулся не от звука — от приступа тревоги, острого и внезапного, как удар под рёбра. Сел, рука потянулась к автомату, но остановилась.

Винт лежал на земле, держась за голову. Лицо — нехорошее. Напряжённое, сведённое, как бывает от сильной боли или от чего-то, что давит изнутри.

В грот вползало существо.

Крупная кошка — похожая на рысь, но крупнее, с длинными лапами и слишком длинным хвостом, в две длины тела. Хвост волочился по камню, на конце — что-то похожее на цветок, светившийся голубым. Свет пульсировал, иногда мерцал, ритмично — как дыхание.

Борланд смотрел на неё.

Кошка двигалась с трудом. Каждый шаг давался ей через боль — он видел это по тому, как она переносила вес, как чуть заваливалась на левый бок. Шла от входа вглубь, медленно, не глядя на людей. Прошла достаточно — и упала.

Просто легла на бок и больше не двигалась.

Винту сразу стало лучше — Борланд увидел, как напряжение сходит с его лица. Псионик. Когда кошка была в сознании и в стрессе, она давила на всё вокруг. Борланд почти не ощущал этого — что-то в нём, из его родного мира, из тех лет жизни рядом с аномалиями, ставило что-то вроде естественного экрана. Но Винт — другое дело, без привычки.

Борланд опустил взгляд на автомат. Понял, что так и не взял его в руки.

Вот почему она не атаковала.

— Винт, — сказал он негромко. — Ты как?

Тот приподнялся на локте, потёр висок.

— Нормально. — Пауза. — Что это было.

— Псионик. — Борланд смотрел на кошку. — Об оружии даже не думай.

— Она ранена.

— Вижу. — Он встал. — Она спасалась. Снаружи что-то происходит. Твоя готовность стрелять не давала ей шанса договориться с нами — псионики это чувствуют. — Пауза. — Умные они. Думаю, после отдыха уйдёт. А может, и поможет.

Винт посмотрел на него с тем выражением, с каким смотрят на человека, который говорит странные вещи, но почему-то им веришь.

— Я осмотрю её раны, — сказал Борланд. — Отдыхай. Теперь сюда вряд ли кто-то сунется — раз она здесь, значит, место безопасное. Можем проспать оба.

* * *

Он подошёл к кошке медленно, без резких движений.

Присел рядом. Достал фонарь, направил в сторону, чтобы не слепить. И начал осматривать.

Раны были везде — по бокам, на лапах, вдоль спины. Много ран. Но не то, что бывает от зубов или когтей. Борланд присмотрелся.

Порезы. Тонкие, ровные, с идеально чистыми краями. Слишком ровными для живого существа — будто резало что-то с постоянным, неизменным усилием. Узор складывался в подобие сетки — параллельные линии в двух направлениях, пересекающиеся под прямым углом.

Борланд запомнил. Такое оставляет не мутант и не оружие. Аномалия. Здесь есть свои аномалии, и одна из них режет именно так.

Он достал иглу — самую большую из тех, что были в аптечке — и нитку.

Кошка открыла один глаз. Посмотрела на него — долго, с тем спокойным нечеловеческим вниманием, каким смотрят существа, умеющие читать намерения напрямую. Потом закрыла.

Издала очень тяжёлый вздох.

Борланд начал шить.

* * *

Работа заняла около часа.

Он тихо матерился — вполголоса, без злости, просто потому что игла была слишком большой и пальцы уставали, и несколько раз он укальзывался сам. Кошка лежала неподвижно. Иногда подрагивала, когда он трогал особенно глубокий порез, но не двигалась, не рычала. Терпела.

К концу Борланд откинулся назад, размял руки.

— Фуф. — Он посмотрел на дело своих рук — аккуратные стежки вдоль всех основных порезов. — Назову тебя Франкенштейн. Отдыхай. Надеюсь, я не ошибся и ты нас не съешь.

Он достал из контейнера «пламя земли» — тёплый оранжевый шарик лежал в ладони, светился тихо. Борланд смотрел на него секунду, потом на кошку. Почему — не мог бы объяснить. Просто что-то внутри сказало: надо.

Он примотал артефакт бинтом к груди кошки, там, где рёбра — чтобы тепло шло ровно, изнутри наружу.

Может, поможет. Может, нет. Но хуже не будет.

Он лёг на своё место.

Краем глаза заметил: Винт, который всё это время лежал с закрытыми глазами, наконец расслабился. По-настоящему — плечи опустились, дыхание выровнялось. Тело отпустило напряжение, которое держало всё это время, пока Борланд тихо матерился и штопал кошку.

Профессионал до мозга костей. Даже во сне — на страже.

Борланд закрыл глаза.

Грот был тих. «Пламя земли» давало чуть заметное тепло. Где-то рядом ровно дышал Франкенштейн.

Снаружи — что бы там ни было — подождёт до утра.

Глава 11. Мир псиоников

Борланд проснулся с ощущением, которого не помнил уже очень давно.

Будто спал дома. На нормальной кровати, под нормальным одеялом, и никуда не нужно было вставать.

Он лежал секунду, прислушиваясь к этому ощущению — непривычному, почти подозрительному. Потом посмотрел на Франкенштейна.

Кот лежал там же, где упал ночью. Не шелохнулся. Только хвост жил своей отдельной жизнью — медленно скользил по земле, поднимался, опускался, будто наблюдал за гротом независимо от хозяина. Голубой цветок на конце едва мерцал.

Вот значит как. Полазал в мозгах. Спасибо за одеяло, Франк.

Винт всё ещё спал — ровно, глубоко, без того напряжения в плечах, которое было вчера. Его сон тоже был под контролем.

Борланд встал, подошёл к коту. Присел рядом — аккуратно, без резких движений. Снял повязку, забрал «пламя земли», убрал в контейнер. Осмотрел швы — держатся, края не воспалились. Хорошо.

* * *

В грот проникало немного света — через расщелину, рассеянным, почти молочным потоком. Но хватало, чтобы рассмотреть.

Борланд смотрел на Франкенштейна и думал, что ночью, в темноте и стрессе, не успел толком увидеть, с кем имеет дело.

Тело — около двух метров в длину. Лапы с широкими мягкими подушками, как у льва — для тихого шага по любой поверхности. При этом сложение было рысье: коренастое, гибкое, с короткой шеей и широкими плечами. Кисточки на ушах — и на кончиках этих кисточек тоже что-то голубое, пульсировало в том же ритме, что и хвост. Шерсть чёрно-серая, переливается в слабом свете.

Ночной охотник. Днём будет заметен. Но ночью — в лунном свете не найдёшь, даже если знаешь, куда смотреть.

Он уже убирал руку, когда хвост двинулся.

Медленно, без угрозы — просто потянулся в его сторону. Цветок на конце чуть раскрылся, голубое свечение стало ярче.

Борланд замер.

Контакт?

В голове зачесалось — лёгкое, почти шекотное ощущение, как когда пытаешься вспомнить слово, которое вертится на языке. Не давление псионика на психику — что-то другое. Вопрос, почти.

Борланд поднёс руку к цветку.

Тот раскрылся полностью — и тонкие нити потянулись к его ладони. Коснулись.

Дальше он увидел себя со стороны.

* * *

Тело само опустилось на землю, село и сложило ноги по-турецки. Глаза закатились. Борланд наблюдал за этим откуда-то сверху и сбоку одновременно — и в то же время уже не наблюдал, потому что образы накрыли его и понесли.

Темнота. Страх — чужой, глубокий, животный. Не его страх — Франкенштейна.

Потом темнота стала ярче — не светлее, именно ярче, будто у темноты появилась насыщенность. И в этой насыщенной темноте появились ленты.

Жёлтые, белые, красные — они тянулись во всех направлениях, пересекались, пульсировали. Борланд смотрел на них и понял: это запахи. Чужие следы. Ментальные отпечатки.

Всё то, что человек не воспринимает никак, здесь было видимым, почти материальным — как нити в пространстве, как карта, написанная на языке, которого он не знал, но почему-то читал.

И в этой карте — страх.

Очень глубокий. Глубже самосохранения.

Франкенштейн бежал. Борланд чувствовал это телом — ритм лап, качание хвоста, воздух, который бьёт в морду. Впереди красное марево с нитями — они висели в пространстве как паутина, неподвижные, плотные. Аномалия. Небольшая, но объехать — значит потерять секунды, а позади что-то шло, что-то, от чего бежал весь этот мир, прятал насекомых под землю и убирал птиц с неба.

Кот выбрал прямо.

Вспышка — как светошумовая граната изнутри черепа. Боль — не физическая, что-то глубже. Борланд почти вскрикнул чужим криком.

Потом боль отступила. И пришло другое.

* * *

Новые образы — спокойные, насыщенные. Другое время, другое настроение.

Охота. Ночной лес, полный лент-следов, пересекающихся и уходящих в темноту. Добыча — Борланд не понял, что именно, образ был нечётким, — но азарт был понятен без перевода.

Потом — другое. Люди.

Борланд смотрел на них внимательно. Странные. Большие головы — но лица человеческие, без следов мутации, без гниения. Уши заострённые, длинные. Движения плавные, спокойные. Они не боялись ни леса, ни лент в воздухе, ни самого Франкенштейна.

Местные. Аборигены.

Потом Леший подумал о том, что Химик рассказывал про выжигатель мозгов и его поле, сравнил с местным выбросом — и от этой мысли сознание кота отшатнулось. Метнулось в сторону, как пламя от ветра. Потом успокоилось.

— Ага. Значит, я тоже могу показывать тебе мультики. Это интересно.

Картинки стали тускнеть — одна за другой, как гаснущие лампы. Видимо, ночные раны и такой объём передачи информации брали своё. Последнее, что Борланд увидел — снова те люди с заострёнными ушами. Спокойные, привычные к этому миру. Живущие в нём как часть его.

Как когда-то моё племя.

Хвост мягко отцепился от его руки и обвился вокруг тела кота.

* * *

Борланд пришёл в себя и некоторое время просто сидел.

В голове было как после сильной гулянки — тяжело, немного мутно, мысли двигались медленнее, чем обычно. Он встал — и желудок качнулся куда-то не туда. Борланд сглотнул, остановился, переждал. Сдержался.

Подошёл к Винту, сел рядом. Немного полегчало.

Винт молчал. Смотрел — на него, на кота, снова на него. Где-то посреди контакта он проснулся — Борланд краем видел, как тот вскочил с вдохом, будто вынырнул, как рука дёрнулась к оружию и убралась обратно. Инстинкты сработали правильно: оружие сейчас не при чём.

Пока Борланд приходил в себя, Винт проверил провизию и поставил воду — тихо, без лишних движений. Нашёл себе занятие. Умел ждать.

Сейчас он смотрел и ждал рассказа.

Борланд помолчал ещё секунду. Потом начал.

— Это псионик. Сильный. — Он потёр висок. — Ночью снаружи был выброс — скорее всего, пси-волна, если здесь всё работает через ментальное поле. Он бежал от неё, попал в аномалию — отсюда порезы — и добрался сюда.

Пауза.

— Только что он показал мне, что было снаружи. Глазами. — Борланд помолчал, подбирая слова. — Этот мир — другой. Здесь всё через ментальное поле: следы, запахи, общение. Аномалии выглядят как паутина из нитей — красная, плотная. Маленькая, но режет чисто. — Он вспомнил узор на шкуре кота. — Как те порезы.

Винт слушал, не перебивая.

— И ещё. Здесь есть люди. — Борланд посмотрел на Франкенштейна. — Большеголовые, с заострёнными ушами. Не мутанты — просто другие. Живут здесь нормально, без страха. Знают этот мир.

Он помолчал.

— Нам нужно их найти.

Франкенштейн лежал неподвижно. Хвост медленно двигался по земле — живёт своей жизнью, наблюдает. Голубой цветок едва светился.

Борланд посмотрел на него.

Глава 12. Снова в путь

Позавтракали быстро — остатки консервов, чай из термоса. Переложили вещи, подтянули ляжки. Борланд проверил Резак, детектор, аптечку. Всё на месте.

Франкенштейн всё ещё не просыпался.

Борланд подошёл к нему, присел. Кот дышал ровно — глубоко, медленно, как спят после большой потери крови. Хвост лежал неподвижно, цветок на конце едва светился — тускло, на минимуме.

Борланд взял хвост в руку — аккуратно, как берут что-то хрупкое — и подбросил в голове образ. Тех самых людей с заострёнными ушами. Большеголовых, спокойных, которых видел в чужих воспоминаниях.

В ответ пришло немного — два-три смазанных образа, почти без деталей. Лес. Направление. Что-то похожее на ориентир — тёмная скала или обрыв, Борланд не разобрал точно.

Он кивнул сам себе. Примерный курс — уже что-то.

Отпустил хвост. Похлопал кота по загривку — легко, как хлопают домашнюю кошку, хотя эта машина для убийств весила, наверное, как два взрослых человека.

— Как восстановишься — догоняй. Быть может, поохотимся вместе.

Встал. Кивнул Винту.

Выдвинулись.

* * *

Долина встретила их утренним туманом.

Он лежал низко, почти у самой травы — не густой, просто лёгкая взвесь, которая делала горизонт мягким и нечётким. Холмы по обеим сторонам были всё такими же — плавными, без резких форм, будто кто-то вылепил этот мир не торопясь и с удовольствием. Трава здесь росла иначе, чем в привычных зонах — длинная, почти по колено, тёмно-зелёная, с тонкими стеблями, которые гнулись от любого движения и долго потом раскачивались вслед.

Тишина стояла та же, что вчера. Без птиц, без ветра, без насекомых. Но сейчас она воспринималась иначе — не тревожно, а как часть этого места. Будто мир просто привык существовать без лишних звуков.

Где-то на востоке, за дальним холмом, небо было чуть светлее — там туман рассеивался быстрее, и в этом рассеянном свете что-то поблёскивало. Вода или роса на камнях — Борланд не определил, но отметил направление.

Прошли около полукилометра.

Винт вдруг нарушил тишину.

— Слушай. Есть у тебя что-нибудь, чтобы не так давило на мозги. — Он помолчал секунду. — С твоих слов мы идём к головастикам. Если мне ещё несколько раз прилижут мозги — мне совсем плохо станет. После твоего кота до сих пор мутит.

Борланд прошёл ещё несколько шагов.

— С собой ничего. Разве что алкоголь может притупить эффект. У тебя есть?

— Да. Но я его обычно таскаю на крайний случай. В зоне не пью.

— А крайний случай — это когда совсем припечёт. Так что и пулю в лоб пустить не останется.

Винт хмыкнул.

— Что-то в этом роде.

Борланд смотрел вперёд, на долину, на то, как туман начинает редеть у подножия дальних холмов.

— Тут мир псиоников. Думаю, аномалии здесь тоже умеют прятаться от них — чтобы пожить живой плотью. А это значит, что рядом с такими аномалиями можно найти артефакт с похожими свойствами. Скорее всего — что-то, что глушит ментальный фон.

Винт выслушал. Промолчал. Его лимит на разговоры явно был исчерпан.

* * *

Борланд вёл их по долине ещё с полчаса.

Местность менялась медленно, почти незаметно. Трава становилась гуще, холмы — чуть выше, с более крутыми склонами. Кое-где из земли торчали камни — серые, округлые, будто вытолкнутые снизу. Между ними росло что-то похожее на мох, но с синеватым отливом, и Борланд обходил эти пятна стороной — мало ли.

Детектор молчал. Фон был ровный, почти нулевой — не мёртвый, а скорее чистый, как бывает в местах, где зона ещё не успела набрать силу или уже давно устоялась в равновесии.

Зато воздух здесь был другим.

Борланд поймал это только сейчас — что-то в нём было плотнее, чем обычно. Не давило, не мешало дышать, просто — присутствовало. Как будто воздух нёс в себе что-то невидимое. Информацию, может быть. В мире псиоников это не казалось странным.

Потом он увидел лес.

Тёмный, плотный, он начинался у подножия одного из холмов — резко, почти без перехода, будто кто-то провёл границу. Деревья были незнакомые — высокие, с гладкой тёмно-серой корой и кронами, которые смыкались так плотно, что внутрь почти не проникал свет. Снизу лес выглядел как сплошная тень.

Хорошее место для аномалий.

Если после выброса по всей зоне выбросило свежие артефакты — здесь шанс найти что-то интересное выше, чем в открытой долине. Выброс всегда тормозит зону изнутри, выталкивает на поверхность то, что раньше лежало глубоко.

— Привал, — сказал Борланд, когда они дошли до границы леса.

Сели у крайних деревьев. Борланд достал термос — чай Химика, собранный из зональных трав, которые тот годами подбирал и смешивал. Крепкий, с горчинкой, с каким-то травяным запахом, который невозможно было описать точно. Тонизировал хорошо — лучше любого кофе.

Еды оставалось немного. Дня на два, если не жадничать.

Винт молча взял кружку, отпил. Смотрел на лес.

Борланд тоже смотрел на лес и думал, что Химик перебрал в своей жизни столько разных травок из столько разных миров, что однажды эта смесь должна была произвести что-нибудь совершенно неожиданное. До сих пор, к счастью, только вкусный чай.

* * *

Винт встал, кивнул в сторону деревьев — отлучиться.

Борланд кивнул в ответ, допил чай.

Через пару минут он услышал крик.

Резко. Не слова — просто звук, тот, который вырывается, когда тело понимает раньше головы. Борланд вскочил и бросился на звук, одновременно бросив взгляд на детектор.

Детектор молчал.

Он выбежал на небольшую опушку за крайними деревьями — и увидел Винта.

Тот лежал на земле в странной позе — руки раскинуты, тело напряжено, как у человека, который падает с большой высоты и пытается за что-то схватиться. Глаза открыты. Крик уже закончился — адреналин схлынул, осталось только это напряжённое молчание и белые костяшки пальцев, вцепившихся в траву.

Визуально — ничего. Просто человек лежит на поляне.

Борланд остановился. Смотрел. Детектор молчит. Пси-аномалия — датчики такое не берут.

Потом он присмотрелся.

Трава вокруг Винта лежала ровно — как ряска на воде. А сам Винт был чуть ниже её уровня. На сантиметр. На два. Медленно, почти незаметно, как часовая стрелка — он уходил вниз.

Зыбучий песок. Видимо псионический. Убивает страхом падения — пока ты в голове летишь с огромной высоты, тело тихо тонет в земле. Медленно. Страшно. Без следов.

Такие выводы делал Борланд внутри себя, оценив аномалию.

Борланд не стал думать долго.

Достал захват — тот самый, которым раньше подцеплял артефакты. Подошёл к границе аномалии — дробинки показали её быстро, он раскидал несколько вокруг и следил, как они проваливаются в грунт, обозначая края. Лёг на землю за границей, вытянулся, потянулся к Винту.

Крюком зацепил за воротник — ткань натянулась, держит, но на такой вес захват не рассчитан. Медленно, плавно потянул.

Винт завалился на бок. Правая рука ушла в землю по плечо — трава над ней даже не шевельнулась, просто накрыла сверху, как накрывает ряска.

Борланд бросил захват, пополз вперёд по краю аномалии, дотянулся до руки — пальцы нашли запястье. Схватил.

Начал ползти назад. Медленно. Земля под Винтом отпускала неохотно — будто живая, будто понимала, что добычу забирают.

Потом отпустила.

* * *

Они лежали рядом на траве и переводили дыхание.

Не лёгкий ты, братец, — подумал Борланд.

— Что это было, — сказал Винт. Не вопрос — просто слова, которые нужно было произнести.

— Тошнит?

— Мутит. Как после кота.

— Поздравляю. Пси-аномалия. Назовём её пси-зыбь. — Борланд сел, потёр ладони о траву. — Видимо внушает страх падения с большой высоты. Пока ты в голове летишь — тихо засасывает. Датчики молчат.

— По моим ощущениям пролетел этажей сорок, дна так и не увидел, — сказал Винт.

Потом посмотрел на свою правую руку.

В ней что-то было.

Бесформенный бледный кусок — если присмотреться, похожий на корень петрушки, только чуть светлее и плотнее. Он держал его, не осознавая, — рука сжала там, внутри аномалии, и не отпустила.

Винт аккуратно положил его перед собой на траву.

Тошнота накатила сильнее — резко, ощутимо, Борланд увидел это по его лицу. Винт поднял артефакт обратно. Полегчало.

Борланд смотрел на него. Потом на артефакт. Потом снова на Винта.

— Хм. — Он усмехнулся. — А ты настоящий ковбой. И портки не испачкал, и артефакт добыл.

Эту шуточку он, сам того не заметив, перенял у Пригоршни. Как и несколько других.

Винт криво улыбнулся. Промолчал.

* * *

Вернулись к вещам. Борланд достал контейнер, Винт аккуратно убрал артефакт внутрь. Контейнер закрылся с мягким щелчком.

— Не фонит, — сказал Борланд. — Но свойств никто не знает. Пока держи свою «петрушку» в контейнере — злоупотреблять не стоит.

Винт кивнул.

Борланд смотрел на лес — тёмный, плотный, равнодушный. Где-то там, в его глубине, жили свои аномалии. Свои артефакты. Своя логика.

Он закинул рюкзак.

— Идём.

Глава 13. Лес

Лес поглотил их быстро.

Несколько шагов вглубь — и долина за спиной исчезла, будто её не было. Кроны смыкались над головой плотно, почти без зазоров, и свет здесь был не светом, а его слабым воспоминанием — серым, рассеянным, без теней. Глаза привыкали медленно.

Стволы деревьев стояли тесно, тёмные, со стальным отливом, будто отлитые из чего-то тяжёлого. Кора покрыта мелкими трещинами — глубокими, ровными, похожими на письма, — и в глубине этих трещин что-то слабо мерцало. Голубоватое, едва заметное, пульсирующее в медленном ритме, не совпадающем ни с чем видимым.

Борланд остановился у одного из стволов, поднёс руку ближе. Тепло — чуть больше, чем должно быть у дерева. И что-то ещё, на самой границе восприятия. Не угроза. Присутствие.

Весь лес общается. На языке псиоников. В этом мире почти всё живое — и деревья тоже.

Он убрал руку и пошёл дальше.

* * *

Шли молча.

Борланд не чувствовал никакого дискомфорта от напарника. Винт просто растворялся — двигался так, что его почти не было слышно, не было видно краем глаза, не было ощущения чужого присутствия за спиной. Но ощущение прикрытого тыла было. Странное, почти домашнее — как ходить по зоне одному и в то же время знать, что за спиной всё чисто.

Борланд поймал себя на этой мысли и чуть усмехнулся. Хороший напарник — тот, которого не замечаешь.

Примерно через полчаса лес чуть раздвинулся — небольшая прогалина, мох, поваленное дерево поперёк пути. И на краю прогалины — олени.

Трое. Стояли неподвижно, смотрели в сторону людей. Шерсть у них была серебристо-голубая — не белая, не серая, именно такая, будто каждый волосок нёс в себе слабый свет. Рога — тёмные у основания и светлеющие к концам, с тем же голубым отливом — медленно пульсировали, каждый в своём ритме, и эти ритмы складывались во что-то похожее на разговор. Сигналы. Короткие вспышки, паузы, снова вспышки. И хвост — длинный, тонкий, с таким же цветком на конце, как у Франка. Только у этих он светился ровнее, без мерцания — будто сытые и спокойные.

Они переговаривались.

Потом, не торопясь, ушли в темноту между деревьями — бесшумно, как тени.

Борланд смотрел им вслед. Потом перевёл взгляд на Винта. Тот тоже смотрел — молча, с тем выражением человека, который каждый день видит что-то новое и уже почти привык, но ещё не совсем.

Пошли дальше.

* * *

Ещё дважды детектор Борланда промолчал там, где нужно было остановиться.

Первый раз — Винт начал морщиться, чуть сбил шаг. Борланд поймал это краем зрения, достал дробинки, раскидал веером. Две провалились в грунт сразу. Пси-зыбь, небольшая, у корней старого дерева. Обошли.

Второй раз — то же самое, только ближе к тропе. Борланд уже научился читать лицо Винта в этом лесу — лёгкое напряжение вокруг глаз, чуть сжатые зубы. Молчаливый индикатор. Лучше любого детектора для пси-аномалий.

Попались и другие — знакомые. Жарка притаилась у вывороченного корня, слабая, почти без свечения. Гравиконцентрат висел между двумя стволами — небольшой, вялый, без той

плотности, что бывает в обычных зонах. Оба выглядели здесь не в своей тарелке — как чужаки, которых занесло не туда. Борланд обошёл их не замедляясь.

* * *

Ручей нашёлся ещё через двадцать минут.

Узкий, с тёмной водой — не грязной, просто тёмной от дна, которое было выложено всё тем же стальным камнем. Борланд присел, достал тест-полоски, кинул таблетки очистки. Пока вода отстаивалась, набрал во фляги.

Пошли вдоль ручья.

Здесь было чуть светлее — вода не давала кронам смыкаться полностью, и узкая полоса неба тянулась над руслом серой лентой. Борланд видел впереди, где долина ручья поворачивала и за поворотом начинался подъём к скальному обрыву — тёмному, с прямыми стенами, едва различимому в дальней темноте леса. Где-то там, если верить образам Франкенштейна, должен был быть лагерь.

Мир казался спокойным. Слишком.

Борланд шёл и думал об этом — о том, как этот лес тихо, без усилий, расслаблял. Не гнетущим образом, не через страх — через красоту почти. Мерцающие стволы, серебристые олени, тёмная вода. Смотришь — и забываешь, что это зона.

Через час ходьбы вдоль ручья в голове появилась тихая тревожность.

Борланд остановился. Прислушался к себе — не к звукам, внутрь.

Винт тоже остановился. Начал смотреть по сторонам — медленно, без резких движений.

Плеть пришла снизу — из-под трав, у самой земли, тонкая, гибкая, быстрая. Обвилась вокруг щиколотки Борланда как змея и дёрнула в сторону. Сильно. Он едва устоял на ногах — качнулся, шагнул, удержался.

— Плотоядные кусты, — сказал он, не повышая голоса. — Будь внимательнее.

Винт уже держал кукри в руке. Одним движением — без замаха, коротко — перерубил плеть у основания. Та дёрнулась, отползла под траву и затихла.

Отошли ближе к воде, к самому краю берега.

— Бегать кусты по идее не умеют, — сказал Борланд, глядя на траву. — Видимо мы попали на их границу. Поэтому и не утянули.

— Чёрт возьми. — Винт убрал кукри. — Я уже начал терять бдительность. Будто по заповеднику прогуливаемся.

— Те же мысли были в голове. — Борланд посмотрел на лес. — Он буквально усыпляет. Специально или нет — не знаю. Но работает.

Пойдём. Пока новые плети не подтянулись.

* * *

Начинало вечереть.

Свет в лесу не менялся — его и так почти не было — но что-то в воздухе стало другим. Тяжелее, что ли. Мерцание в стволах деревьев стало чуть ярче — едва заметно, но Борланд видел.

Движение он поймал периферийным зрением — правее, между стволами. Что-то тёмное, бесшумное, на уровне человеческого роста.

Винт показал знаком — два пальца, направление. Борланд кивнул.

Они шли ещё минут пятнадцать. Движение не прекращалось — справа, слева, иногда сзади. Бесшумное, аккуратное. Не преследование — скорее сопровождение. Круг сужался медленно, без спешки, с той профессиональной методичностью, которая говорит об опыте.

Берут в кольцо.

— Достань свою петрушку, — сказал Борланд негромко. — Думаю, мы уже близко к деревне. Скорее всего — контакт.

Винт достал контейнер, открыл, взял артефакт в руку.

— Мысли о сражении убери подальше. Оружие опусти. — Борланд замедлил шаг и остановился. Сел прямо на землю — спокойно, без суеты. — И давай присядем.

Винт помолчал секунду. Сел рядом.

Лес стоял вокруг них тихо. Мерцал.

— Сейчас к нам пустят переговорщика, — сказал Борланд.

И стал ждать.

Глава 14. Контакт

Они ждали пять минут.

Борланд сидел, положив руки на колени, и смотрел на лес. Винт сидел рядом — чуть позади, спиной почти к дереву, с петрушкой в сжатом кулаке. Лес мерцал. Где-то далеко, в темноте между стволами, двигалось что-то бесшумное.

Потом из темноты вышел силуэт.

Мужчина. Крупный — не высокий, а именно крупный, с той коренастой массивностью, которая бывает у людей, чьё тело строилось не для скорости, а для силы. Толстая шея плавно переходила в большую голову — непривычно большую, с широкими скулами и тяжёлыми надбровными дугами. Из-под тёмных бровей смотрели глаза — глубокие, тёмные, внимательные. Кисти рук, сжимавшие копьё, были гипертрофированы так, как бывает только у профессиональных армрестлеров — каждая жила проступала под кожей, каждый сустав был крупнее обычного.

Борланд смотрел на него и думал, что аборигены похожи на контролёров, если убрать уши — заострённые, длинные, как у эльфа из старых книг. Только без уродства. Без миазм на коже.

Потом он увидел ещё одну деталь.

Из затылка, вплетённый в косичку из тёмных волос, выходил отросток — тонкий, около метра длиной, с тем же голубым цветком на конце, что был у Франка, что был у оленей. Цветок едва светился в сумраке леса — тихо, ровно.

Абориген подошёл и встал в трёх метрах от них. Не ближе.

* * *

Борланд встал. Медленно, без резких движений. Краем глаза видел, как Винт тоже поднимается — нехотя, с той осторожностью человека, которому этот контакт даётся через силу.

Абориген замешкался при их движении — на долю секунды, едва заметно. Потом снова замер.

Тёмные глаза смотрели на Борланда.

Борланд посмотрел в ответ — прямо, спокойно. И подбросил в голове несколько образов. Простых. Два человека идут через лес. Поднятые ладони. Что-то тёплое, без угрозы — насколько вообще можно передать «привет» картинкой.

Время остановилось.

Борланд стоял и ждал. Слышал за спиной, как Винт едва слышно переступает с ноги на ногу. Сжимает петрушку в руке. Не хотел он этого контакта — слишком чувствительно реагировал на пси-воздействие, слишком свежи были пси-зыбь и Франкенштейн.

Борланд ждал с интересом.

Наконец абориген заговорил.

Голос был низкий, с хрипотцой — как у человека, который редко пользуется голосовыми связками и каждый раз как будто вспоминает, как это делается. Слова выходили медленно, с паузами, немного ломано — будто он искал их не в собственной памяти, а где-то снаружи. В голове Борланда.

— Вы не «отрезанные». Другие. Чего вы хотите?

Борланд расслабился. Не демонстративно — просто отпустил напряжение в плечах. Если он сканирует голову — пусть видит то, что там есть.

— Хотим подружиться. Узнать этот мир немного — и после продолжить свой путь. — Пауза. — Оружие можем передать вам. Пустите к себе?

Абориген молчал.

Три минуты тишины. Борланд не торопил. Винт за спиной тихо переминался с ноги на ногу и в конце концов привалился спиной к дереву. Наверное, мысль расстаться с оружием давалась ему физически тяжело.

Наконец абориген сказал:

— Подождите. Нам нужен ответ от босса. Курьер уже уехал в село.

Борланд чуть задержал дыхание.

Вот оно. Они не знали их языка. Они сканировали память — его память, образы, звуки — и собирали из этого что-то похожее на речь. «Босс», «курьер», «уехал», «село» — слова понятные, но немного не те. Как перевод через третий язык: смысл доходит, но с искажениями.

Значит, пока он стоит здесь — его голова открыта. Библиотека, из которой берут нужные тома.

Интересно.

* * *

Прошло минут пятнадцать.

Темнело. Не резко — лес и так был тёмным — но что-то в воздухе стало другим. Тяжелее, что ли. Мерцание в стволах деревьев стало чуть ярче — едва заметно, но Борланд видел.

Он смотрел на аборигена и видел, как тот начинает нервничать. Едва заметно — чуть переместил вес, пальцы на копье сжались чуть плотнее. Отросток с цветком на конце двигался беспокойнее.

Помня Франкенштейна — ночь здесь была временем охотников. Очень опасных.

Потом абориген выдохнул и заговорил быстрее, чем раньше.

— Ночь идёт. Давайте поспешим. До святого места ещё час в пути. Нам привели лошадей — должны успеть.

Из леса вышли двое.

Такие же коренастые, с теми же ушами, с теми же отростками. И вели с собой существ, которые были лошадьми только в самом общем смысле этого слова.

Тело — крупное, тяжёлое, вороное, с той же гладкой шерстью, что отливала в темноте. Но там, где должны были быть копыта, — лапы. Широкие, с когтями, похожими на драконьи, — изогнутые, тёмные, с тихим щелчком задевавшие корни при каждом шаге. А морда — Борланд посмотрел на морду и решил, что смотреть лучше не надо. Челюсти были не лошадиные.

Боевой скакун. Настоящий.

У каждого существа — длинный тонкий хвост с цветком на конце. Всадники запрыгнули на своих коней, и их цветки потянулись друг к другу и сплелись воедино. Тихо, привычно, как рукопожатие.

Борланд смотрел на это секунду.

Всадники протянули им руки.

Он посмотрел на Винта. Тот смотрел на существо с выражением человека, который принял решение и теперь просто выполняет его — без лишних эмоций, потому что эмоции сейчас не помогут.

Борланд взялся за протянутую руку — крепкую, с широкой ладонью — и одним движением оказался на спине существа. Тело под ним было горячим, плотным, с совсем не лошадиным запахом.

Существо не шевельнулось.

Секунду спустя Винт устроился позади второго всадника.

И они рванули в темноту леса.

* * *

Лес летел мимо — стволы, мерцание, корни, ветки на уровне лица. Борланд пригнулся, держался. Существо под ним двигалось иначе, чем лошадь — более плавно, более низко, почти

бесшумно, когти не стучали, а мягко отталкивались от земли. В темноте оно видело лучше, чем он.

Борланд держался и думал, что этот мир преподносит сюрпризы быстрее, чем он успевает к ним привыкнуть. Где-то там в темноте их ждёт новая культура, новый виток истории.

Хорошо.

Глава 15. Деревня

Ворота появились внезапно — в расщелине между двумя скальными стенами, там, где казалось, что проход просто заканчивается тупиком.

Массивные, из тёмного дерева, окованного чем-то металлическим с синеватым отливом. Высотой метра три, не меньше. На каждой створке — письмена, вырезанные глубоко, с той аккуратностью, которая приходит от многолетней практики. Спирали, угловатые знаки, что-то похожее на карту или схему — и снова спирали, только другие. Голубое мерцание шло и от ворот тоже — слабое, ровное, как у всего живого в этом мире.

Всадники заметно ускорились на последних метрах. Один из них что-то коротко бросил в темноту, не оборачиваясь, — и ворота начали открываться. Без скрипа, без усилия. Изнутри.

Когда они въехали, Борланд оглянулся. За воротами стояли двое — коренастые, с копьями, с тем напряжением в плечах, которое бывает у людей, когда ночь уже близко, а дело ещё не сделано. Они закрыли ворота сразу, как только последний всадник пересёк порог.

* * *

Долина внутри скал открылась сразу — широкая, неожиданно большая после тесноты расщелины. Борланд смотрел и думал, что снаружи не угадал бы и четверти этого пространства.

Деревня занимала примерно две трети долины. Дома стояли в два ряда, без правильной планировки — каждый там, где нашлось место. Часть была вырублена прямо в скальной породе: тёмные проёмы дверей, узкие окна без стёкол, прикрытые шкурами. Другие дома собраны из стволов тех самых тёмных деревьев — плотно, без щелей, с крышами из чего-то похожего на дёрн. Живые — в голубых прожилках мерцания по брёвнам.

Между домами — узкие проходы, почти улицы. И везде письмена.

На скалах — выбитые в камне, глубокие, с тёмными краями, явно старые. На столбах, которые стояли вдоль проходов — деревянных, высоких, с грубо вырезанными фигурами наверху, то ли идолы, то ли просто знаки. На воротах каждого дома — свои, короткие, похожие на имя или метку.

Борланд смотрел на скальные письмена дольше, чем на остальные.

Что-то в них было не так. Не сами знаки — другой ритм. Другая рука. Спирали на скалах были тоньше, более вытянутыми, с иным наклоном. Деревянные столбы и двери — грубее, проще, как будто копируют, но не совсем понимают, что именно. Те, кто жил здесь сейчас, не писали этих скальных знаков. Они нашли это место — давно покинутое, уже пустое — и обжили его по-своему, оставив чужие письмена нетронутыми. Как оставляют чужие могилы.

Кто жил здесь раньше — вопрос интересный.

В дальней части долины темнело что-то похожее на возделанные грядки — ровные, аккуратные полосы земли между камнями. Живут здесь давно. Осели всерьёз.

* * *

На улицах было почти пусто.

Несколько фигур мелькнули между домами и исчезли — быстро, без лишних движений. Борланд поймал на себе взгляды: короткие, оценивающие, без особой враждебности, но и без тепла. Любопытство, плотно прикрытое осторожностью. Чужаки внутри ворот — это не обычно. Это либо очень хорошо, либо очень плохо, и пока непонятно что.

Один из детей — маленький, с непропорционально крупной головой, с коротким ещё отростком из затылка, почти без цветка — высунулся из проёма двери и уставился на Борланда. Взгляд у него был тем же, что у взрослых: глубокий, внимательный, с той прямоотой, которая бывает у существ, не умеющих притворяться. Потом из темноты дверного проёма вынырнула рука и утянула ребёнка обратно.

Напряжение в деревне было ощутимым — не агрессивным, но плотным. Как воздух перед грозой. Ночь шла, чужаки пришли, и то и другое требовало решения.

Их привели к деревянному дому на окраине — отдельно стоящему, чуть в стороне от остальных. Гостевой или карантинный — Борланд не стал угадывать.

* * *

— Будьте здесь до утра. Утром поговорите со старейшиной. Снаружи вас будут охранять.

Борланд отметил про себя: язык стал лучше. Заметно. Слова точнее, конструкции ровнее. Скорее всего, знания передаются по цепочке — быстро, без потерь. То, что узнал переговорщик за эти часы, уже есть у всех. Полезное свойство для выживания.

— Хорошо. Доброй ночи вам.

Сопровождающий кивнул и ушёл в темноту. Снаружи тихо встали двое с копьями.

Они вошли внутрь.

* * *

Мебель была деревянной — грубоватой, но с той практичностью, которая важнее красоты. Стол, две лавки, две кровати у стены — лапник, покрытый шкурами, мягче, чем ожидалось. На столе еда: фрукты незнакомые, тёмные и плотные, овощи — что-то похожее на корнеплоды, вода и напиток, запахом напоминающий квас.

Борланд не торопился. Растёр сок фрукта на запястье, подождал. Потом то же с овощем. Покраснения не было. Он отрезал небольшой кусок, съел медленно. Вкус — кислый, с горчинкой, не неприятный. Подождал ещё минуту. Нормально.

— Ешь понемногу, — сказал он Винту. — Желудок с непривычки взбунтуется.

Ели молча, без лишнего.

— Винт, убери уже петрушку в контейнер. А то ещё сам в петрушку превратишься.

Винт молча убрал артефакт.

— Что будем делать. — Он налил себе квасного напитка, посмотрел на кружку. — Мы сейчас, можно сказать, в плену. Тебе не кажется, что такой риск не оправдан?

— Мы под охраной. Воспринимай это так. — Борланд отрезал ещё кусок фрукта. — Они тоже рискуют, принимая нас к себе. Считай, что это мера предосторожности. Взаимная.

Винт посмотрел на него. Потом на кружку. Отпил.

Больше не спорил.

* * *

Легли, когда снаружи стало совсем тихо.

Борланд лежал и слушал деревню — она замолкла быстро, как замолкает место, где давно знают: ночью тихо. Лёгкий ветер шёл между скалами, где-то далеко — может, за воротами — что-то ухнуло один раз и замолкло.

Винт лежал рядом и думал о чём-то своём. Лицо закрытое, как всегда.

Борланд начал тихо подбрасывать образы — не целенаправленно, просто так. Любопытство, открытые ладони, что-то похожее на «мы не угроза». Прислушался к себе. Лёгкое касание, аккуратное, как в первый раз. Едва ощутимое, как когда ветер трогает волосы и не понимаешь сразу, был он или нет. Они осторожно трогали чужой разум. Значит, не спят. Наблюдают.

Он подбрёл образ — Винт морщится от пси-контакта, лицо напряжённое.

Касание стало чуть теплее. Потом отступило.

Борланд посмотрел на Винта. Тот лежал с закрытыми глазами — и лицо у него было чуть мягче, чем минуту назад. Случайность или нет — не понять.

Интересно.

Он утонул в своих мыслях — не сразу, постепенно, как тонут в тёплой воде. Думал о деревне, о письменах на скалах, о том, кто жил здесь до этих людей. Потом мысли поплыли сами по себе.

Приснился тот день — маленький Борланд стоит над телами родителей, небо в глазах матери. Потом — расщелина разлома, рука Пригоршни, которая тащит его через границу. Потом — утро у холма, Химик и Никита провожают взглядами. Потом — Франк. Тёмная шерсть, голубой цветок, тяжёлый вздох существа, которое решило им доверять.

Дальше — не помнил.

Глава 16. Знакомство

Борланд проснулся раньше Винта.

Тот лежал на спине, дышал ровно — глубоко, без напряжения в плечах. Вымотался. Пси-зыбь, Франкенштейн, контакт с аборигенами — всё это брало своё по-разному, и у Винта брало через голову.

На столе прибавилось: рядом со вчерашними фруктами и чаркой кваса стоял глиняный горшок и пара тарелок. Борланд подошёл, заглянул. Горячий — только поставили. Внутри каша, клейкая, с лёгкой масляной плёнкой, похожая на геркулес. Запах — нейтральный, без кислинки.

Он поел — немного, чтобы избежать казусов с желудком.

Потом в голове появился образ.

Рассвет. Свежий воздух. Скалы в утреннем свете.

Борланд поднял взгляд — никого рядом не было. Он прислушался к себе. Лёгкое касание, аккуратное, как в первый раз.

Зовут выйти?

Он надел штаны, накинул куртку на голый торс и вышел.

* * *

— Доброе утро!

Он протянул руку первому из двух караульных — и одновременно подбросил в голове образ. Рукопожатие. Крепкое, короткое — как делают в его мире при знакомстве.

Секундное замешательство. Потом массивная рука сжала его ладонь — осторожно сначала, потом уверенно. Борланд почувствовал себя как в детстве, когда жмёшь руку деду: твоя рука просто тонет в чужой.

Второй сделал то же самое. Чуть неловко, но сделал.

Оба улыбнулись — не так, как улыбаются привычно, а с той задержкой, которая бывает у людей, осваивающих чужой жест. Скорее всего эмоции они передавали иначе — через оторожок, через образы, через то касание, которое Борланд чувствовал на краю восприятия. Улыбка была для него. Знак на его языке.

— Тебя ждёт старейшина. Иди между домов, увидишь дом в камне и древний камень перед ним.

Борланд кивнул. Зашёл обратно, оделся полностью, проверил Резак — на месте — и вышел.

* * *

Деревня утром выглядела иначе.

Без ночного напряжения, без суety ворот и тёмных силуэтов. Просто — пустые улицы, утренний свет, который едва пробивался через расщелину в скалах узкой полосой и ложился наискось на камень. Мерцание в стволах домов из живого дерева было тише, чем ночью, — дневное, почти незаметное.

По пути никто не встретился. Борланд шёл медленно, смотрел на письма.

Здесь, при свете, они читались иначе. Два слоя — это было видно чётко. Скальные знаки шли глубже, выбитые с той точностью, которая требует либо особого инструмента, либо очень много времени. Спирали — вытянутые, с тонкими окончаниями, с каким-то ритмом внутри. Борланд смотрел на них и думал о древнеегипетских иероглифах — Химик показывал, объяснял, раскладывал по слоям смыслов. Эти знаки были похожи по принципу, но глубже. Старше. Будто египетское письмо было попыткой повторить что-то вот такое — и не совсем справилось.

А поверх, на столбах и дверях, — другие. Толще, грубее, с теми же элементами, но без той точности. Как когда учишь мёртвый язык: слова угадываешь, смыслы подтасовываешь,

понимание — интуитивное, приблизительное. Народ, живущий здесь сейчас, пытался читать и повторять то, что нашёл. Понимал — наверное. Но не полностью. Чего-то в этих повторах не хватало. Может, контекста. Может, времени.

Кто написал первое — интереснее всего.

С этими мыслями он дошёл до главного дома.

* * *

Перед входом в скальный дом стоял камень.

Большой, круглый, около трёх метров в диаметре, плоский — вровень с землёй почти. В центре — стержень, вертикальный, тёмный, с заострённым концом. Он отбрасывал тень на поверхность круга.

Борланд остановился. Посмотрел внимательнее.

На первый взгляд — солнечные часы. Но нет. Слишком много делений, слишком много символов между ними, слишком много отдельных секций — круг был будто поделён на фрагменты, каждый со своим набором знаков. И тень от стержня сейчас падала туда, куда солнце с этого угла расщелины упасть не могло — что-то искажало пространство, преломляло свет.

Не солнце. Что-то другое указывает на время в этом мире. Какой-то другой источник — постоянный, с ритмом. Может, пси-поле. Может, что-то ещё.

Он стоял и смотрел на камень, когда из дома вышел мужчина.

Борланд поднял взгляд — и чуть остановился.

Рослый. На голову выше остальных аборигенов, которых он видел, и при этом с той же коренастой массивностью — только умноженной. Широкие плечи, короткая толстая шея, сразу переходящая в крупную голову. Кисти рук — как у кузнеца, который всю жизнь работает молотом. Отросток из затылка длиннее, чем у переговорщика, цветок на конце — крупнее, светится ровнее.

Физическая сила у них тоже имеет значение. Не только ментальная.

Он смотрел на Борланда изучающе. Взгляд задержался на камне — на том, где стоял Борланд — и в этом взгляде было что-то похожее на интерес. Как будто ему было важно, что именно чужак думал, стоя перед этим кругом.

— Здравствуй, Леший. Пройдём внутрь — там нас не услышат.

— Здравствуй... — Борланд сделал паузу.

— Арх. Зови меня так. — Губы чуть дрогнули — улыбка, почти. — Мне очень понравилась ваша наука. Археология. Учитывая, что мы поселились в истории — мы будто археологи. Изучаем это место.

— Хорошо. Арх.

Борланд пошёл следом и думал о том, сколько они успели прочитать из их голов за одну ночь. Вся терминология, все образы, все случайные мысли — всё это теперь было у Арха. И у остальных. Они читали их с той жадностью, с которой читают новую книгу, когда давно не было новых книг.

От этой мысли он неожиданно улыбнулся.

* * *

Внутри было светлее, чем снаружи — откуда-то сверху шёл рассеянный свет через узкие проёмы в скальном потолке. Мебель та же — дерево, без украшений, но линии здесь были другими. Мягче. Будто каждый угол чуть скруглён, каждая поверхность чуть изогнута — как будто тот, кто делал эти вещи, думал не о форме, а о том, как они будут лежать в руке или под телом.

Они сели за стол. Арх разлил квас из кувшина — неторопливо, привычным движением. Посмотрел на Борланда.

— Я хочу услышать твою историю, Леший. И ваши планы.

Борланд взял кружку. Подумал секунду.

И начал.

Глава 17. По следам истории

Просидели они, по ощущениям Борланда, часа три.

Говорил в основном он. Арх слушал — неподвижно, с тем вниманием, которое не требует кивков и реплик. Только изредка что-то менялось в отростке: цветок чуть сжимался или раскрывался, пульсировал иначе. Борланд не знал, что это значит, но привык к этому быстро — как привыкаешь к тому, что собеседник барабанит пальцами по столу.

Рассказал о родном мире — племя, аномалии, как культивировали и применяли, как защищались. О том, как лишился дома в двенадцать лет и обрёл другой. О Химике и Пригоршне — коротко, без лишнего. О мирах, через которые прошли. О последнем, где прожил несколько лет. Получилось сухо и сжато, но по делу.

Показал Резак. Объяснил принцип — где миры касаются друг друга, лезвие чувствует это раньше любого прибора. Арх смотрел на нож так, как смотрят на вещи, которые понятны интуитивно, но требуют времени, чтобы сложиться в слова.

Потом достал «пламя земли».

Арх взял артефакт в ладонь — осторожно, как берут что-то живое. Подержал. Борланд видел, как меняется выражение его лица — не быстро, медленно, как меняется что-то глубокое.

— Возьми, — сказал Борланд.

Арх поднял взгляд.

— Мне он нужен меньше, чем тебе.

Арх помолчал секунду. Потом достал из-за ворота цепочку — длинную, из крупных бусин тёмного дерева, тяжёлую. Самая большая бусина была в центре — заметно крупнее остальных, с более тёмным деревом и плотным мерцанием внутри. Он снял её с цепочки и заменил на «пламя земли».

Что-то изменилось сразу.

Голубые огоньки в древесных бусинах заиграли иначе — ярче, с другим ритмом, будто цепочка вдохнула. Борланд смотрел на это и думал, что артефакт оказался здесь не просто украшением, а чем-то, что встроилось в систему, о которой он ещё не знал всего.

Большую бусину Арх протянул Борланду.

— Возьми. Это нарост с дерева. Они очень редкие — обычно все стволы ровные, без выростов. Эти наросты — своего рода аномалии. Концентраторы.

Борланд взял. Подержал в ладони — тяжёлая, тёплая, с едва ощутимым пульсом внутри. Что именно она концентрирует и как — он не понял. Но ввиду её редкости и того, что Арх носил её на видном месте, принял без лишних вопросов.

Потом Арх полез за пазуху и достал камень.

Небольшой, с гранитную щебень средней фракции. Красный — не яркий, а глубокий, почти тёмный, как запёкшаяся кровь. Положил на стол.

— Кровь камня. — Он подобрал слова медленно. — Усиливает восстановление тела. Немного — выносливость. Ничего плохого в нём нет.

Борланд убрал оба артефакта в карман. Кивнул.

— Спасибо.

* * *

Настала очередь его вопросов.

Арх отвечал охотно — с той открытостью, которая бывает у людей, привыкших к тому, что сокрытие бессмысленно: всё равно прочитают.

Историю своего народа он изложил просто: они просто жили. Четыре поколения на этом месте. До них — другие, чьи знаки остались на скалах.

Борланд слушал и отмечал ключевое.

Зона здесь обширная — почти весь мир. Но есть оазисы, где можно не выживать, а жить. Эта деревня — один из них. Оазисы — это останки старой цивилизации. Аборигены называли их Богами и Демонами: от одних рун исходила светлая энергия, от других — тёмная. Руны защищали оазисы от ночи. Не от хищников — от чего-то другого, что в ночи есть и чему нет точного названия.

— Что это — ночное? — спросил Борланд.

Арх помолчал. Потом покачал головой — не отказываясь отвечать, а подбирая слова, которых, кажется, в его языке не существовало.

— Не знаем. Хищники иногда нападают, иногда приходят сами — спрятаться. Значит, они его тоже боятся.

Борланд подумал о той первой ночи в гроте. О Франкенштейне, который бежал не от хищника — от чего-то другого. О том, что он тогда определил как выброс.

— Первая ночь здесь, — сказал он. — Мы были в гроте. Снаружи что-то было.

— Да. — Арх кивнул. — Это оно.

Борланд рассказал про Франка — подробно, с деталями. Контакт, образы, раны от сетчатой аномалии. То, что пси-зверь прибежал к ним, лёг рядом и позволил себя штопать.

Арх слушал с выражением, которое Борланд раньше у него не видел. Живой интерес, почти изумление.

— Никому не удавалось, — сказал он наконец. — Никому из нас. Они не подпускают. — Пауза. — Ты говоришь, он коснулся тебя своим цветком?

— Да. И показал образы.

Арх долго молчал. Потом заговорил о связи.

* * *

Связь — это было у них всё.

Не метафора, не образ — буквально всё. Скакуны выбирали себе хозяина сами: цветок тянулся к цветку, сплетался, и после этого разрыва уже не было. Те, кого скакун не выбрал, ходили пешком — это не было позором, просто фактом. Лошадей здесь называли драгунами. Некоторые приручали диких пси-собак — чаще щенятами, подобранными на охоте, реже взрослых, и связь с ними была такой же сильной, настоящей.

Браки — через связь. Память о погибших — через связь, потому что часть того, что знал умерший, оставалась в тех, с кем он был соединён.

— Связь сокровенна, — сказал Арх. Просто, без пафоса.

Борланд думал о Франке. О том, как цветок раскрылся и потянулся к его руке. О том, что это, по меркам этого мира, было чем-то большим, чем просто контакт.

Потом Арх рассказал о Богах и Демонах — о том, как они исчезли в один момент. Разом, без следов, оставив только руны. Племя четыре поколения пытается эти руны изучить — чтобы не быть прикованными к оазису, чтобы уметь создавать защиту самим. Пока выходило плохо.

— Понимание есть, — сказал Арх. — Но не полное.

— Как когда учишь мёртвый язык, — сказал Борланд.

Арх посмотрел на него. Кивнул медленно.

— Именно.

Были и Отрезанные — двуногие без ментальных способностей, похожие на Борланда и Винта. Приходили с оружием, убивали то, что им казалось опасным, выносили то, что было им интересно. Борланд определил их для себя сразу: сталкеры местного мира. Пришли из-за своего Периметра, исследуют зону, убивают всё что считают непонятным и опасным.

Знакомая история.

* * *

Время шло к полудню, когда Арх остановился на полуслове.

— Мне нужно заняться делами деревни. — Он встал. — Ты можешь ходить свободно. Жители привыкнут.

Борланд тоже встал. Пожал ему руку — Арх ответил уже без паузы, уверенно.

Борланд вышел на улицу и прищурился от света.

Шёл к гостевому дому и думал о том, что так и не спросил про одну вещь. «Нас не услышат» — так сказал Арх в начале. Значило ли это, что в его доме стоит что-то вроде петрушки? Артефакт, глушащий ментальный фон? Чтобы думать и говорить о тяжёлых вещах, не сея тревоги в племени, где каждый чувствует каждого?

Вопрос остался без ответа. Борланд внёс его в список — на потом.

А пока — Винт. Бедняга уже, наверное, устал ждать в неведении.

Глава 18. Старые и новые знакомства

Обратно в гостевой домик Борланд пошёл не напрямую.

Свернул пару улочек — просто посмотреть. Деревня днём была другой: тихой, деловитой, с той привычной жизнью, которая идёт своим ходом независимо от гостей. Несколько женщин возились у одного из домов — что-то перебирали, раскладывали по деревянным контейнерам. Коренастые, с теми же широкими плечами, что и мужчины. Дети возились у стены — тоже квадратные, плотные, даже самые маленькие выглядели так, будто их лепили из другого теста, чем обычных детей.

Он вышел к пруду случайно.

Небольшой, почти круглый, с тёмной водой — такой же, как ручей в лесу. У берега росло что-то похожее на камыш, только с голубоватыми стеблями. Тихо.

И у воды — фигура, которая сразу выбилась из общей картины.

* * *

Борланд остановился.

На улицах он привык к одному типу — коренастые, массивные, с короткой шеей и крупной головой. Здесь сидела совсем другая. Тонкая, хрупкая — как он сам, как Винт, голова обычная, не как у местных. Кожа привычного смуглого цвета, одежда та же, что у всех в деревне — кожаная, практичная. Уши заострённые. Но отросток из затылка был непривычно длинным — длиннее, чем у Арха, длиннее, чем у кого-либо, кого он видел здесь. Цветок на конце светился ровно, без мерцания.

Девушка сидела на берегу и изучала табличку — плоскую, деревянную, покрытую знаками. Рядом лежала книжечка — маленькая, из тонких выбеленных пластинок кожи, скреплённых по краю. Она что-то переносила с таблички в книжечку острой палочкой, обмакивая её во что-то тёмное в небольшом сосуде. Точно перо. Точно чернила.

Исследователь. Она изучала письма.

Борланд сделал шаг — и ветка под ногой хрустнула.

Девушка вздрогнула всем телом. Табличка полетела в траву.

Борланд поднял её раньше, чем она успела наклониться, и протянул обратно. Она смотрела на него — не испуганно уже, а с тем выражением, которое бывает у людей, когда видят что-то неожиданное и не могут сразу решить, как на это реагировать. Завороженно, почти.

Борланд попробовал подбросить образ — мягкий, без угрозы. Всё хорошо. Я не опасен.

Прислушался к себе.

Ничего. Пустота там, где обычно было лёгкое касание.

Он чуть нахмурился. С остальными аборигенами контакт шёл сам — едва заметный, но ощутимый. Здесь — ноль. Будто она не умеет или не может. Или что-то другое. Вопросов сразу стало много, и ни одного ответа.

— Извини, — сказал он как можно мягче, — я не хотел тебя напугать. Вот, держи — ты уронила.

Он протянул табличку.

Она не взяла.

Вместо этого — быстрым движением, которого от хрупкой девушки он никак не ожидал — схватила его за запястье. Оголила рукав. И прежде чем он успел среагировать, длинный отросток с цветком потянулся к его коже и коснулся.

Контакт ударил как разряд.

Борланд завалился на неё — не успел удержаться. Сознание вышибло разом, как пробку. В затылке вспыхнула острая боль — и всё.

* * *

Провалились они у пруда до заката.

Нашёл их Винт.

* * *

Он проснулся примерно через час после Борланда — сел, потёр лицо, обнаружил на столе горшок с кашей и молча поел. Оделся. Выглянул на улицу.

Ему протянули руки. Оба — одновременно.

Винт удивлённо посмотрел на эти руки, потом на лица, потом пожал.

— Можешь гулять где хочешь, — сказал один из караульных.

Винт кивнул и пошёл куда глаза глядят.

Полтора часа он ходил по деревне — методично, как ходят по незнакомой местности, когда нужно составить карту в голове. Узкие улочки, скальные дома, деревянные постройки, пруд — где-то в той стороне. Выходы, входы, слепые углы. К концу прогулки у него в голове была вполне приличная схема.

Вернулся. Леший не появлялся.

Он завёл разговор с караульными — сначала уточнил, куда ушёл Борланд и давно ли. Потом как-то само собой разговор перешёл на оружие — он попросил посмотреть их копья, они показали с готовностью, и следующие два часа прошли в обсуждении военного дела. Оружие было простым, но продуманным, с той логикой, которая рождается из реального опыта, а не теории. Вес распределялся равномерно, в руке лежало удобно.

Потом поел снова. Лёг.

Беседа с аборигенами утомляла иначе, чем обычный разговор. Они не только говорили — они постоянно касались. Не грубо, не назойливо, просто — как фон, как лёгкий сквозняк, который всё время есть. Сканировали. И после нескольких часов такого общения голова тяжелела, как после долгой работы с документами.

Он уснул после обеда.

Проснулся, когда солнце уже шло к закату. Леший так и не вернулся.

Винт встал, взял куртку и пошёл искать.

* * *

К пруду он вышел почти случайно — обходил дальний квартал, свернул и увидел.

Борланд лежал у воды. Вид был нехороший — бледный, неподвижный, не сон. Рядом — девушка, которую Винт раньше не видел. Нестандартная по местным меркам: тонкая, хрупкая, совсем не такая, как остальные. Длинный отросток её сплетался с запястьем Борланда.

Винт подошёл. Присел. Аккуратно отсоединил отросток — тот убрался без сопротивления, цветок закрылся.

Зачерпнул воды из пруда, плеснул Борланду в лицо. Потом похлопал по щекам — сначала несильно, потом увереннее.

Борланд дёрнулся. Открыл глаза — мутные, не сразу сфокусировавшиеся.

— Леший, ну ты и шустрый, — сказал Винт, — уже девку себе нашёл. Ты давай полегче — по опыту скажу, такие куколки из тебя все соки высосут.

Он говорил легко, но в голосе было что-то, что выдавало — испугался. Серьёзно.

Борланд оперся на локти. Сел.

— Сколько я так?

— Да хрен его знает. Зависит от того, когда вы с ней познакомились.

Борланд перевёл взгляд на девушку — та лежала рядом, такая же бледная.

— Чего ей-то не помогаешь. Приведи её в чувство скорей — у неё мозги не хуже моих поплавило.

Винт хмыкнул. Развернулся к воде, зачерпнул ещё раз. Привёл девушку в чувства теми же методами. Потом сел и молча уставился на обоих.

Борланд собрался. Встал, помог встать девушке — та качнулась и тут же оперлась на него, вцепилась в рукав.

— Она по местным меркам немая, — сказал он, отвечая на взгляд Винта. — Не такая, как они. Ментально не общается. — Пауза. — Мало что успел о ней узнать за время контакта. На вид лет восемнадцать. Всю жизнь, похоже, была изолирована. Когда связалась со мной — начала поглощать информацию с такой скоростью, что мы оба не справились.

Девушка смотрела на Винта виновато. Не отпускала Борланда.

Винт кивнул. Встал, отряхнулся.

— Пойдёмте поедим. — Он кивнул в сторону гостевого дома. — Честно говоря, ребята местные дружелюбные, но я выматываюсь от общения с ними. Ты вообще кремень — столько часов в контакте проваляться и не свихнуться.

Борланд поморщился и пошёл следом, придерживая девушку. Она шла рядом, держала его за руку и не отпускала — будто приросла.

* * *

На главной улице Винт остановился.

Впереди, у ворот, стояла толпа. Небольшая, но плотная — аборигены смотрели на что-то у самых ворот, не расходились.

Винт посмотрел на Борланда. Тот кивнул.

Пошли к воротам.

К тому времени, как они подошли, голова уже почти прошла — осталась только тупая боль в затылке, глубокая, как после удара. Девушка шла рядом, держала за руку, смотрела вперёд.

Рядом с ними оказался Арх — подошёл с другой стороны, молча встал плечом к плечу.

Толпа расступилась.

У ворот, прямо на земле, разлёгся Франк.

Огромный, с медленно движущимся хвостом — голубой цветок на конце пульсировал ровно. Швы на боках уже были не заметны, тело почти восстановилось. Он лежал совершенно спокойно, не обращая внимания на толпу зевак вокруг, — как ложатся существа, которые давно решили, куда пришли, и никуда уходить не собираются.

Борланд смотрел на него.

Франк приоткрыл один глаз — тёмный, внимательный — и снова закрыл.

Глава 19. Я — Викки

Вся деревня пришла посмотреть.

Не шумно — тихо, как собираются там, где не принято кричать. Просто в какой-то момент у ворот оказалось человек сорок, и все смотрели на Франка с тем выражением, с каким смотрят на что-то, о чём слышали всю жизнь, но не верили до конца, что это существует.

Арх стоял рядом с Борландом. Посмотрел на него.

— Это тот, о ком ты рассказывал.

— Да. — Борланд шагнул вперёд. — Франк, вставай, дружище. Пойдём в дом — людям нужно дела перед ночью завершить.

Людам. Слово само вышло. Борланд поймал его уже после — и подумал: а почему нет? Просто люди другого мира. И отрезанные — тоже люди, только другие.

Франк приоткрыл оба глаза. Посмотрел на Борланда — долго, с той невозмутимостью, которая бывает у существ, не привыкших торопиться. Потом встал.

Потянулся — всем телом, позвонок за позвонком, по-кошачьи, с той ленивой грацией, которая делает даже двухметрового хищника похожим на домашнего кота. Подошёл к Борланду и встал рядом.

Они развернулись и пошли к гостевому дому.

Девушка шла справа, держала Борланда за руку — не отпускала с самого пруда. Слева — Винт. Сзади — Франк, бесшумно, как тень.

Толпа расступалась сама. Никто не пытался прочитать — Борланд чувствовал это отсутствие касаний особенно чётко после проведённого здесь времени, когда они были постоянно. Будто Франк создавал вокруг них пузырь тишины. Уважение или страх. Или что-то большее.

* * *

Дом встретил их пустотой — никаких караульных у дверей, их отпустили с поста. Внутри было достаточно места для всех, включая Франка. Кот вошёл последним, немного принюхался, обошёл комнату по периметру и улёгся в углу у кровати Борланда — деловито, как ложатся на своё место.

Девушка наконец отпустила руку.

И заговорила.

Винт аж присел на кровать от неожиданности.

Слова шли быстро, одно за другим, без пауз — с тем напором, который бывает у людей, которые очень долго молчали и теперь не могут остановиться. Голос был лёгкий, немного хрипловатый, с той радостью в нём, которую невозможно сыграть.

— Зовите меня Виктория. Виктория — это победа. Я ещё не совсем поняла, что такое победа, но мне очень понравилось это имя. Я так счастлива, любимый — ты подарил мне возможность общаться с этим миром!

Борланд тоже присел — медленно, на стул.

Любимый.

Она не замолкала. Бегала по комнате, радовалась чему-то своему, напевала что-то без слов. Потом остановилась, подбежала к Борланду и обняла крепко — горячая, живая, совсем не хрупкая, несмотря на всё то тонкое, что было в ней снаружи.

— Извини меня. Когда я тебя увидела — не смогла удержаться. Сразу установила связь. А когда погрузилась в твоё сознание — захлебнулась. Так много всего. Я никогда раньше не обменивалась. Связи у меня ни с кем не было. — Пауза. — Я всегда была одна.

Радость схлынула — резко, как уходит вода. На лице осталось что-то другое, голое и тихое. Потом она заплакала — просто, без предупреждения, как плачут, когда больше нет сил держать.

Борланд встал. Подошёл и позволил обнять себя снова — просто стоял, пока она не успокоилась.

— Викки, — сказал он. — Тебя будут звать Викки. Это имя похоже на твоё, но в зоне настоящими именами не пользуются. Я — Леший. На кровати — Винт. Ты поняла?

Она подняла голову. Вытерла лицо тыльной стороной ладони.

— Я — Викки.

Улыбнулась — немного криво ещё, но уже по-настоящему. Потом, прежде чем Борланд успел что-то сообразить, чмокнула его быстро в губы, засмеялась — задорно, совершенно по-девичьи — и выбежала из дома, прокричав:

— Я сейчас вернусь!

Дверь хлопнула.

Тишина.

— Охренеть, Леший, — сказал Винт после паузы. — Слышал я про Пригоршню — что он среди дам был популярен. Видать, и тебе его аура перепала.

Борланд посмотрел на него.

— Винт, ты что-то разговорчивый стал. Даже шутишь. Я тебя не узнаю.

Засмеялся. Винт тоже — коротко, но по-настоящему.

Напряжение ушло. Просто вышло из комнаты, будто и не было.

* * *

— Ну что, — сказал Винт, когда они оба отсмеялись, — что с девчужкой делать будешь?

— Спросил бы что полегче. — Борланд откинулся на спинку стула. — Утро вечера мудренее. Лучше послушай, что я узнал.

Следующие полчаса он говорил. Арх, история оазисов, Боги и Демоны, руны, связь, отрезанные. Винт слушал молча, в своей привычной манере — неподвижно, без лишних реакций, но Борланд уже умел читать эту неподвижность. Слушает. Запоминает. Обрабатывает.

Когда он закончил, Винт молчал ещё секунду.

— Отрезанные — это наши, — сказал он наконец. Понятно.

* * *

Дверь распахнулась.

Викки влетела внутрь — запыхавшаяся, со щеками в румянце, совершенно довольная собой.

— Сейчас нам принесут поесть! — объявила она. — Мы поедем, и потом уйдём с тобой в мой дом. Он совсем рядом.

Она кокетливо щёлкнула Борланда по носу — он даже не успел уклониться — и повернулась к Франку.

Тот лежал в углу с закрытыми глазами.

Викки подошла к нему без малейшего колебания. Схватила за хвост — двумя руками, уверенно — и сказала:

— Я — Викки. Женщина Лешего.

И соединилась с ним цветком.

Франк открыл глаза.

Борланд видел это выражение — или то, что у двухметрового ночного хищника было вместо выражения — впервые. Полная, искренняя, ничем не прикрытая растерянность.

Потом Франк мяукнул.

Негромко. По-котёночки, что совершенно не вязалось с его размером.

Борланд уставился на него.

Винт уставился на Борланда.

Потом они оба посмотрели на Викки — которая проделала всё это, явно не ожидая никаких возражений.

Глава 20. Рассвет, охота, отрезанные

Еду принесли, пока они ещё разговаривали — фрукты, овощи, мясо, большая чарка кваса. Мясо пахло хорошо, по-настоящему.

Викки не замечала ничего вокруг. Всё ещё была в контакте с Франком — сидела рядом с котом, отросток сплетён с его хвостом, глаза полуприкрыты. Борланд подошёл и аккуратно разъединил их.

Викки с трудом устояла на ногах — пришлось придержать.

Франк недовольно фыркнул. Выражал то, что не успел выразить до контакта. Выглядел при этом вполне свежо — ему сеанс дался легче, чем можно было ожидать. Борланд поймал его взгляд, и в голове тут же зазудело — пара образов, быстрых. Ворота деревни. А потом — лес, долина, небо без кровли из крон. Мир снаружи, большой и разный.

Борланд кивнул.

Показал ей, что есть за пределами деревни. Она никогда не выходила. Ни разу в жизни.

Он усадил Викки за стол, помог попить. Поели и собрались быстро — все четверо, включая Франка, которому просто поставили у стены кусок мяса побольше. Желудки не возражали, и осторожность сама собой отпала. Оленина была вкусной — насыщенной, с лёгким привкусом чего-то незнакомого, не неприятного.

Борланд откинулся на спинку стула. Усталость пришла волной — не резко, а как прибор: раз, ещё раз, и вот уже тяжело держать голову.

Викки заметила раньше, чем он сам успел осознать. Схватила за руку и потянула к двери — молча, уверенно, как тянут того, кто сам уже не решит.

Сил сопротивляться не было.

Франк проводил их взглядом. Потом встал, перешёл и лёг на кровать Борланда — деловито, без лишних церемоний.

Винт посмотрел на это, пожал плечами и допил квас.

Дальше Борланд помнил плохо — тёмные сумерки между домами, порог, запах. Внутри пахло травами и мёдом, тепло и плотно, как пахнет в месте, где долго живут. Кровать. Всё.

* * *

Проснулся с первым светом.

Викки спала у него на груди — тихо, без движения, тяжелее, чем казалась по виду. Усталости не было — вся вышла за ночь, будто и не было её.

На запястье ощущалась тяжесть.

Борланд осторожно поднял руку, не потревожив девушку. Браслет — из тёмно-красных бусин, плотно нанизанных на что-то гибкое. Оттенок был до странного знакомым. Кровь камня. Тот же цвет, та же глубина.

Они умеют обрабатывать артефакты.

Он лежал ещё минуту, глядя в потолок. Потом аккуратно переложил голову девушки на подушку, укрыл её наготу, оделся, вышел и направился к Арху.

* * *

Арх уже ждал.

Они пожалы руки — Арх крепко, привычно, как жмут тем, кого знают.

— Вижу у тебя много вопросов, — сказал старейшина. — Не буду ждать их устно. Просто приготовься получить информацию — сегодня охота, мне нужно успеть провести инструктаж, чтобы молодые не забывались.

Борланд почувствовал лёгкое прикосновение — тонкое, иное, чем обычные касания аборигенов. Холоднее. Точнее. Как будто Арх умел делать это иначе, чем остальные.

Картинки пошли быстро.

Дом в скалах — без артефактов, но с рунами по стенам. Они отрезали пространство от общего ментального поля. Вот почему он говорил, что нас не услышат.

Девушка — её нашли ребёнком на охоте, в голодный год, когда группа зашла слишком далеко от деревни. По всем признакам, она провела в лесу не одну ночь. Привели в деревню. Но она была как отрезанные — ментально молчащая, непрозрачная, нечитаемая. Пожалели. Приютили. Она нашла себя в письменах — изучала, копировала, жила рядом с людьми, которые её не слышали и которых она не слышала. Никто её не трогал. Никто не интересовался.

Потом — объём информации об окрестностях. Аномалии, их принцип, их расположение. Животный мир. Опасные маршруты. Всё быстро, плотно, как энциклопедия, которую листают на большой скорости — страница, страница, страница.

Минута — и всё.

Арх встал.

— Вы можете присоединиться к охоте, если хотите. — Пауза — ответ на немой вопрос. — Сбор у ворот через час.

* * *

До гостевого дома Борланд дошёл быстро. Винт уже разминался перед крыльцом — спокойно, методично, как разминаются люди, у которых это привычка, а не ритуал.

— Привет. Вижу, проснулся. У нас час на сборы — идём на охоту.

— Отлично, — сказал Винт.

Поели и собрались быстро.

Франк ждал у дверей — уже на ногах, свежий, будто и не ночевал в чужом доме на чужой кровати. Посмотрел на Борланда и передал образ: не просто друг. Скакун.

Борланд залез на него — и цветок на конце хвоста мягко потянулся к основанию его шеи.

Касание — и мир взорвался.

Запахи стали видимыми — разноцветные ленты тянулись во всех направлениях, пересекались, уходили в глубину леса и растворялись вдали. Мысли окружающих людей мерцали рядом — не слова, ощущения, намерения. Следы прошедших существ светились на земле. Чьи-то ауры пульсировали между домами. Всё это навалилось разом, без сортировки, без фильтра — огромный рёв информации, в котором не было ни одной понятной нити.

Голова закружилась. Борланд почти упал.

Франк среагировал раньше, чем он успел осознать падение. Поток схлопнулся — и разложился обратно. Аккуратно, как раскладывают карты: нужное — вперёд, остальное — в фон. Теперь информация всплывала сама, когда была нужна, — как виар-интерфейс, который знает, что показать.

— Ну ты как? — спросил Винт.

— Освоился. Запрыгивай.

* * *

У ворот стоял Арх. Рядом — пятеро всадников на драгунах и ещё пятеро пешком. Молодые, без скакунов — ждали своей связи. Ворота были уже открыты.

— Вы вовремя. Главным на охоте будет он. — Арх указал на коренастого мужчину. Единственным его отличием от остальных были полностью седые волосы.

Молодые, да и опытные смотрели на Борланда с Франком с большим интересом и уважением.

Выдвинулись.

* * *

Лес принял их тихо.

Через пару часов хода Седой остановил группу жестом — коротко, без слов. Спешились. Один из опытных остался с драгунами.

Франк передал образ — и растворился в лесу. Просто исчез между стволами, не оставив звука. Настоящий хищник.

Борланд держался на заднем плане. Винт тоже где-то растворился — он умел это делать не хуже Франка, только без пси-способностей, просто опытом.

Седой координировал всех без слов — короткие образы, направления, знаки. Чувствовался большой опыт. Не просто охотник — человек, привыкший управлять людьми в поле.

Цветки охотников практически перестали мерцать — ментальный фон сжался до минимума. Только тонкая нить связи между членами группы, не больше. Борланд отметил это у себя в голове — слабые огоньки вместо привычных пульсирующих свечений.

Ручей они нашли через полчаса.

На противоположном берегу стояли двое оленей — серебристо-голубые, с рогами, которые едва заметно пульсировали в утреннем свете. Один из молодых уже поднял копьё.

И тут пришла картинка от Франка.

Красные точки — несколько, компактная группа — ниже по течению, близко. Двигаются в сторону деревни.

Борланд быстро подошёл к Седому. Сначала образ, потом слова — тихо, почти шёпотом.

Олени перестали существовать для всей группы разом.

— Отрезанные, — сказал Седой. Голос ровный, без паники. — Нельзя им быть так близко. Если не остановить — в следующий раз найдут дальше.

Борланд молчал секунду. Понимал логику. Соглашался с ней — так работает зона везде, в любом мире. Те, кто не получил отпора, возвращаются.

Он кивнул.

Но Винта рядом не было. Он где-то в лесу.

Глава 21. Столкновение. Встреча

Молодым наказали вернуться к драгунам — коротким жестом, без слов. Те исчезли в лесу быстро, без вопросов.

Седой начал распределять позиции — образами, тихо. Взять группу в кольцо. Борланд остановил его.

— Не убивать сразу. — Он говорил вполголоса, глядя в направлении красных точек на ментальной карте Франка. — Если это рейд вглубь зоны — эта группа не единственная. Нам нужно это знать. Живыми.

Седой смотрел на него секунду. Борланд понимал его логику — они могут просканировать группу с достаточного расстояния, получить всё нужное без лишнего риска. Быстро и чисто.

Но Борланд качнул головой. Образы, слова, ещё раз образы — пока не увидел в глазах Седого согласие.

Кивок. Неохотный, но кивок.

Начали двигаться.

* * *

Борланд хотел предупредить Винта, но понял, что потерял его из виду с самого начала, как только вошли в лес. Передал Франку запрос. Тот отозвался коротко: не нашёл.

Борланд помолчал секунду. Потом решил не беспокоиться. Винт умел исчезать.

Кольцо сомкнулось через десять минут.

Он увидел их с позиции за старым деревом — семеро. Трое штатских: женщина, мужчина в годах и молодой парень с рюкзаком, явно набитым выше разумного. Ассистент или лаборант. Четверо военизированных — снаряжение хорошее, двигались грамотно, держали периметр даже на привале.

Борланд узнал эту картину сразу. Экспедиция с охраной. Учёные пришли за данными, военные — чтобы они вернулись живыми.

Свои.

Мысль пришла и ушла. Не свои — из другого мира. Просто похожие.

Он ждал команды Седого — одновременный удар по сознанию, группа падает, никто не пострадает.

Команды не было.

Борланд почувствовал это раньше, чем понял. Охотники рядом начали нервничать — едва заметно, но он уже умел читать их. Пси-фон группы стал неровным. Они не чувствовали Седого.

Что-то случилось.

Выстрел в лесу разорвал тишину.

Группа отрезанных вскочила за секунду — четверо военных сомкнулись вокруг учёных, закрыли со всех сторон, оружие наружу. Лес гасил звук, дробил направление — они не знали, откуда он донёсся. Правильная реакция. Быстрая.

* * *

Винт ушёл вперёд сразу, как только группа спешила.

Он двигался иначе, чем охотники — не через ментальные каналы, а через то, что нарабатывается годами: слух, земля под ногами, периферия, пространство между деревьями. Аномалии он чувствовал по-своему — через тошноту, через лёгкое давление в висках, которое теперь умел читать.

Оленей заметил первым.

Они почуяли его раньше — напряглись, подняли головы. Петрушка лежала в контейнере, он вытащил её и переложил в нагрудный карман — ближе. Тревога в их позах пропала. Хорошо.

Он начал обходить их сзади — стандартная позиция: если охота сорвётся и олени побегут, они пойдут прямо на него. Просто и эффективно.

Тут он увидел следы.

Не охотничьи. Другой шаг, другой вес, другая обувь. Свежие.

Олени перестали существовать. Он двинулся по следам — осторожно, держа дистанцию. Вышел к ручью. Увидел группу.

Оценил за несколько секунд. Ушёл обратно в лес. Растворился.

Ждал.

Чутьё наёмника — не инстинкт, а накопленный опыт, который работает быстрее мысли — говорило: в этом лесу есть ещё кто-то. Хороший. Не хуже него.

Он слышал едва заметный хруст ветки — один, в стороне от группы. Начал перемещаться туда.

* * *

Картина была простой и неприятной.

Человек в военной форме — спиной к Винту, ствол упёрт в спину Седого. Тот стоял с поднятыми руками и выражением человека, которому происходящее совершенно непонятно. Копьё лежало в траве.

— Кто ты? — Голос женский. Жёсткий, без лишних эмоций.

— Охотник. — Седой говорил сбивчиво — он судорожно пытался нащупать сознание отрезанной, войти в контакт, и ничего не выходило, ноль, стена. — Заметил вашу группу, хотел обойти стороной. Вас больше, значит вы сильнее. Я слабый — уйду в другое место.

— Ты не один. — Ствол надавил сильнее. — Зачем лжёшь?

— Опусть ствол.

Голос шёл из-за её спины. Ровный, стальной, не терпящий обсуждения.

Она замерла. Винт стоял в метре от неё — она не слышала, как он подошёл, не чувствовала. Профессионал.

Он видел, как она просчитывает варианты — плечи чуть двинулись, вес переместился. Выстрел в пленного, пережат, уход с линии огня. Нет. Слишком мало информации о том, кто сзади. Следующий вариант. Тоже нет. Ещё один.

Медленно опустила оружие. Отодвинула от себя ногой.

Седой так и стоял с поднятыми руками — в оцепенении. До этого момента он не ощущал никого рядом. Совсем. А теперь за спиной отрезанной стоял человек, которого он тоже не чувствовал, и от него шло что-то такое, от чего пространство вокруг казалось холоднее.

— Молодец. Теперь медленно повернись. Осмотрю тебя, сложишь остальное — и пойдём к твоей группе.

Она повернулась.

Рука Винта дрогнула.

— Гайка?!

Голос предал его — сорвался, стал на долю секунды не тем, каким бывал всегда.

Она смотрела на него. Секунду. Две.

— Винт?! — В её голосе было что-то живое, что прорвалось сквозь профессиональную броню и тут же попыталось спрятаться обратно. — А я уж испугалась, что сноровку потеряла! Ты где пропал, скотина ты бессовестная?!

Седой стоял между ними с поднятыми руками и смотрел то на одного, то на другую.

Лес молчал.

Глава 22. Гайка

— Седой, расслабься. Гайка — как это будет... другая. Она не из отрезанных, она из моего мира. — Винт говорил тихо, не отводя взгляда от девушки. — Передай своим, чтобы не волновались и не атаковали группу.

Седой смотрел на неё секунду. Потом закрыл глаза — лёгкое движение, почти незаметное. Пси-фон вокруг чуть изменился.

— Гайка, — снова Винт, теперь уже к ней, — в твоей группе все нормальные? Им можно доверять?

— Да. — Она не колебалась. — Без проверенных людей я так глубоко не суюсь. По сути это моя группа — я их лично отбирала и тестировала.

Сказала это ровно, по-деловому, но что-то в тоне выдавало: внутренне довольна собой. Как прилежный ученик, отчитавшийся перед учителем.

— Хорошо. Поднимай оружие, пойдём к твоим.

Винт повернулся к Седому.

— Седой, ты как?

— В порядке. — Голос ровный, без лишнего. — Отправил остальных обратно к драгунам. Сам пойду с вами.

— Хорошо.

Борланд получил образы раньше, чем Седой успел связаться со своими — Франк передал картинку: Винт, Седой и девушка в военной форме, все живые, все идут. Хорошо.

Бойцы почувствовали изменение в пси-фоне Седого и кивнули Борланду. Скрылись в лесу — тихо, как умели.

Борланд пошёл навстречу.

* * *

Он увидел их раньше, чем они вышли на открытый участок — Винт впереди, рядом девушка, Седой чуть сзади с видом человека, которому нужно время, чтобы переварить произошедшее.

Девушка была невысокой, жилистой, с той собранностью в движениях, которая не исчезает даже когда человек просто идёт. Короткие тёмные волосы, куртка с разгрузкой, оружие убрано, но руки свободны — правильно. Взгляд быстрый, цепкий, оценивающий всё и сразу.

Борланд вспомнил слова Винта про Пригоршню. Усмехнулся и решил вернуть шутку.

— Винт, чертяга! Отпустил тебя в лес погулять, а ты уже лесную нимфу охомутал! Ещё что-то мне предьявлял!

Винт расплылся в улыбке — редкое зрелище.

Девушка сжала кулаки.

Борланд не успел договорить — она уже была рядом, и кулак прошёл там, где секунду назад было его лицо. Он отклонился на инстинкте, едва успел.

— Гайка, прекрати. — Винт поднял руку. — Это Леший. Мы теперь напарники.

Девушка опустила кулак. Смотрела на Борланда с выражением, которое сложно было назвать потеплевшим.

— Леший, она не хуже меня по сноровке. Будь с ней аккуратнее. Гайка у нас техник и первоклассный стрелок. — Винт повернулся к ней. — Гайка, это Леший. Он вытащил меня из пары мест, которые без него я бы не прошёл. Мы с ним напарники. Будьте знакомы.

Пауза.

— Гайка, — сказала она коротко.

— Леший, — сказал Борланд. — Извини за шутку.

— Извинения приняты. Реакция у тебя что надо. Не опозорил Винта как напарник.

— Эй, у реки! — крикнула она через плечо. — Расслабьте свои булки, я не одна. Со мной старые друзья.

* * *

Они вышли к группе.

Четверо военных стояли полукругом — оружие опущено, но не убрано. Правильная позиция: не угрожают, но готовы. Учёные жались ближе к воде, смотрели настороженно. Молодой парень держал в руках прибор и явно не знал, продолжать ли замеры или бросить.

Седой стоял чуть в стороне и был нахмурен.

— Опустите стволы, — сказала Гайка своим. — Сказано же — свои.

Военные переглянулись. Оружие убрали.

Мужчина-учёный — лет пятидесяти, в очках, с рюкзаком явно тяжелее, чем он рассчитывал нести — шагнул вперёд и устоялся на Седого. Потом на Борланда. Потом снова на Седого.

— Простите, — сказал он осторожно, — но... кто вы такие? Вы местные? Вы давно здесь? У вас есть поселение?

Седой посмотрел на него. Потом на Борланда — с выражением человека, который хочет сказать: ты это устроил, ты и разбирайся.

— Он охотник, — сказал Борланд. — Из местного племени. Живут в этом лесу давно. Знают зону лучше, чем кто-либо.

— Племя?! — Женщина-учёный шагнула ближе, глаза загорелись. — Постоянное поселение? В зоне? Как они выживают? Какие у них методы защиты от аномальной активности?

Седой смотрел на неё.

— У вас очень громко в голове, — сказал он наконец. — У всех троих. Как будто несколько человек говорят одновременно.

Учёные замерли.

— Он... — Молодой парень медленно опустил прибор. — Он сейчас сказал, что слышит наши мысли?

— Не слышу. Чувствую, — поправил Седой без интонации. — Большая разница.

— Это... — Женщина оглянулась на коллег. — Это телепатия?

— Это связь, — сказал Борланд. — У них другое слово, но суть та же.

Мужчина в очках сел прямо на берег — как-то сразу, будто ноги перестали держать. Достал блокнот.

— Постоянное поселение, — пробормотал он, — ментальная коммуникация, адаптация к аномальной среде... — Поднял взгляд на Борланда. — Простите, а вы сами откуда? Вы не местный — это видно. Снаряжение другое, манера двигаться другая. Да и кроме группы Гайки никто так глубоко в зону не заходит.

— Издалека, — сказал Борланд. Всем видом подавая знак, что сейчас не время и не место это обсуждать.

* * *

Тем временем Гайка отошла с командой в сторону.

Борланд не слышал — они говорили тихо, — но видел: её люди не были в восторге. Один из военных жестикулировал. Другой покачал головой. Гайка стояла прямо и слушала — с тем терпением, которое бывает у людей, уже принявших решение и дающих остальным время дойти до него самостоятельно.

Потом заговорила сама.

— Я вам не всё о себе рассказывала. — Голос был ровным, без извинений. — Я не из этого мира. И навыки мои лучше ваших — потому что ходила по зонам опаснее этой.

Тишина.

— Как это — не из этого мира? — военный говорил тихо, но напряжение было слышно.

— Именно так, как я сказала. — Она не стала объяснять дальше. — Всё. Прекращаем споры, выдвигаемся, сегодня мы заночуем в деревне у местных.

Гайка вернулась к Борланду и Винту.

— Мы идём с вами. Все. На ночёвку.

— Деревня закрытая, — сказал Борланд. — Решение не за нами. Мы тоже гости. Я уйду вперёд и поговорю с их главным. Но ты должна понимать: их правила, их территория. Если он скажет нет — значит нет. Рассчитывай, успеете ли дойти до другого безопасного места.

Гайка кивнула. Без споров — приняла условия как данность.

— Это касается всех: назад я не возвращаюсь. Господа учёные, ребята вас доведут обратно в целости и сохранности.

Её люди переглянулись. Потом, один за другим, начали собирать снаряжение. Профессионалы — не согласились, но подчинились.

Седой наблюдал за этим с видом человека, которому не нравится абсолютно всё происходящее, но который пока решил молчать.

— Леший. — Он подошёл к Борланду, говорил тихо. — Мы не договаривались о ночёвке чужаков в деревне. Арх не одобрит.

— Я поговорю с Архом. — Борланд помолчал. — Подумай вот о чём — если наладить торговлю, от этого выиграют все. У них есть то, чего нет у вас. У вас есть то, чего нет у них.

Седой смотрел на него долго.

— Поговори с Архом, — повторил он наконец. Не согласие — но и не отказ.

* * *

Собрались быстро.

Молодой лаборант пристроился рядом с Седым и шёл, глядя на него с таким выражением, с каким смотрят на редкий экспонат.

— А вы правда чувствуете мысли? — не выдержал он наконец.

— Правда.

— И... что я сейчас думаю?

— Что хотите записать всё, что видите. И что боитесь упустить что-то важное. — Пауза.

— И что у вас болит левое плечо от рюкзака, но вы не хотите это показывать.

Лаборант схватился за плечо. Потом спохватился и убрал руку.

— Это... поразительно.

Седой не ответил. Шёл и смотрел вперёд.

Женщина-учёный шла рядом и молчала. Просто смотрела на лес. На мерцание стволов. На голубоватый мох между камнями.

— Здесь всё живое, — сказала она наконец, ни к кому конкретно. — Весь лес. Я чувствую это. Не как учёный — просто чувствую.

— Да, — сказал Борланд. — Именно так.

Она посмотрела на него. Кивнула.

* * *

На берегу у кромки леса их ждал Франк.

Он вышел из деревьев медленно — двухметровый, с хвостом, который двигался отдельно от тела. Сел. Оскалился — довольно, с той широкой улыбкой, которая открывала зубы, явно приспособленные для чего-то большего, чем трава. Морда была в крови.

Передал Борланду образ: одного оленя съел сам, одного оставил охотникам. Доволен собой.

Военные из группы Гайки среагировали одновременно — руки к оружию, шаг назад, рассредоточение. Чётко, слаженно.

Гайка не двинулась. Она следила за Винтом — тот стоял расслабленно, руки вдоль тела. Она убрала руку с оружия.

— Спокойно, — сказала она своим. — Смотрите на Винта.
Военные выдохнули. Оружие опустили.

Лаборант смотрел на Франка с выражением человека, у которого в голове одновременно происходит несколько процессов — страх, восхищение, профессиональный интерес и желание немедленно всё записать. Он достал блокнот. Потом убрал. Потом снова достал.

Мужчина в очках стоял неподвижно и смотрел. Потом негромко сказал:

— Это псионическое существо. Смотрите на хвост — там рецептор. Оно общается через него.

— Верно, — сказал Борланд. — Это Франк. Он с нами.

Он залез на кота — привычно, одним движением. Цветок потянулся к его шее, мир наполнился лентами и красками.

— Мы ускоримся. Попрошу с Архом, чтобы вас впустили. — Он посмотрел на Седого.
— Сможешь затуманить им дорогу? От этого берега и дальше — чтобы не запомнили маршрут.

Седой кивнул коротко. Нахмурился ещё сильнее.

— От берега, — подтвердил он.

Борланд кивнул Винту. Гайке — коротко, как кивают тем, с кем ещё не закончили знакомиться.

Франк рванул в лес — бесшумно, быстро, между стволами.

Лаборант смотрел им вслед. Потом наконец открыл блокнот и начал писать — быстро, не останавливаясь, пока не забыл.

Глава 23. Новые гости

Франк влетел в ворота на полном ходу — постовые только и успели, что распахнуть створки в последний момент. Борланд пригнулся, пропуская низкую ветку, и они понеслись по главной улице.

Пустовато. Все были заняты своими делами.

Подлетели к дому Арха — Борланд спрыгнул, толкнул дверь.

Никого.

Чёрт. Надо было сразу спросить кого-нибудь.

Он оглянулся на Франка.

— Жди меня там, где ночевал. По переулкам с тобой не пройти.

Кот смотрел на него секунду. Потом развернулся и пошёл — неспешно, с достоинством, будто сам так решил.

Борланд двинулся в сторону главной улицы — и в переулке его перехватили.

Викки налетела из-за угла и вцепилась в него обеими руками.

— Куда ты пропал? — Брови нахмурены, глаза яркие. — Почему не разбудил?

— Викки, мне срочно нужен Арх. Ты не знаешь, где он?

Она просияла мгновенно — от недовольства не осталось и следа.

— Знаю! Я тебя отведу. — И тут же: — А пока ты ответишь на все мои вопросы!

Борланд посмотрел на неё. Вздыхнул.

— Викки, установи связь со мной и поспешим. Рассказ слишком длинный — так ты всё узнаешь быстрее. Только не увлекайся, чтобы мы снова не потеряли сознание.

— Хорошо.

Её отросток впился в основание его ладони в ту же секунду — без предупреждения, как всегда.

Слегка замутило. Как утром с Франком. Борланд выдохнул и дал ей образы — группа у ручья, Гайка, Винт, лес. Быстро, плотно, без лишнего.

Взамен пришла картинка — где Арх.

— Пойдём, — сказал Борланд.

* * *

Арх был в скальном здании на дальнем краю деревни.

Борланд знал, что оно существует — видел снаружи, но внутри не был. Когда вошли, он остановился на секунду.

Библиотека. Настоящая — в той мере, в какой это слово вообще применимо к помещению, вырубленному в скале и заставленному стеллажами из тёмного дерева с табличками. Их было много. Сотни, может больше. Дерево, кость, что-то похожее на прессованную кору. Разные размеры, разные знаки. Часть явно старая — края потемнели, знаки стёрлись. Часть свежая — светлое дерево, чёткие линии.

Арх стоял у дальней стены и перебирал таблички — методично, не торопясь. Не заметил их сразу.

— Арх. Извини, что отвлекаю. У нас незапланированные гости.

Арх обернулся. Посмотрел на Борланда. Потом на Викки. Потом снова на Борланда.

Следующие полчаса Борланд говорил. Арх слушал — стоя, не садясь, с тем вниманием, которое не требует реплик. Потом задал несколько коротких вопросов. Потом помолчал.

Итог они заключили вместе — через образы и слова попеременно. В округе не было другого безопасного места, чтобы они успели укрыться к ночи, если не впустить их. Группа не выживет снаружи. Значит нужно впустить.

— Хорошо, — сказал Арх наконец. — Пусть остаются.

Борланд кивнул.

— И ещё, — добавил Арх, — я тут заметил, когда рядом Франк или Викки — я не могу тебя читать или, по крайней мере, это становится сильно сложнее. — Он помолчал. — Почему — не знаю. Возможно вы как-то резонируете.

Борланд посмотрел на Викки. Та смотрела в потолок с видом человека, который делает вид, что не слушает.

Арх коротко извинился и ушёл — предупредить жителей, подготовить приём.

* * *

В библиотеке стало тихо.

Викки посмотрела на таблички. Потом на Борланда. В глазах загорелось что-то — нетерпеливое, почти детское.

— Можно? — спросила она.

— Можно, — сказал Борланд.

Она установила связь — и начала вкачивать.

Борланд сел на пол. Потом просто лёг — не упал, именно лёг, осознанно, потому что стоять уже не получалось. Поток шёл плотно, без пауз: таблички, знаки, что она успела разобрать, что не успела, догадки, вопросы, снова знаки. Десять минут — как час.

Голова болела. По-настоящему, глубоко.

Арх давал информацию легче — опыт, точность, дозировка. Викки давала всё сразу, не умея иначе. Она не могла общаться маленькими порциями — только полным потоком. Только вот так. Отсутствие опыта и практики сказывались.

Он почувствовал, как поток начинает редеть — она почувствовала, что его мозг перегревается, и остановилась сама.

Помогла встать. Он встал — неуверенно, держась за стеллаж.

Потом она поцеловала его. Быстро, неожиданно.

— Буду ждать тебя у нас дома. — Её лицо порозовело — стремительно, она это заметила и смутилась ещё больше. — У тебя ещё много дел. Не буду мешать.

И убежала.

Борланд остался один. Смотрел на дверь.

У нас дома.

Он не успел обдумать её прежних слов и ответить ей, и вот снова. Этот мир — не навсегда. Найти разлом и двигаться дальше. А она...

Подумает позже.

* * *

Он прошёлся по помещению — и вдруг Резак потеплел на бедре.

Борланд остановился. Посмотрел на стену.

Там было углубление — едва заметное, неглубокое, почти незаметное на фоне общей текстуры камня. Ничего особенного на вид. Но Резак реагировал — мягко, настойчиво, как реагирует на близость разлома.

Здесь?

Он достал нож. Поднёс к стене.

Камень начал меняться — медленно, как меняется лёд, когда подносишь ладонь. Стал прозрачным. Потом — почти неосязаемым. Пространство сложилось и развернулось обратно, и в стене открылась небольшая выемка — аккуратная, явно не природная.

Борланд протянул руку.

Нашёл пальцами что-то твёрдое. Вытащил.

Маленький нож — скорее лезвие, вставленное в кость. Всё аккуратно обработано, поверхность гладкая. На кости — руны, мелкие, точные. Лезвие смутно напоминало Резак —

та же размытость края, то же поглощение света. Но энергия другая. Не та же природа, другой артефакт в основе.

Что-то из арсенала Богов.

Борланд убрал находку в карман. Выемка в стене медленно затянулась — камень стал собой снова, будто ничего не было.

Он смотрел на это место и думал о Богах и Демонах, о рунах, о цивилизации, которая исчезла в один момент и оставила только библиотеку и загадки.

Вопросы без ответов. Привычное дело.

* * *

Борланд услышал их раньше — через Франка, который встречал у ворот. Вышел на главную улицу.

К сумеркам группа дошла до деревни.

Арх подготовился масштабно. Длинный стол тянулся вдоль главной улицы — еда, кувшины с квасом, фонари на столбах. Вся деревня. Торжественно и просто одновременно.

Гости входили молча.

Учёные вертели головами, не успевая смотреть. Молодой лаборант едва не споткнулся о порог — потому что смотрел на скальные дома, а не под ноги. Женщина-учёный остановилась посреди улицы и просто стояла, смотрела. Мужчина в очках достал блокнот ещё у ворот.

Военные держались профессионально — но Борланд видел, как у одного из них чуть расширились глаза, когда мимо прошёл абориген в полный рост. Просто прошёл — и всё. Но масштаб был убедительным.

Гайка шла рядом с Винтом, смотрела на всё одновременно, ничего не пропуская.

Борланд зашёл в дом Викки, чтобы умыться.

Запах ударил сразу — тот же, что был с утра, но сильнее. Травы, мёд, и что-то ещё поверх — цветочное, лёгкое, пьянящее.

Викки стояла у окна в наряде, похожем на платье — мягкая кожа, тёмная, с орнаментом по краю. Линии подчёркивали то, что обычная одежда скрывала. Она обернулась — и Борланд поймал себя на том, что просто смотрит.

Несколько секунд.

Он взял себя в руки.

— Нас ждут. Я умоюсь — и пойдём. Ты со мной?

— Конечно! — Она просияла. — Что за гости? Я буду рада познакомиться со всеми.

Борланд улыбнулся — помимо воли, просто так.

Глава 24. За общим столом

Они вышли вместе.

Викки взяла его за руку сразу — привычно, как берут то, что считают своим — и пошла рядом. Борланд не стал возражать.

Главная улица гудела тихо. Не шумно — здесь вообще не умели шуметь так, как в его мирах, — но живо. Фонари давали тёплый свет, стол был длинный, люди сидели вперемешку — аборигены и гости, и это само по себе было странно и правильно одновременно.

Гайка уже сидела рядом с Винтом и что-то ему говорила — негромко, быстро. Тот слушал с тем выражением, с каким слушают человека, которого давно не видел и которому рад, но показывать это не принято. Борланд поймал его взгляд, кивнул. Винт кивнул в ответ.

Учёные были везде сразу.

Молодой лаборант сидел рядом с Седым и, судя по всему, задавал вопросы уже минут двадцать — Седой отвечал короткими фразами, но не уходил, и это само по себе было показателем. Мужчина в очках устроился рядом с одним из старших аборигенов и держал блокнот наготове. Женщина-учёный ходила вдоль стола и смотрела — не на еду, на людей, на детали.

Арх сидел во главе и наблюдал за всем этим с тем спокойствием, которое Борланд уже научился читать: доволен. Не показывает, но доволен.

* * *

Викки нашла место рядом с женщиной-учёным раньше, чем Борланд успел что-то предложить. Просто села и уставилась на неё с тем прямым внимательным взглядом, который был её нормой.

Женщина-учёный — её звали Марта — посмотрела на Викки. Потом на её отросток. Потом снова на Викки.

— Вы... не такая, как остальные, — сказала она осторожно.

— Нет, — согласилась Викки. — Я другая. И ментальных навыков у меня нет, почти.

— Я заметила руны в вашей деревне. Вы можете что-то рассказать про эти письмена? — Марта уже тянулась к блокноту. — Они принадлежат вашему народу?

— Да. Я много лет их изучала. — Викки чуть наклонила голову. — Это не наши письмена. Их оставили задолго до нас. Вы их ещё где-то встречали?

— В других местах. — Марта положила на стол несколько листов — копии, аккуратные, сделанные явно с большим вниманием. — Мы нашли похожие знаки в трёх разных точках зоны. И в них безопасно также, как в вашей деревне. Но здесь их больше всего. И территория, которая служит безопасным островком, — самая большая из тех, что я видела.

Викки смотрела на листы. Потом взяла один — бережно, как берут то, что давно искали.

— Вот этот блок. — Она указала пальцем. — Я думала, это числа. Но не числа. Это указание на время. На цикл. Как их считать — я не понимаю. Но вот здесь, — она перевела взгляд на соседний лист, — это же повторяется. Только в другом порядке.

Марта наклонилась ближе.

— Вы правы. Мы думали, что это разные тексты. Но если это один цикл...

— Тогда это не две записи. Это одна, разбитая на части.

Они смотрели на листы вместе — Викки и Марта, учёный из этого мира и девушка, которая всю жизнь изучала мёртвый язык в одиночестве.

* * *

Постепенно разговоры стали общими.

Мужчина в очках — Громов — отложил наконец блокнот и заговорил в полный голос.

— Мы изучаем зону уже три года. — Он говорил медленно, взвешивая слова. — Но впервые встретили другую цивилизацию, которая развивается внутри зоны. Более того, вы гово-

рите, что местные руны не принадлежат вашему народу. Значит, была цивилизация, которая существовала намного раньше. И возможно зона — это то, что их погубило. Или она стала последствием их гибели.

Арх поднял взгляд от кружки.

— Вы правы. Мы заселились здесь и достроили свои постройки, но за четыре поколения, живя здесь, так и не смогли полностью понять их письменность. Только научились переносить часть рун.

Вечер продолжился. Громов пересел ближе к Арху и начал делиться своими доводами по поводу происхождения рун, Арх в свою очередь стал дополнять его знания своими.

* * *

Ближе к середине вечера Громов осторожно произнёс то, о чём думали, кажется, все.

— Мы бы хотели остаться подольше. Если это возможно. Не всей группой — военные уйдут. — Он посмотрел на Арха. — Здесь больше информации, чем мы успеем записать за одну ночь.

Арх молчал.

— Двое, — сказал он наконец. — Не больше. И под наблюдением.

Громов кивнул быстро, пока тот не передумал.

— Торговля, — добавил Борланд. — Арх, они могут принести вещи, которых у вас нет. Инструменты, материалы. Взамен — информация, знание мест, возможно вы найдёте в этом для себя выгоду. Вы же археологи этого мира — поделитесь с коллегами.

Арх смотрел в стол.

— Поговорим об этом отдельно, — сказал он. — Не сегодня.

Борланд уже по тону понял — не отказал. Думает.

Громов быстро распорядился: останется он и молодой учёный, а Марта вернётся с военными — отчитаться руководству и наладить в дальнейшем связь.

* * *

Ночь заканчивалась медленно.

Один за другим люди расходились — сначала молодые охотники, потом аборигены постарше, потом военные из группы Гайки, которые устали держать вежливые лица при постоянном ментальном фоне вокруг. Седой ушёл одним из первых — молча, без прощаний, просто встал и исчез.

Лаборант всё ещё что-то записывал при свете последнего фонаря. Марта тихо разговаривала с Викки, и разговор явно был далеко не первым за этот вечер.

Гайка и Винт сидели в стороне от всех. Говорили мало, больше молчали — тем молчанием, которое бывает у людей со старой историей, которые ещё не решили, сколько из неё рассказывать.

Борланд смотрел на всё это и думал, что сегодня произошло что-то важное. Не громко, не с фанфарами — просто два мира сели за один стол и поняли, что можно не только убивать, но и говорить.

* * *

Они ушли последними — Борланд и Викки.

В её доме пахло по-прежнему. Она сбросила обувь у порога, забралась на кровать и посмотрела на него с тем выражением, с которым смотрят перед долгим разговором.

— Расскажи мне про свой первый мир, — сказала она. — Где ты родился. Как выглядело племя.

Борланд лёг рядом, закинул руки за голову.

— Это долго.

— Я никуда не тороплюсь.

Он начал рассказывать — про лес, который всегда был живым, про аномалии, которые умели быть красивыми, про ритуальные шрамы и барабаны, и про небо, которое светилось голубым в час перед рассветом. Про то, как двенадцатилетний мальчик стоял над телами родителей и не плакал, потому что закон племени не оставлял на это времени.

Викки слушала, не перебивая. Иногда задавала вопросы — тихие, точные, в нужных местах.

Потом рассказывала сама — про библиотеку, про таблички, про то, как научилась читать знаки, которых никто не понимал, методом проб и ошибок и интуиции. Про ночи, когда снаружи выло что-то необъяснимое, а она сидела с табличкой и думала, что если понять язык тех, кто построил эти стены, то, может быть, станет чуть менее одиноко.

— Ты не была одинока, — сказал Борланд. — Ты просто разговаривала с теми, кого давно нет.

Она помолчала.

— Наверное, — сказала она. — Но они отвечали. По-своему.

Где-то далеко за полночь разговор сам собой начал редеть — не потому что кончились слова, а потому что накопилась усталость, и она была приятной, той, которая бывает после долгого дня, когда всё важное сделано.

Викки уснула раньше него. Просто замолчала посреди фразы и затихла.

Борланд лежал ещё какое-то время, смотрел в потолок.

В этом мире я не хочу оставаться надолго.

Мысль была честной. Но что-то в ней было неудобным — как заноза, которая сидит не больно, но ощущается.

Он закрыл глаза.

Глава 25. Рунический нож

Утро было прохладным. В деревню спустился туман — плотный, низкий, такой, что дальние дома едва угадывались силуэтами. Тихо.

Викки встала раньше него.

Когда Борланд открыл глаза, на столе уже стояли тарелки — фрукты, хлеб, горячий напиток, запах которого он ещё не научился называть, но уже успел полюбить. Она сидела у окна с книжкой на колене и что-то читала — или делала вид, что читает.

— Доброе утро, — сказал Борланд.

— Доброе. — Она подняла взгляд. — Ешь, пока горячее.

Планов у него не было. Точнее — было понимание, что у Винта с Гайкой есть что обсудить без посторонних. Тот период, когда их разбросали. Взрыв пузыря. Всё, что было до и после. Таким разговорам нужно время и пространство, и лезть туда сейчас было бы неправильно.

Борланд поел. Помог убрать со стола.

— Викки, — сказал он, — сядь. Хочу тебе кое-что показать.

Она села с тем выражением, с каким садятся перед чем-то интересным — уже ожидая.

Он достал нож.

* * *

Глаза у неё округлились.

Она смотрела на лезвие — молча, не двигаясь, с тем особым вниманием, которое бывает у людей, когда они узнают что-то, что давно искали, но не знали, как это выглядит.

Борланд протянул нож ей.

Она взяла — бережно, двумя руками. Повернула. Поднесла к свету. Провела пальцем вдоль кости рукояти, не касаясь лезвия. Достала свою книжку — листки кожи, исписанные мелко и плотно — и начала сверять что-то,водя взглядом между страницами и ножом.

Борланд ждал.

Наконец она оторвалась и посмотрела на него.

— Откуда у тебя это?

Он вкратце описал — библиотека, углубление в стене, ощущения от Резака.

Викки слушала — и не успел он договорить, как она уже протянула руку к его бедру и выхватила Резак из ножен.

— Эй...

— Тихо. — Она держала оба ножа рядом, смотрела то на один, то на другой. — Очень интересно.

Помолчала.

— Обработка твоего Резака — грубая. Как наши попытки скопировать руны. Видно, что мастер понимал принцип, но не технику. — Она аккуратно положила Резак на стол. — А вот это... — она подняла рунический нож, — совершенно другая работа. Другая рука. Другое понимание.

Борланд смотрел на неё.

— Назовём его просто — рунический нож. Его применяли для нанесения рун и... возможно для чего-то ещё. Скорее всего, именно им написана основная масса знаков в деревне. И на табличках тоже. — Она снова провела пальцем по кости. — Здесь на рукояти — руны. Я не всё понимаю ещё. Но основное — да. Они как бы усиливают намерения того, в чьих руках этот нож, таким образом передают силу намерений рунам.

— Ты можешь им работать?

Она посмотрела на него с тем выражением, которое у неё означало — наблюдай.

— Дай браслет.

* * *

Борланд снял браслет — тот, что она надела ему ночью, из тёмно-красных бусин. Положил на стол.

Викки взяла рунический нож. Кончик лезвия коснулся поверхности артефакта — и вошёл в структуру мягко, почти без усилия, как входит игла в плотную ткань.

Борланд не отрывал взгляда.

Она вела лезвие медленно, аккуратно, с той сосредоточенностью, которая бывает у людей, делающих что-то очень точное. Символы рун ложились один за другим — тонкие, почти невидимые сначала. Потом артефакт начал нагреваться. Потом выведенные линии вспыхнули — ярко, красным, глубоким, как жар углей.

Викки отдернула руку.

Посмотрела на пальцы. Потом встала, порылась где-то у стены и вернулась с перчаткой — толстой кожаной, местами тёмной от старых ожогов. Надела. Продолжила.

Борланд наблюдал молча. Работа была тихой и точной — без лишних движений, без спешки. Только лезвие, поверхность и линии, которые горели и не гасли.

Спустя полчаса она отложила нож и выдохнула.

— Вот. — Она протянула ему браслет. — Теперь это не просто артефакт. Это талисман. Он по-прежнему помогает восстанавливаться — но теперь в критический момент может отдать всю накопленную силу разом. Сможешь уйти от опасности или, наоборот, ударить так, что мало не покажется.

Борланд взял браслет. Тот был тёплым — не как нагретый металл, иначе. Изнутри.

— Минус один, — добавила Викки. — После активации не знаю, на что он ещё будет годен. Первый раз у меня получилось что-то подобное. Твой Резак и рунический нож — много разового использования, я так не могу. Хотя на Резаке рун то и нет, он сделан по-другому. Не знаю...

Она смотрела на браслет с тем выражением мастера, который сделал что-то новое и ещё не уверен, радоваться или осторожничать.

Борланд смотрел на неё.

— Спасибо. — Он надел браслет обратно. — Оставь пока нож себе. И расскажи мне подробнее — как наносить. Принцип.

Викки просияла.

* * *

До обеда они работали за столом.

Она объясняла — через книжку, через жесты, иногда через короткий контакт, когда слов не хватало. Борланд слушал и запоминал. Не всё укладывалось сразу — слишком много было деталей, слишком много нюансов, которые она выводила для себя годами и сейчас пыталась передать свои знания и догадки за несколько часов. Но основа оседала в памяти.

Руны не были просто знаками. Каждый символ — это намерение. Порядок имел значение. Глубина имела значение. Материал имел значение. Рунический нож работал потому, что сам был частью системы — был сделан из того же, из чего делали всё остальное те, кто придумал эти знаки.

Их прервал стук в дверь.

* * *

— Да, входите! — отозвалась Викки.

В дверях стоял Дима — лаборант, молодой, с неизменным блокнотом под мышкой. Выглядел немного смущённым — видимо, не был уверен, уместно ли заходить.

— Там Марта собирается уходить с военными. — Он переступил порог. — Она сделала копию всего, что успела изучить — перенесла на запасную электронную книгу. И хотела бы передать её вам.

Борланд посмотрел на Викки. Та уже вставала.

* * *

У ворот былолюдно.

Марта стояла с небольшим рюкзаком — собранная, готовая, с тем спокойствием человека, который сделал всё что мог и теперь уходит с чистой совестью. Рядом — четверо военных, снаряжение подтянуто, оружие на месте.

Гайка стояла чуть в стороне.

Марта увидела Борланда и Викки, шагнула навстречу.

— Рада, что успела. — Она достала небольшое устройство — плоское, в потёртом чехле. — Здесь всё, что я успела скопировать. Схемы, записи, фотографии рун в других точках. — Она протянула его Викки. — Думаю, вам это будет полезным. У меня есть копия.

Викки взяла устройство осторожно. Повертела. Посмотрела на экран — тёмный, непривычный.

— Как это... читать?

— Я покажу, — сказал Борланд.

Марта улыбнулась.

— Вы нашли что-то настоящее здесь. — Она говорила тихо, почти для себя. — Я надеюсь, что мы ещё вернёмся. И что к тому времени будет о чём поговорить.

Викки смотрела на неё. Потом, неожиданно, обняла — быстро, крепко, по-своему. Марта на секунду растерялась. Потом обняла в ответ.

Военные переглянулись. Промолчали.

* * *

Гайка стояла у стены и смотрела на ворота.

Один из её людей — тот, что спорил в лесу — подошёл к ней последним. Что-то сказал тихо. Она ответила — коротко, без лишнего. Он кивнул. Пожал руку. Ушёл к остальным.

Марта подошла к Гайке. Они постояли рядом молча — две женщины, которые, судя по всему, прошли вместе немало, даже если не говорили об этом вслух.

— Береги себя, — сказала Марта наконец.

— Всегда, — сказала Гайка.

Группа вышла. Ворота закрылись.

Гайка смотрела на закрытые ворота ещё секунду. Потом повернулась и пошла обратно в деревню — не торопясь, с тем спокойствием человека, который принял решение и не жалеет.

* * *

Викки шла рядом с Борландом обратно по улице — и уже на полпути начала думать вслух. Про рунический нож. Про то, что можно попробовать нанести руны на дерево, а не только на артефакты. Про цикличность в знаках. Про библиотеку, куда теперь нужно вернуться с новыми данными.

У развилки она остановилась.

— Иди, — сказала она. — Ты хочешь к Винту. Я вижу.

— Вижу, что вижу, — усмехнулся Борланд.

Она засмеялась, встала на цыпочки и чмокнула его в щёку — и уже через секунду шла в сторону библиотеки, прижимая к себе электронную книгу Марты и что-то бормоча под нос.

Борланд смотрел ей вслед.

Потом развернулся и пошёл к Винту.

Викки встала раньше него.

Когда Борланд открыл глаза, на столе уже стояли тарелки — фрукты, хлеб, горячий напиток, запах которого он ещё не научился называть, но уже успел полюбить. Она сидела у окна с книжкой на колене и что-то читала — или делала вид, что читает.

— Доброе утро, — сказал Борланд.

— Доброе. — Она подняла взгляд. — Ешь, пока горячее.

Планов у него не было. Точнее — было понимание, что у Винта с Гайкой есть что обсудить без посторонних. Тот период, когда их разбросали. Взрыв пузыря. Всё, что было до и после. Таким разговорам нужно время и пространство, и лезть туда сейчас было бы неправильно.

Борланд поел. Помог убрать со стола.

— Викки, — сказал он, — сядь. Хочу тебе кое-что показать.

Она села с тем выражением, с каким садятся перед чем-то интересным — уже ожидая.

Он достал нож.

* * *

Глаза у неё округлились.

Она смотрела на лезвие — молча, не двигаясь, с тем особым вниманием, которое бывает у людей, когда они узнают что-то, что давно искали, но не знали, как это выглядит.

Борланд протянул нож ей.

Она взяла — бережно, двумя руками. Повернула. Поднесла к свету. Провела пальцем вдоль кости рукояти, не касаясь лезвия. Достала свою книжку — листки кожи, исписанные мелко и плотно — и начала сверять что-то,водя взглядом между страницами и ножом.

Борланд ждал.

Наконец она оторвалась и посмотрела на него.

— Откуда у тебя это?

Он вкратце описал — библиотека, углубление в стене, ощущения от Резака.

Викки слушала — и не успел он договорить, как она уже протянула руку к его бедру и выхватила Резак из ножен.

— Эй...

— Тихо. — Она держала оба ножа рядом, смотрела то на один, то на другой. — Очень интересно.

Помолчала.

— Обработка твоего Резака — грубая. Как наши попытки скопировать руны. Видно, что мастер понимал принцип, но не технику. — Она аккуратно положила Резак на стол. — А вот это... — она подняла рунический нож, — совершенно другая работа. Другая рука. Другое понимание.

Борланд смотрел на неё.

— Назовём его просто — рунический нож. Его применяли для нанесения рун и... возможно для чего-то ещё. Скорее всего, именно им написана основная масса знаков в деревне. И на табличках тоже. — Она снова провела пальцем по кости. — Здесь на рукояти — руны. Я не всё понимаю ещё. Но основное — да. Они как бы усиливают намерения того, в чьих руках этот нож, таким образом передают силу намерений рунам.

— Ты можешь им работать?

Она посмотрела на него с тем выражением, которое у неё означало — наблюдай.

— Дай браслет.

* * *

Борланд снял браслет — тот, что она надела ему ночью, из тёмно-красных бусин. Положил на стол.

Викки взяла рунический нож. Кончик лезвия коснулся поверхности артефакта — и вошёл в структуру мягко, почти без усилия, как входит игла в плотную ткань.

Борланд не отрывал взгляда.

Она вела лезвие медленно, аккуратно, с той сосредоточенностью, которая бывает у людей, делающих что-то очень точное. Символы рун ложились один за другим — тонкие, почти невидимые сначала. Потом артефакт начал нагреваться. Потом выведенные линии вспыхнули — ярко, красным, глубоким, как жар углей.

Викки отдернула руку.

Посмотрела на пальцы. Потом встала, порылась где-то у стены и вернулась с перчаткой — толстой кожаной, местами тёмной от старых ожогов. Надела. Продолжила.

Борланд наблюдал молча. Работа была тихой и точной — без лишних движений, без спешки. Только лезвие, поверхность и линии, которые горели и не гасли.

Спустя полчаса она отложила нож и выдохнула.

— Вот. — Она протянула ему браслет. — Теперь это не просто артефакт. Это талисман. Он по-прежнему помогает восстанавливаться — но теперь в критический момент может отдать всю накопленную силу разом. Сможешь уйти от опасности или, наоборот, ударить так, что мало не покажется.

Борланд взял браслет. Тот был тёплым — не как нагретый металл, иначе. Изнутри.

— Минус один, — добавила Викки. — После активации не знаю, на что он ещё будет годен. Первый раз у меня получилось что-то подобное. Твой Резак и рунический нож — многоцветного использования, я так не могу. Хотя на Резаке рун то и нет, он сделан по-другому. Не знаю...

Она смотрела на браслет с тем выражением мастера, который сделал что-то новое и ещё не уверен, радоваться или осторожничать.

Борланд смотрел на неё.

— Спасибо. — Он надел браслет обратно. — Оставь пока нож себе. И расскажи мне подробнее — как наносить. Принцип.

Викки просияла.

* * *

До обеда они работали за столом.

Она объясняла — через книжку, через жесты, иногда через короткий контакт, когда слов не хватало. Борланд слушал и запоминал. Не всё укладывалось сразу — слишком много было деталей, слишком много нюансов, которые она выводила для себя годами и сейчас пыталась передать свои знания и догадки за несколько часов. Но основа оседала в памяти.

Руны не были просто знаками. Каждый символ — это намерение. Порядок имел значение. Глубина имела значение. Материал имел значение. Рунический нож работал потому, что сам был частью системы — был сделан из того же, из чего делали всё остальное те, кто придумал эти знаки.

Их прервал стук в дверь.

* * *

— Да, входите! — отозвалась Викки.

В дверях стоял Дима — лаборант, молодой, с неизменным блокнотом под мышкой. Выглядел немного смущённым — видимо, не был уверен, уместно ли заходить.

— Там Марта собирается уходить с военными. — Он переступил порог. — Она сделала копию всего, что успела изучить — перенесла на запасную электронную книгу. И хотела бы передать её вам.

Борланд посмотрел на Викки. Та уже вставала.

* * *

У ворот былолюдно.

Марта стояла с небольшим рюкзаком — собранная, готовая, с тем спокойствием человека, который сделал всё что мог и теперь уходит с чистой совестью. Рядом — четверо военных, снаряжение подтянуто, оружие на месте.

Гайка стояла чуть в стороне.

Марта увидела Борланда и Викки, шагнула навстречу.

— Рада, что успела. — Она достала небольшое устройство — плоское, в потёртом чехле. — Здесь всё, что я успела скопировать. Схемы, записи, фотографии рун в других точках. — Она протянула его Викки. — Думаю, вам это будет полезным. У меня есть копия.

Викки взяла устройство осторожно. Повертела. Посмотрела на экран — тёмный, непривычный.

— Как это... читать?

— Я покажу, — сказал Борланд.

Марта улыбнулась.

— Вы нашли что-то настоящее здесь. — Она говорила тихо, почти для себя. — Я надеюсь, что мы ещё вернёмся. И что к тому времени будет о чём поговорить.

Викки смотрела на неё. Потом, неожиданно, обняла — быстро, крепко, по-своему. Марта на секунду растерялась. Потом обняла в ответ.

Военные переглянулись. Промолчали.

* * *

Гайка стояла у стены и смотрела на ворота.

Один из её людей — тот, что спорил в лесу — подошёл к ней последним. Что-то сказал тихо. Она ответила — коротко, без лишнего. Он кивнул. Пожал руку. Ушёл к остальным.

Марта подошла к Гайке. Они постояли рядом молча — две женщины, которые, судя по всему, прошли вместе немало, даже если не говорили об этом вслух.

— Береги себя, — сказала Марта наконец.

— Всегда, — сказала Гайка.

Группа вышла. Ворота закрылись.

Гайка смотрела на закрытые ворота ещё секунду. Потом повернулась и пошла обратно в деревню — не торопясь, с тем спокойствием человека, который принял решение и не жалеет.

* * *

Викки шла рядом с Борландом обратно по улице — и уже на полпути начала думать вслух. Про рунический нож. Про то, что можно попробовать нанести руны на дерево, а не только на артефакты. Про цикличность в знаках. Про библиотеку, куда теперь нужно вернуться с новыми данными.

У развилки она остановилась.

— Иди, — сказала она. — Ты хочешь к Винту. Я вижу.

— Вижу, что вижу, — усмехнулся Борланд.

Она засмеялась, встала на цыпочки и чмокнула его в щёку — и уже через секунду шла в сторону библиотеки, прижимая к себе электронную книгу Марты и что-то бормоча под нос.

Борланд смотрел ей вслед.

Потом развернулся и пошёл к Винту.

Викки встала раньше него.

Когда Борланд открыл глаза, на столе уже стояли тарелки — фрукты, хлеб, горячий напиток, запах которого он ещё не научился называть, но уже успел полюбить. Она сидела у окна с книжкой на колене и что-то читала — или делала вид, что читает.

— Доброе утро, — сказал Борланд.

— Доброе. — Она подняла взгляд. — Ешь, пока горячее.

Планов у него не было. Точнее — было понимание, что у Винта с Гайкой есть что обсудить без посторонних. Тот период, когда их разбросали. Взрыв пузыря. Всё, что было до и

после. Таким разговорам нужно время и пространство, и лезть туда сейчас было бы неправильно.

Борланд поел. Помог убрать со стола.

— Викки, — сказал он, — сядь. Хочу тебе кое-что показать.

Она села с тем выражением, с каким садятся перед чем-то интересным — уже ожидая.

Он достал нож.

* * *

Глаза у неё округлились.

Она смотрела на лезвие — молча, не двигаясь, с тем особым вниманием, которое бывает у людей, когда они узнают что-то, что давно искали, но не знали, как это выглядит.

Борланд протянул нож ей.

Она взяла — бережно, двумя руками. Повернула. Поднесла к свету. Провела пальцем вдоль кости рукояти, не касаясь лезвия. Достала свою книжку — листки кожи, исписанные мелко и плотно — и начала сверять что-то,водя взглядом между страницами и ножом.

Борланд ждал.

Наконец она оторвалась и посмотрела на него.

— Откуда у тебя это?

Он вкратце описал — библиотека, углубление в стене, ощущения от Резака.

Викки слушала — и не успел он договорить, как она уже протянула руку к его бедру и выхватила Резак из ножен.

— Эй...

— Тихо. — Она держала оба ножа рядом, смотрела то на один, то на другой. — Очень интересно.

Помолчала.

— Обработка твоего Резака — грубая. Как наши попытки скопировать руны. Видно, что мастер понимал принцип, но не технику. — Она аккуратно положила Резак на стол. — А вот это... — она подняла рунический нож, — совершенно другая работа. Другая рука. Другое понимание.

Борланд смотрел на неё.

— Назовём его просто — рунический нож. Его применяли для нанесения рун и... возможно для чего-то ещё. Скорее всего, именно им написана основная масса знаков в деревне. И на табличках тоже. — Она снова провела пальцем по кости. — Здесь на рукояти — руны. Я не всё понимаю ещё. Но основное — да. Они как бы усиливают намерения того, в чьих руках этот нож, таким образом передают силу намерений рунам.

— Ты можешь им работать?

Она посмотрела на него с тем выражением, которое у неё означало — наблюдай.

— Дай браслет.

* * *

Борланд снял браслет — тот, что она надела ему ночью, из тёмно-красных бусин. Положил на стол.

Викки взяла рунический нож. Кончик лезвия коснулся поверхности артефакта — и вошёл в структуру мягко, почти без усилия, как входит игла в плотную ткань.

Борланд не отрывал взгляда.

Она вела лезвие медленно, аккуратно, с той сосредоточенностью, которая бывает у людей, делающих что-то очень точное. Символы рун ложились один за другим — тонкие, почти невидимые сначала. Потом артефакт начал нагреваться. Потом выведенные линии вспыхнули — ярко, красным, глубоким, как жар углей.

Викки отдернула руку.

Посмотрела на пальцы. Потом встала, порылась где-то у стены и вернулась с перчаткой — толстой кожаной, местами тёмной от старых ожогов. Надела. Продолжила.

Борланд наблюдал молча. Работа была тихой и точной — без лишних движений, без спешки. Только лезвие, поверхность и линии, которые горели и не гасли.

Спустя полчаса она отложила нож и выдохнула.

— Вот. — Она протянула ему браслет. — Теперь это не просто артефакт. Это талисман. Он по-прежнему помогает восстанавливаться — но теперь в критический момент может отдать всю накопленную силу разом. Сможешь уйти от опасности или, наоборот, ударить так, что мало не покажется.

Борланд взял браслет. Тот был тёплым — не как нагретый металл, иначе. Изнутри.

— Минус один, — добавила Викки. — После активации не знаю, на что он ещё будет годен. Первый раз у меня получилось что-то подобное. Твой Резак и рунический нож — много разового использования, я так не могу. Хотя на Резаке рун то и нет, он сделан по-другому. Не знаю...

Она смотрела на браслет с тем выражением мастера, который сделал что-то новое и ещё не уверен, радоваться или осторожничать.

Борланд смотрел на неё.

— Спасибо. — Он надел браслет обратно. — Оставь пока нож себе. И расскажи мне подробнее — как наносить. Принцип.

Викки просияла.

* * *

До обеда они работали за столом.

Она объясняла — через книжку, через жесты, иногда через короткий контакт, когда слов не хватало. Борланд слушал и запоминал. Не всё укладывалось сразу — слишком много было деталей, слишком много нюансов, которые она выводила для себя годами и сейчас пыталась передать свои знания и догадки за несколько часов. Но основа оседала в памяти.

Руны не были просто знаками. Каждый символ — это намерение. Порядок имел значение. Глубина имела значение. Материал имел значение. Рунический нож работал потому, что сам был частью системы — был сделан из того же, из чего делали всё остальное те, кто придумал эти знаки.

Их прервал стук в дверь.

* * *

— Да, входите! — отозвалась Викки.

В дверях стоял Дима — лаборант, молодой, с неизменным блокнотом под мышкой. Выглядел немного смущённым — видимо, не был уверен, уместно ли заходить.

— Там Марта собирается уходить с военными. — Он переступил порог. — Она сделала копию всего, что успела изучить — перенесла на запасную электронную книгу. И хотела бы передать её вам.

Борланд посмотрел на Викки. Та уже вставала.

* * *

У ворот былолюдно.

Марта стояла с небольшим рюкзаком — собранная, готовая, с тем спокойствием человека, который сделал всё что мог и теперь уходит с чистой совестью. Рядом — четверо военных, снаряжение подтянуто, оружие на месте.

Гайка стояла чуть в стороне.

Марта увидела Борланда и Викки, шагнула навстречу.

— Рада, что успела. — Она достала небольшое устройство — плоское, в потёртом чехле. — Здесь всё, что я успела скопировать. Схемы, записи, фотографии рун в других точках. — Она протянула его Викки. — Думаю, вам это будет полезным. У меня есть копия.

Викки взяла устройство осторожно. Повертела. Посмотрела на экран — тёмный, непривычный.

— Как это... читать?

— Я покажу, — сказал Борланд.

Марта улыбнулась.

— Вы нашли что-то настоящее здесь. — Она говорила тихо, почти для себя. — Я надеюсь, что мы ещё вернёмся. И что к тому времени будет о чём поговорить.

Викки смотрела на неё. Потом, неожиданно, обняла — быстро, крепко, по-своему. Марта на секунду растерялась. Потом обняла в ответ.

Военные переглянулись. Промолчали.

* * *

Гайка стояла у стены и смотрела на ворота.

Один из её людей — тот, что спорил в лесу — подошёл к ней последним. Что-то сказал тихо. Она ответила — коротко, без лишнего. Он кивнул. Пожал руку. Ушёл к остальным.

Марта подошла к Гайке. Они постояли рядом молча — две женщины, которые, судя по всему, прошли вместе немало, даже если не говорили об этом вслух.

— Береги себя, — сказала Марта наконец.

— Всегда, — сказала Гайка.

Группа вышла. Ворота закрылись.

Гайка смотрела на закрытые ворота ещё секунду. Потом повернулась и пошла обратно в деревню — не торопясь, с тем спокойствием человека, который принял решение и не жалеет.

* * *

Викки шла рядом с Борландом обратно по улице — и уже на полпути начала думать вслух. Про рунический нож. Про то, что можно попробовать нанести руны на дерево, а не только на артефакты. Про цикличность в знаках. Про библиотеку, куда теперь нужно вернуться с новыми данными.

У развилки она остановилась.

— Иди, — сказала она. — Ты хочешь к Винту. Я вижу.

— Вижу, что вижу, — усмехнулся Борланд.

Она засмеялась, встала на цыпочки и чмокнула его в щёку — и уже через секунду шла в сторону библиотеки, прижимая к себе электронную книгу Марты и что-то бормоча под нос.

Борланд смотрел ей вслед.

Глава 26. Разговор

Борланд свернул в переулок — и у гостевого дома столкнулся с Гайкой нос к носу.

Она шла с другой стороны. Они остановились одновременно.

— Ты к Винту? — спросила Гайка.

— Да.

— Не буду мешать.

— Вообще-то ты тоже нужна. — Борланд чуть качнул головой. — Это касается дальнейшего плана. Раз ты решила остаться — значит путь дальше будет совместным. Я же прав?

Пауза.

— Хорошо.

Коротко, по существу, без лишнего — точно так же, как говорил Винт. Борланд подумал, что это, наверное, не случайность. Люди, которые долго работают вместе, начинают говорить похоже.

* * *

Тогда в лесу и вчера вечером, при фонарях, он видел главное: жилистая, собранная, быстрая. Сегодня, при дневном свете, открылись детали.

Невысокая — почти на голову ниже Винта, что при его росте означало просто невысокую. Но это обманывало: она занимала пространство иначе, чем люди её комплекции. Не ширину — объём. Как занимают его те, у кого каждое движение выверено и ни одно не случайно.

Лицо — узкое, с резкими скулами, с той чёткостью черт, которая бывает у людей, много времени проводящих на улице. Короткие тёмные волосы убраны назад и схвачены чем-то простым — не для красоты, для удобства. Несколько старых шрамов: один через бровь, тонкий, почти незаметный, другой на запястье — широкий, давний, уже белёсый. Не скрывала. Просто не думала об этом.

Разгрузка была подогнана идеально — не как у военного по уставу, а как у человека, который сам решил, что куда класть, и давно перестал об этом думать. Инструменты на поясе — не только оружие: что-то похожее на набор для полевого ремонта, несколько небольших контейнеров, моток тонкого троса. Техник. Настоящий.

Взгляд — спокойный, оценивающий, без агрессии. Такой взгляд бывает у людей, которые давно перестали бояться большинства вещей и просто фиксируют пространство, как прибор.

* * *

Гайка вошла первой.

Винт сидел за столом с кружкой и, судя по виду, уже ждал. Посмотрел на обоих — без удивления.

— Винт, нужно обсудить дальнейшие планы.

— Согласен.

— Думаю, в первую очередь — разобраться с тем, что знает о зоне Гайка. Возможно, из её данных мы вычислим новую точку разрыва. — Борланд сел. — И во вторых — разобраться с тем, что скрывается в ночи. Не хочу полагаться на удачу и слепо рассчитывать на оазисы.

— Согласен, — сказал Винт.

Гайка кивнула и полезла в рюкзак. Достала карту — большую, сложенную в несколько раз, потёртую на сгибах. Развернула на столе.

— Большую часть я составляла сама. Есть слепые места, но то, что нанесено — информация точная.

* * *

Карта была хорошей.

Не красивой — рабочей. Без лишних деталей, зато с условными обозначениями, которые явно сложились из практики: крестики разных размеров, стрелки, цифры в кружках, короткие пометки на полях.

— Вот здесь, — Гайка провела пальцем по западному краю, — первый оазис, где мы ночевали. Небольшой, руны частично стёрты, но защита держится. Аномальная активность вокруг — средняя, в основном статика и несколько жарок у северного входа. Стабильные, давно стоят.

— Откуда знаешь, что давно? — спросил Борланд.

— Края оплавленные, равномерно. Молодая жарка выглядит иначе — края острые, неровные. — Она сказала это без интонации, как говорят о чём-то само собой разумеющемся. — Я делала замеры несколько раз с интервалом, сравнивала. Аномалии здесь растут медленнее, чем там, откуда я пришла. Другой состав среды, наверное.

Борланд отметил это. Полезная деталь.

— Второй оазис — вот. — Её палец переместился. — Крупнее первого, там иногда ночуют животные этого мира. Они нас не трогают, видимо есть негласное правило не нападать внутри оазиса.

Она провела пальцем дальше — к третьей отметке, ближе к деревне.

— Третий — разрушенный. Руны частично уничтожены, защита нестабильная. Мы рискнули. Ночь прошла нормально, но под утро что-то приходило к периметру. Звук — не животный. — Она помолчала. — Я не смогла определить источник. Обошло периметр несколько раз и ушло.

— То самое, — сказал Борланд тихо.

— Похоже.

* * *

Борланд изучал маршрут — то, как они шли, где останавливались, какие аномалии обходили. Выверено. Профессионально. Без лишнего риска.

— Здесь что? — Он указал на восточный угол карты — там, где обозначения заканчивались и начиналась чистая бумага.

Гайка чуть помолчала.

— Не знаю. Туда почти никто не заходил. — Она сложила руки на столе. — Есть один человек. Видела его дважды, он почти не вылезает из зоны. Зовут Лео. Бегаёт с длинной катаной, один, без группы. С его слов я накидала примерную картину — но это его ощущения, не замеры.

— Напоминает нашего Лешего, — сказал Винт. Уголок рта чуть дрогнул. — Этот тоже ползает хрен знает где вечно и нож при себе держит.

Борланд посмотрел на него. Потом усмехнулся.

Он заметил это — то, что Винт стал другим здесь. Не сильно, не показно. Просто человеческая часть всплывала чаще. Шутил. Улыбался. Как будто в команде, которой можно доверять, инстинкты убийцы уходили на второй план — и появлялось место для чего-то ещё.

— Хорошо, — сказал Борланд. — Лео нам не найти. Значит — идём сами. Вглубь зоны. Концентрация аномалий там выше — и разрывы, скорее всего, тоже будут именно там.

— Риски? — спросила Гайка.

— Высокие. — Борланд не стал смягчать. — Ночь без оазиса — это уже серьёзно. Плюс то, что ходит в темноте. Плюс аномалии, которые мы не знаем.

— Значит, нужно понять, что ходит в темноте, — сказала Гайка. Не вопрос — констатация.

— Именно. — Борланд посмотрел на карту. — И ещё одно. Арх говорил, что их народ раньше кочевал. Они знали больше мест, больше маршрутов. Может, у них есть данные, которых нет на твоей карте.

— Попробуй поговорить с ним, — сказал Винт.

— Попробую.

* * *

Они просидели над картой около двух часов.

Гайка показывала маршруты — не только свои, но и чужие, услышанные, собранные по крупицам. Где аномалии стоят годами и не двигаются — там она ставила открытые кружки. Где видела смещения — крестики. Где был непонятный фон, который приборы не брали, но тело чувствовало — короткие чёрточки на полях.

Борланд смотрел на эти пометки и думал, что у неё в голове — живая карта зоны, которую она собирала не из отчётов, а из собственного тела. Тошнота в одних местах, давление в других, то самое необъяснимое ощущение «здесь не так». Метод был ненаучным и при этом точным.

— Вот здесь, — она ткнула в место примерно в дне пути от деревни, — я останавливалась три раза. Каждый раз — одно и то же. Воздух плотнее. Звуки приглушаются. Птицы нет.

— Постоянный эффект? — спросил Борланд.

— Все три раза. В разные периоды.

— Это интересно.

— Тоже так подумала. Но одна туда не пошла.

Правильное решение. Борланд отметил это на карте — своим значком, маленьким резачком, который они с Химиком когда-то придумали для мест с пространственными аномалиями.

Гайка посмотрела на значок. Потом на него.

— Твой нож. Он режет пространство?

— Да.

— Полезно, — сказала она просто.

К концу второго часа карта была покрыта новыми пометками — их общая работа, три разных взгляда на одно пространство. Борланд смотрел на неё и думал, что это уже не просто карта Гайки. Это их карта.

— Нужен Арх, — сказал он. — И нужно время. Подготовиться правильно.

— Сколько времени? — спросила Гайка.

— Пара дней. Может, три.

Она кивнула. Винт кивнул.

— Тогда пока занимаемся тем, что есть, — сказал Борланд. — Гайка — изучай деревню и аборигенов, пока есть возможность. Винт — ты с ней или сам?

— Посмотрю, — сказал Винт.

Что означало — с ней, но не скажу об этом вслух.

Борланд свернул карту. Встал.

— Карту я возьму с собой к Арху.

Она шла с другой стороны. Они остановились одновременно.

— Ты к Винту? — спросила Гайка.

— Да.

— Не буду мешать.

— Вообще-то ты тоже нужна. — Борланд чуть качнул головой. — Это касается дальнейшего плана. Раз ты решила остаться — значит путь дальше будет совместным. Я же прав?

Пауза.

— Хорошо.

Коротко, по существу, без лишнего — точно так же, как говорил Винт. Борланд подумал, что это, наверное, не случайность. Люди, которые долго работают вместе, начинают говорить похоже.

* * *

Тогда в лесу и вчера вечером, при фонарях, он видел главное: жилистая, собранная, быстрая. Сегодня, при дневном свете, открылись детали.

Невысокая — почти на голову ниже Винта, что при его росте означало просто невысокую. Но это обманывало: она занимала пространство иначе, чем люди её комплекции. Не ширину — объём. Как занимают его те, у кого каждое движение выверено и ни одно не случайно.

Лицо — узкое, с резкими скулами, с той чёткостью черт, которая бывает у людей, много времени проводящих на улице. Короткие тёмные волосы убраны назад и схвачены чем-то простым — не для красоты, для удобства. Несколько старых шрамов: один через бровь, тонкий, почти незаметный, другой на запястье — широкий, давний, уже белёсый. Не скрывала. Просто не думала об этом.

Разгрузка была подогнана идеально — не как у военного по уставу, а как у человека, который сам решил, что куда класть, и давно перестал об этом думать. Инструменты на поясе — не только оружие: что-то похожее на набор для полевого ремонта, несколько небольших контейнеров, моток тонкого троса. Техник. Настоящий.

Взгляд — спокойный, оценивающий, без агрессии. Такой взгляд бывает у людей, которые давно перестали бояться большинства вещей и просто фиксируют пространство, как прибор.

* * *

Гайка вошла первой.

Винт сидел за столом с кружкой и, судя по виду, уже ждал. Посмотрел на обоих — без удивления.

— Винт, нужно обсудить дальнейшие планы.

— Согласен.

— Думаю, в первую очередь — разобраться с тем, что знает о зоне Гайка. Возможно, из её данных мы вычислим новую точку разрыва. — Борланд сел. — И во вторых — разобраться с тем, что скрывается в ночи. Не хочу полагаться на удачу и слепо рассчитывать на оазисы.

— Согласен, — сказал Винт.

Гайка кивнула и полезла в рюкзак. Достала карту — большую, сложенную в несколько раз, потёртую на сгибах. Развернула на столе.

— Большую часть я составляла сама. Есть слепые места, но то, что нанесено — информация точная.

* * *

Карта была хорошей.

Не красивой — рабочей. Без лишних деталей, зато с условными обозначениями, которые явно сложились из практики: крестики разных размеров, стрелки, цифры в кружках, короткие пометки на полях.

— Вот здесь, — Гайка провела пальцем по западному краю, — первый оазис, где мы ночевали. Небольшой, руны частично стёрты, но защита держится. Аномальная активность вокруг — средняя, в основном статика и несколько жарок у северного входа. Стабильные, давно стоят.

— Откуда знаешь, что давно? — спросил Борланд.

— Края оплавленные, равномерно. Молодая жарка выглядит иначе — края острые, неровные. — Она сказала это без интонации, как говорят о чём-то само собой разумеющемся. — Я делала замеры несколько раз с интервалом, сравнивала. Аномалии здесь растут медленнее, чем там, откуда я пришла. Другой состав среды, наверно.

Борланд отметил это. Полезная деталь.

— Второй оазис — вот. — Её палец переместился. — Крупнее первого, там иногда ночуют животные этого мира. Они нас не трогают, видимо есть негласное правило не нападать внутри оазиса.

Она провела пальцем дальше — к третьей отметке, ближе к деревне.

— Третий — разрушенный. Руны частично уничтожены, защита нестабильная. Мы рискнули. Ночь прошла нормально, но под утро что-то приходило к периметру. Звук — не животный. — Она помолчала. — Я не смогла определить источник. Обошло периметр несколько раз и ушло.

— То самое, — сказал Борланд тихо.

— Похоже.

* * *

Борланд изучал маршрут — то, как они шли, где останавливались, какие аномалии обходили. Выверено. Профессионально. Без лишнего риска.

— Здесь что? — Он указал на восточный угол карты — там, где обозначения заканчивались и начиналась чистая бумага.

Гайка чуть помолчала.

— Не знаю. Туда почти никто не заходил. — Она сложила руки на столе. — Есть один человек. Видела его дважды, он почти не вылезает из зоны. Зовут Лео. Бегаёт с длинной катаной, один, без группы. С его слов я накидала примерную картину — но это его ощущения, не замеры.

— Напоминает нашего Лешего, — сказал Винт. Уголок рта чуть дрогнул. — Этот тоже ползает хрен знает где вечно и нож при себе держит.

Борланд посмотрел на него. Потом усмехнулся.

Он заметил это — то, что Винт стал другим здесь. Не сильно, не показно. Просто человеческая часть всплывала чаще. Шутил. Улыбался. Как будто в команде, которой можно доверять, инстинкты убийцы уходили на второй план — и появлялось место для чего-то ещё.

— Хорошо, — сказал Борланд. — Лео нам не найти. Значит — идём сами. Вглубь зоны. Концентрация аномалий там выше — и разрывы, скорее всего, тоже будут именно там.

— Риски? — спросила Гайка.

— Высокие. — Борланд не стал смягчать. — Ночь без оазиса — это уже серьёзно. Плюс то, что ходит в темноте. Плюс аномалии, которые мы не знаем.

— Значит, нужно понять, что ходит в темноте, — сказала Гайка. Не вопрос — констатация.

— Именно. — Борланд посмотрел на карту. — И ещё одно. Арх говорил, что их народ раньше кочевал. Они знали больше мест, больше маршрутов. Может, у них есть данные, которых нет на твоей карте.

— Попробуй поговорить с ним, — сказал Винт.

— Попробую.

* * *

Они просидели над картой около двух часов.

Гайка показывала маршруты — не только свои, но и чужие, услышанные, собранные по крупицам. Где аномалии стоят годами и не двигаются — там она ставила открытые кружки. Где видела смещения — крестики. Где был непонятный фон, который приборы не брали, но тело чувствовало — короткие чёрточки на полях.

Борланд смотрел на эти пометки и думал, что у неё в голове — живая карта зоны, которую она собирала не из отчётов, а из собственного тела. Тошнота в одних местах, давление в других, то самое необъяснимое ощущение «здесь не так». Метод был ненаучным и при этом точным.

— Вот здесь, — она ткнула в место примерно в дне пути от деревни, — я останавливалась три раза. Каждый раз — одно и то же. Воздух плотнее. Звуки приглушаются. Птицы нет.

— Постоянный эффект? — спросил Борланд.

— Все три раза. В разные периоды.

— Это интересно.

— Тоже так подумала. Но одна туда не пошла.

Правильное решение. Борланд отметил это на карте — своим значком, маленьким резак-ком, который они с Химиком когда-то придумали для мест с пространственными аномалиями.

Гайка посмотрела на значок. Потом на него.

— Твой нож. Он режет пространство?

— Да.

— Полезно, — сказала она просто.

К концу второго часа карта была покрыта новыми пометками — их общая работа, три разных взгляда на одно пространство. Борланд смотрел на неё и думал, что это уже не просто карта Гайки. Это их карта.

— Нужен Арх, — сказал он. — И нужно время. Подготовиться правильно.

— Сколько времени? — спросила Гайка.

— Пара дней. Может, три.

Она кивнула. Винт кивнул.

— Тогда пока занимаемся тем, что есть, — сказал Борланд. — Гайка — изучай деревню и аборигенов, пока есть возможность. Винт — ты с ней или сам?

— Посмотрю, — сказал Винт.

Что означало — с ней, но не скажу об этом вслух.

Борланд свернул карту. Встал.

— Карту я возьму с собой к Арху.

Она шла с другой стороны. Они остановились одновременно.

— Ты к Винту? — спросила Гайка.

— Да.

— Не буду мешать.

— Вообще-то ты тоже нужна. — Борланд чуть качнул головой. — Это касается дальнейшего плана. Раз ты решила остаться — значит путь дальше будет совместным. Я же прав?

Пауза.

— Хорошо.

Коротко, по существу, без лишнего — точно так же, как говорил Винт. Борланд подумал, что это, наверное, не случайность. Люди, которые долго работают вместе, начинают говорить похоже.

* * *

Тогда в лесу и вчера вечером, при фонарях, он видел главное: жилистая, собранная, быстрая. Сегодня, при дневном свете, открылись детали.

Невысокая — почти на голову ниже Винта, что при его росте означало просто невысокую. Но это обманывало: она занимала пространство иначе, чем люди её комплекции. Не ширину — объём. Как занимают его те, у кого каждое движение выверено и ни одно не случайно.

Лицо — узкое, с резкими скулами, с той чёткостью черт, которая бывает у людей, много времени проводящих на улице. Короткие тёмные волосы убраны назад и схвачены чем-то простым — не для красоты, для удобства. Несколько старых шрамов: один через бровь, тонкий, почти незаметный, другой на запястье — широкий, давний, уже белёсый. Не скрывала. Просто не думала об этом.

Разгрузка была подогнана идеально — не как у военного по уставу, а как у человека, который сам решил, что куда класть, и давно перестал об этом думать. Инструменты на поясе — не только оружие: что-то похожее на набор для полевого ремонта, несколько небольших контейнеров, моток тонкого троса. Техник. Настоящий.

Взгляд — спокойный, оценивающий, без агрессии. Такой взгляд бывает у людей, которые давно перестали бояться большинства вещей и просто фиксируют пространство, как прибор.

* * *

Гайка вошла первой.

Винт сидел за столом с кружкой и, судя по виду, уже ждал. Посмотрел на обоих — без удивления.

— Винт, нужно обсудить дальнейшие планы.

— Согласен.

— Думаю, в первую очередь — разобраться с тем, что знает о зоне Гайка. Возможно, из её данных мы вычислим новую точку разрыва. — Борланд сел. — И во вторых — разобраться с тем, что скрывается в ночи. Не хочу полагаться на удачу и слепо рассчитывать на оазисы.

— Согласен, — сказал Винт.

Гайка кивнула и полезла в рюкзак. Достала карту — большую, сложенную в несколько раз, потёртую на сгибах. Развернула на столе.

— Большую часть я составляла сама. Есть слепые места, но то, что нанесено — информация точная.

* * *

Карта была хорошей.

Не красивой — рабочей. Без лишних деталей, зато с условными обозначениями, которые явно сложились из практики: крестики разных размеров, стрелки, цифры в кружках, короткие пометки на полях.

— Вот здесь, — Гайка провела пальцем по западному краю, — первый оазис, где мы ночевали. Небольшой, руны частично стёрты, но защита держится. Аномальная активность вокруг — средняя, в основном статика и несколько жарок у северного входа. Стабильные, давно стоят.

— Откуда знаешь, что давно? — спросил Борланд.

— Края оплавленные, равномерно. Молодая жарка выглядит иначе — края острые, неровные. — Она сказала это без интонации, как говорят о чём-то само собой разумеющемся. — Я делала замеры несколько раз с интервалом, сравнивала. Аномалии здесь растут медленнее, чем там, откуда я пришла. Другой состав среды, наверное.

Борланд отметил это. Полезная деталь.

— Второй оазис — вот. — Её палец переместился. — Крупнее первого, там иногда ночуют животные этого мира. Они нас не трогают, видимо есть негласное правило не нападать внутри оазиса.

Она провела пальцем дальше — к третьей отметке, ближе к деревне.

— Третий — разрушенный. Руны частично уничтожены, защита нестабильная. Мы рискнули. Ночь прошла нормально, но под утро что-то приходило к периметру. Звук — не животный. — Она помолчала. — Я не смогла определить источник. Обошло периметр несколько раз и ушло.

— То самое, — сказал Борланд тихо.

— Похоже.

* * *

Борланд изучал маршрут — то, как они шли, где останавливались, какие аномалии обходили. Выверено. Профессионально. Без лишнего риска.

— Здесь что? — Он указал на восточный угол карты — там, где обозначения заканчивались и начиналась чистая бумага.

Гайка чуть помолчала.

— Не знаю. Туда почти никто не заходил. — Она сложила руки на столе. — Есть один человек. Видела его дважды, он почти не вылезает из зоны. Зовут Лео. Бегаёт с длинной катаной, один, без группы. С его слов я накидала примерную картину — но это его ощущения, не замеры.

— Напоминает нашего Лешего, — сказал Винт. Уголок рта чуть дрогнул. — Этот тоже ползает хрен знает где вечно и нож при себе держит.

Борланд посмотрел на него. Потом усмехнулся.

Он заметил это — то, что Винт стал другим здесь. Не сильно, не показно. Просто человеческая часть всплывала чаще. Шутил. Улыбался. Как будто в команде, которой можно доверять, инстинкты убийцы уходили на второй план — и появлялось место для чего-то ещё.

— Хорошо, — сказал Борланд. — Лео нам не найти. Значит — идём сами. Вглубь зоны. Концентрация аномалий там выше — и разрывы, скорее всего, тоже будут именно там.

— Риски? — спросила Гайка.

— Высокие. — Борланд не стал смягчать. — Ночь без оазиса — это уже серьёзно. Плюс то, что ходит в темноте. Плюс аномалии, которые мы не знаем.

— Значит, нужно понять, что ходит в темноте, — сказала Гайка. Не вопрос — констатация.

— Именно. — Борланд посмотрел на карту. — И ещё одно. Арх говорил, что их народ раньше кочевал. Они знали больше мест, больше маршрутов. Может, у них есть данные, которых нет на твоей карте.

— Попробуй поговорить с ним, — сказал Винт.

— Попробую.

* * *

Они просидели над картой около двух часов.

Гайка показывала маршруты — не только свои, но и чужие, услышанные, собранные по крупицам. Где аномалии стоят годами и не двигаются — там она ставила открытые кружки. Где видела смещения — крестики. Где был непонятный фон, который приборы не брали, но тело чувствовало — короткие чёрточки на полях.

Борланд смотрел на эти пометки и думал, что у неё в голове — живая карта зоны, которую она собирала не из отчётов, а из собственного тела. Тошнота в одних местах, давление в других, то самое необъяснимое ощущение «здесь не так». Метод был ненаучным и при этом точным.

— Вот здесь, — она ткнула в место примерно в дне пути от деревни, — я останавливалась три раза. Каждый раз — одно и то же. Воздух плотнее. Звуки приглушаются. Птицы нет.

— Постоянный эффект? — спросил Борланд.

— Все три раза. В разные периоды.

— Это интересно.

— Тоже так подумала. Но одна туда не пошла.

Правильное решение. Борланд отметил это на карте — своим значком, маленьким резком, который они с Химиком когда-то придумали для мест с пространственными аномалиями.

Гайка посмотрела на значок. Потом на него.

— Твой нож. Он режет пространство?

— Да.

— Полезно, — сказала она просто.

К концу второго часа карта была покрыта новыми пометками — их общая работа, три разных взгляда на одно пространство. Борланд смотрел на неё и думал, что это уже не просто карта Гайки. Это их карта.

— Нужен Арх, — сказал он. — И нужно время. Подготовиться правильно.

— Сколько времени? — спросила Гайка.

— Пара дней. Может, три.

Она кивнула. Винт кивнул.

— Тогда пока занимаемся тем, что есть, — сказал Борланд. — Гайка — изучай деревню и аборигенов, пока есть возможность. Винт — ты с ней или сам?

— Посмотрю, — сказал Винт.

Что означало — с ней, но не скажу об этом вслух.

Борланд свернул карту. Встал.

— Карту я возьму с собой к Арху.

Она шла с другой стороны. Они остановились одновременно.

— Ты к Винту? — спросила Гайка.

— Да.

— Не буду мешать.

— Вообще-то ты тоже нужна. — Борланд чуть качнул головой. — Это касается дальнейшего плана. Раз ты решила остаться — значит путь дальше будет совместным. Я же прав?

Пауза.

— Хорошо.

Коротко, по существу, без лишнего — точно так же, как говорил Винт. Борланд подумал, что это, наверное, не случайность. Люди, которые долго работают вместе, начинают говорить похоже.

* * *

Тогда в лесу и вчера вечером, при фонарях, он видел главное: жилистая, собранная, быстрая. Сегодня, при дневном свете, открылись детали.

Невысокая — почти на голову ниже Винта, что при его росте означало просто невысокую. Но это обманывало: она занимала пространство иначе, чем люди её комплекции. Не ширину — объём. Как занимают его те, у кого каждое движение выверено и ни одно не случайно.

Лицо — узкое, с резкими скулами, с той чёткостью черт, которая бывает у людей, много времени проводящих на улице. Короткие тёмные волосы убраны назад и схвачены чем-то простым — не для красоты, для удобства. Несколько старых шрамов: один через бровь, тонкий, почти незаметный, другой на запястье — широкий, давний, уже белёсый. Не скрывала. Просто не думала об этом.

Разгрузка была подогнана идеально — не как у военного по уставу, а как у человека, который сам решил, что куда класть, и давно перестал об этом думать. Инструменты на поясе — не только оружие: что-то похожее на набор для полевого ремонта, несколько небольших контейнеров, моток тонкого троса. Техник. Настоящий.

Взгляд — спокойный, оценивающий, без агрессии. Такой взгляд бывает у людей, которые давно перестали бояться большинства вещей и просто фиксируют пространство, как прибор.

* * *

Гайка вошла первой.

Винт сидел за столом с кружкой и, судя по виду, уже ждал. Посмотрел на обоих — без удивления.

— Винт, нужно обсудить дальнейшие планы.

— Согласен.

— Думаю, в первую очередь — разобраться с тем, что знает о зоне Гайка. Возможно, из её данных мы вычислим новую точку разрыва. — Борланд сел. — И во вторых — разобраться с тем, что скрывается в ночи. Не хочу полагаться на удачу и слепо рассчитывать на оазисы.

— Согласен, — сказал Винт.

Гайка кивнула и полезла в рюкзак. Достала карту — большую, сложенную в несколько раз, потёртую на сгибах. Развернула на столе.

— Большую часть я составляла сама. Есть слепые места, но то, что нанесено — информация точная.

* * *

Карта была хорошей.

Не красивой — рабочей. Без лишних деталей, зато с условными обозначениями, которые явно сложились из практики: крестики разных размеров, стрелки, цифры в кружках, короткие пометки на полях.

— Вот здесь, — Гайка провела пальцем по западному краю, — первый оазис, где мы ночевали. Небольшой, руны частично стёрты, но защита держится. Аномальная активность вокруг — средняя, в основном статика и несколько жарок у северного входа. Стабильные, давно стоят.

— Откуда знаешь, что давно? — спросил Борланд.

— Края оплавленные, равномерно. Молодая жарка выглядит иначе — края острые, неровные. — Она сказала это без интонации, как говорят о чём-то само собой разумеющемся. — Я делала замеры несколько раз с интервалом, сравнивала. Аномалии здесь растут медленнее, чем там, откуда я пришла. Другой состав среды, наверное.

Борланд отметил это. Полезная деталь.

— Второй оазис — вот. — Её палец переместился. — Крупнее первого, там иногда ночуют животные этого мира. Они нас не трогают, видимо есть негласное правило не нападать внутри оазиса.

Она провела пальцем дальше — к третьей отметке, ближе к деревне.

— Третий — разрушенный. Руны частично уничтожены, защита нестабильная. Мы рискнули. Ночь прошла нормально, но под утро что-то приходило к периметру. Звук — не животный. — Она помолчала. — Я не смогла определить источник. Обошло периметр несколько раз и ушло.

— То самое, — сказал Борланд тихо.

— Похоже.

* * *

Борланд изучал маршрут — то, как они шли, где останавливались, какие аномалии обходили. Выверено. Профессионально. Без лишнего риска.

— Здесь что? — Он указал на восточный угол карты — там, где обозначения заканчивались и начиналась чистая бумага.

Гайка чуть помолчала.

— Не знаю. Туда почти никто не заходил. — Она сложила руки на столе. — Есть один человек. Видела его дважды, он почти не вылезает из зоны. Зовут Лео. Бегаёт с длинной катаной, один, без группы. С его слов я накидала примерную картину — но это его ощущения, не замеры.

— Напоминает нашего Лешего, — сказал Винт. Уголок рта чуть дрогнул. — Этот тоже ползает хрен знает где вечно и нож при себе держит.

Борланд посмотрел на него. Потом усмехнулся.

Он заметил это — то, что Винт стал другим здесь. Не сильно, не показно. Просто человеческая часть всплывала чаще. Шутит. Улыбается. Как будто в команде, которой можно доверять, инстинкты убийцы уходили на второй план — и появлялось место для чего-то ещё.

— Хорошо, — сказал Борланд. — Лео нам не найти. Значит — идём сами. Вглубь зоны. Концентрация аномалий там выше — и разрывы, скорее всего, тоже будут именно там.

— Риски? — спросила Гайка.

— Высокие. — Борланд не стал смягчать. — Ночь без оазиса — это уже серьёзно. Плюс то, что ходит в темноте. Плюс аномалии, которые мы не знаем.

— Значит, нужно понять, что ходит в темноте, — сказала Гайка. Не вопрос — констатация.

— Именно. — Борланд посмотрел на карту. — И ещё одно. Арх говорил, что их народ раньше кочевал. Они знали больше мест, больше маршрутов. Может, у них есть данные, которых нет на твоей карте.

— Попробуй поговорить с ним, — сказал Винт.

— Попробую.

* * *

Они просидели над картой около двух часов.

Гайка показывала маршруты — не только свои, но и чужие, услышанные, собранные по крупицам. Где аномалии стоят годами и не двигаются — там она ставила открытые кружки. Где видела смещения — крестики. Где был непонятный фон, который приборы не брали, но тело чувствовало — короткие чёрточки на полях.

Борланд смотрел на эти пометки и думал, что у неё в голове — живая карта зоны, которую она собирала не из отчётов, а из собственного тела. Тошнота в одних местах, давление в других, то самое необъяснимое ощущение «здесь не так». Метод был ненаучным и при этом точным.

— Вот здесь, — она ткнула в место примерно в дне пути от деревни, — я останавливалась три раза. Каждый раз — одно и то же. Воздух плотнее. Звуки приглушаются. Птицы нет.

— Постоянный эффект? — спросил Борланд.

— Все три раза. В разные периоды.

— Это интересно.

— Тоже так подумала. Но одна туда не пошла.

Правильное решение. Борланд отметил это на карте — своим значком, маленьким резакком, который они с Химиком когда-то придумали для мест с пространственными аномалиями.

Гайка посмотрела на значок. Потом на него.

— Твой нож. Он режет пространство?

— Да.

— Полезно, — сказала она просто.

К концу второго часа карта была покрыта новыми пометками — их общая работа, три разных взгляда на одно пространство. Борланд смотрел на неё и думал, что это уже не просто карта Гайки. Это их карта.

— Нужен Арх, — сказал он. — И нужно время. Подготовиться правильно.

— Сколько времени? — спросила Гайка.

— Пара дней. Может, три.

Она кивнула. Винт кивнул.

— Тогда пока занимаемся тем, что есть, — сказал Борланд. — Гайка — изучай деревню и аборигенов, пока есть возможность. Винт — ты с ней или сам?

— Посмотрю, — сказал Винт.

Что означало — с ней, но не скажу об этом вслух.

Борланд свернул карту. Встал.

— Карту я возьму с собой к Арху.

Она шла с другой стороны. Они остановились одновременно.

— Ты к Винту? — спросила Гайка.

— Да.

— Не буду мешать.

— Вообще-то ты тоже нужна. — Борланд чуть качнул головой. — Это касается дальнейшего плана. Раз ты решила остаться — значит путь дальше будет совместным. Я же прав?

Пауза.

— Хорошо.

Коротко, по существу, без лишнего — точно так же, как говорил Винт. Борланд подумал, что это, наверное, не случайность. Люди, которые долго работают вместе, начинают говорить похоже.

* * *

Тогда в лесу и вчера вечером, при фонарях, он видел главное: жилистая, собранная, быстрая. Сегодня, при дневном свете, открылись детали.

Невысокая — почти на голову ниже Винта, что при его росте означало просто невысокую. Но это обманывало: она занимала пространство иначе, чем люди её комплекции. Не ширину — объём. Как занимают его те, у кого каждое движение выверено и ни одно не случайно.

Лицо — узкое, с резкими скулами, с той чёткостью черт, которая бывает у людей, много времени проводящих на улице. Короткие тёмные волосы убраны назад и схвачены чем-то простым — не для красоты, для удобства. Несколько старых шрамов: один через бровь, тонкий, почти незаметный, другой на запястье — широкий, давний, уже белёсый. Не скрывала. Просто не думала об этом.

Разгрузка была подогнана идеально — не как у военного по уставу, а как у человека, который сам решил, что куда класть, и давно перестал об этом думать. Инструменты на поясе — не только оружие: что-то похожее на набор для полевого ремонта, несколько небольших контейнеров, моток тонкого троса. Техник. Настоящий.

Взгляд — спокойный, оценивающий, без агрессии. Такой взгляд бывает у людей, которые давно перестали бояться большинства вещей и просто фиксируют пространство, как прибор.

* * *

Гайка вошла первой.

Винт сидел за столом с кружкой и, судя по виду, уже ждал. Посмотрел на обоих — без удивления.

— Винт, нужно обсудить дальнейшие планы.

— Согласен.

— Думаю, в первую очередь — разобраться с тем, что знает о зоне Гайка. Возможно, из её данных мы вычислим новую точку разрыва. — Борланд сел. — И во вторых — разобраться с тем, что скрывается в ночи. Не хочу полагаться на удачу и слепо рассчитывать на оазисы.

— Согласен, — сказал Винт.

Гайка кивнула и полезла в рюкзак. Достала карту — большую, сложенную в несколько раз, потёртую на сгибах. Развернула на столе.

— Большую часть я составляла сама. Есть слепые места, но то, что нанесено — информация точная.

* * *

Карта была хорошей.

Не красивой — рабочей. Без лишних деталей, зато с условными обозначениями, которые явно сложились из практики: крестики разных размеров, стрелки, цифры в кружках, короткие пометки на полях.

— Вот здесь, — Гайка провела пальцем по западному краю, — первый оазис, где мы ночевали. Небольшой, руны частично стёрты, но защита держится. Аномальная активность вокруг — средняя, в основном статика и несколько жарок у северного входа. Стабильные, давно стоят.

— Откуда знаешь, что давно? — спросил Борланд.

— Края оплавленные, равномерно. Молодая жарка выглядит иначе — края острые, неровные. — Она сказала это без интонации, как говорят о чём-то само собой разумеющемся. — Я делала замеры несколько раз с интервалом, сравнивала. Аномалии здесь растут медленнее, чем там, откуда я пришла. Другой состав среды, наверное.

Борланд отметил это. Полезная деталь.

— Второй оазис — вот. — Её палец переместился. — Крупнее первого, там иногда ночуют животные этого мира. Они нас не трогают, видимо есть негласное правило не нападать внутри оазиса.

Она провела пальцем дальше — к третьей отметке, ближе к деревне.

— Третий — разрушенный. Руны частично уничтожены, защита нестабильная. Мы рискнули. Ночь прошла нормально, но под утро что-то приходило к периметру. Звук — не живот-

ный. — Она помолчала. — Я не смогла определить источник. Обошло периметр несколько раз и ушло.

— То самое, — сказал Борланд тихо.

— Похоже.

* * *

Борланд изучал маршрут — то, как они шли, где останавливались, какие аномалии обходили. Выверено. Профессионально. Без лишнего риска.

— Здесь что? — Он указал на восточный угол карты — там, где обозначения заканчивались и начиналась чистая бумага.

Гайка чуть помолчала.

— Не знаю. Туда почти никто не заходил. — Она сложила руки на столе. — Есть один человек. Видела его дважды, он почти не вылезает из зоны. Зовут Лео. Бегаёт с длинной катаной, один, без группы. С его слов я накидала примерную картину — но это его ощущения, не замеры.

— Напоминает нашего Лешего, — сказал Винт. Уголок рта чуть дрогнул. — Этот тоже ползает хрен знает где вечно и нож при себе держит.

Борланд посмотрел на него. Потом усмехнулся.

Он заметил это — то, что Винт стал другим здесь. Не сильно, не показно. Просто человеческая часть всплывала чаще. Шутил. Улыбался. Как будто в команде, которой можно доверять, инстинкты убийцы уходили на второй план — и появлялось место для чего-то ещё.

— Хорошо, — сказал Борланд. — Лео нам не найти. Значит — идём сами. Вглубь зоны. Концентрация аномалий там выше — и разрывы, скорее всего, тоже будут именно там.

— Риски? — спросила Гайка.

— Высокие. — Борланд не стал смягчать. — Ночь без оазиса — это уже серьёзно. Плюс то, что ходит в темноте. Плюс аномалии, которые мы не знаем.

— Значит, нужно понять, что ходит в темноте, — сказала Гайка. Не вопрос — констатация.

— Именно. — Борланд посмотрел на карту. — И ещё одно. Арх говорил, что их народ раньше кочевал. Они знали больше мест, больше маршрутов. Может, у них есть данные, которых нет на твоей карте.

— Попробуй поговорить с ним, — сказал Винт.

— Попробую.

* * *

Они просидели над картой около двух часов.

Гайка показывала маршруты — не только свои, но и чужие, услышанные, собранные по крупицам. Где аномалии стоят годами и не двигаются — там она ставила открытые кружки. Где видела смещения — крестики. Где был непонятный фон, который приборы не брали, но тело чувствовало — короткие чёрточки на полях.

Борланд смотрел на эти пометки и думал, что у неё в голове — живая карта зоны, которую она собирала не из отчётов, а из собственного тела. Тошнота в одних местах, давление в других, то самое необъяснимое ощущение «здесь не так». Метод был ненаучным и при этом точным.

— Вот здесь, — она ткнула в место примерно в дне пути от деревни, — я останавливалась три раза. Каждый раз — одно и то же. Воздух плотнее. Звуки приглушаются. Птицы нет.

— Постоянный эффект? — спросил Борланд.

— Все три раза. В разные периоды.

— Это интересно.

— Тоже так подумала. Но одна туда не пошла.

Правильное решение. Борланд отметил это на карте — своим значком, маленьким резакком, который они с Химиком когда-то придумали для мест с пространственными аномалиями.

Гайка посмотрела на значок. Потом на него.

— Твой нож. Он режет пространство?

— Да.

— Полезно, — сказала она просто.

К концу второго часа карта была покрыта новыми пометками — их общая работа, три разных взгляда на одно пространство. Борланд смотрел на неё и думал, что это уже не просто карта Гайки. Это их карта.

— Нужен Арх, — сказал он. — И нужно время. Подготовиться правильно.

— Сколько времени? — спросила Гайка.

— Пара дней. Может, три.

Она кивнула. Винт кивнул.

— Тогда пока занимаемся тем, что есть, — сказал Борланд. — Гайка — изучай деревню и аборигенов, пока есть возможность. Винт — ты с ней или сам?

— Посмотрю, — сказал Винт.

Что означало — с ней, но не скажу об этом вслух.

Борланд свернул карту. Встал.

Глава 27. День X

Три дня пролетели быстро — плотно, без пустых промежутков.

Карта обросла новыми деталями. Борланд, Арх и Седой проводили над ней по несколько часов ежедневно — добавляли маршруты, уточняли ориентиры, отмечали малые оазисы, о которых кочевники племени помнили по преданиям, но давно не проверяли. Некоторые из них могли оказаться разрушенными. Некоторые — нет.

От учёных получили более ясную картину ночи.

Громов изложил это без лишней драматизации — сухо, по существу, как говорят люди, привыкшие описывать явления, для которых ещё не придумали правильных слов. Если говорить просто: что-то вроде крысиного короля, только вместо крыс — трупы, связанные между собой ментально в единый организм, движется быстро — аномально быстро для того, что они из себя представляют, — и от неё постоянно исходит волна ужаса. Не психологического — физического, ментального, того рода, что заставляет жертву бежать до изнеможения, не понимая куда. Кто или что управляет этим — неизвестно. Учёные не смогли это установить.

Бороться с этим — дело гиблое. Но если ночь застанет врасплох — шансы выжить есть. Если знать, с чем можешь столкнуться.

Теперь они знали.

* * *

В то же время Викки погрузилась в изучение свойств рунического ножа и эксперименты.

Она пересмотрела все свои записи, потом — все записи учёных. Что-то сопоставила, что-то переписала, что-то отложила.

К исходу второго дня у каждого воина деревни было копье с нанесёнными на нём рунами. Руны были пассивными — повышали выносливость и скорость реакции. На охоте это значило всё. Борланд наблюдал за этим с лёгким беспокойством. При работе с Резаком ощущалось, что он разрывает пространство своим намерением, и это же намерение оставляло след и внутри него. Беспокойство было связано с тем, что руны также отпечатывали намерения того, кто их вырезал, а значит, что и Викки получает отдачу за каждую нанесённую руну.

С петрушкой Винта Викки провозилась дольше всего. Сначала обработав артефакт и преобразовав его в некое подобие подвески в виде диска, а потом медленно выводя нужные руны. Когда закончила — протянула Винту кулон: тонкий шнур и руны по всей поверхности подвески, в некоторых местах руны пересекали друг друга, будто наслаивались.

— Теперь ты можешь усилием мысли отрезать себя от пси-мира, — сказала она. — И вернуться обратно, когда захочешь. — Она замолчала.

От Викки чувствовалось, будто она что-то не досказала. Винт покрутил кулон в пальцах.

— Есть отрицательный эффект, верно?

— Да. — Она расстроено опустила голову. — Тошноту рядом с пси-аномалиями тоже перестанешь чувствовать. Твой внутренний детектор выключится вместе со всем остальным.

Винт подумал. Надел кулон.

— Разберусь. Спасибо. — Винт улыбнулся, чтобы приободрить Викки.

* * *

С Викки спорил два дня.

Борланд пытался обосновать ей, что с ними идти нельзя, что это опасно и что они уже вряд ли вернутся в её родной мир. Маршрут был опасным, и брать в него человека, который никогда не ходил дальше ворот деревни, казалось решением, о котором потом пожалеешь. Она слушала, кивала, приводила контраргументы — спокойно, без слёз и обид, как человек, который уже решил и просто ждёт, пока собеседник исчерпает возражения.

Борланд исчерпал.

С огнестрельным оружием разобрались быстро — через связь она вытащила из него всё, что он знал о прицеливании, перезарядке и том, в кого и когда стрелять. За два часа она научилась почти всему, чему сам он учился долгое время.

Полезное свойство. Очень полезное.

Теперь их было четверо.

Франк вышел к Борланду утром на третий день, сел напротив, подержал связь минуту. Картинка была ясной: он проводит их, будет держаться в тени леса. Но в самую глубину — нет. Страх к центру Зоны был сильным, почти физическим. Франк не трусил — просто знал что-то, чего они ещё не знали.

Борланд кивнул.

— Спасибо и на том.

* * *

Марта, по последним сведениям, взбаламутила весь научный центр. Через неделю должны были доставить оборудование для связи с группой Громова в деревне, потом, возможно, дальше будут развивать отношения с деревней. Арх всё ещё обдумывал, что попросить взамен. Думал тщательно — чтобы не навредить укладу, не принести в деревню то, что её изменит быстрее, чем она успеет к этому подготовиться.

И наступил день X.

* * *

Карта лежала на столе в гостевом доме. Четверо склонились над ней — Борланд, Винт, Гайка, Викки. Фонарь давал ровный свет.

— От деревни идём на северо-восток, — сказал Борланд. — Первый малый оазис — здесь, пять часов хода. Если успеем до темноты — ночуем. Если нет...

— Успеем, — сказала Гайка. — Я этот участок знаю. Темп нормальный — успеем.

— Дальше — вот здесь, — он провёл пальцем, — Гайка отметила три раза. Плотный воздух, тишина, нет птиц.

Викки наклонилась ближе над картой.

— Возможно, мы найдём там разлом, — сказал Борланд. — Скорее всего...

— Ночёвки, — сказала Гайка, не отрывая взгляда от карты. — Малый оазис — первая. Далее пойдём к тихому месту, если разлом не найдём — возвращаемся. Без вариантов. Потом направляемся в центр Зоны, попытать удачу там.

— Хорошо, — согласился Борланд.

Викки молчала. Потом подняла взгляд.

— Я хочу спросить кое-что. — Она чуть помолчала. — Когда найдём разлом — мы уйдём все вместе. Все четверо?

Борланд посмотрел на неё.

— Да.

Она кивнула — коротко, успокоив свои внутренние беспокойства.

Гайка закрыла карту. Свернула.

— Всё. Разошлись собираться.

* * *

У ворот деревни собрались почти все.

Борланд не ожидал этого — думал, что проводы будут тихими, как это принято у народа, который разговаривает без слов. Но у ворот стояли воины, старики, женщины, дети — молча, с тем ровным вниманием, с которым здесь вообще смотрели на что-то важное.

Седой пожал Борланду руку. Крепко, коротко — как пожимают руку человеку, которому доверяют спину.

— Возвращайся, — сказал он.

Борланд кивнул.

Арх стоял чуть в стороне. Подошёл, когда все остальные уже попрощались. Пожал руки Борланду, Винту, Гайке. Сказал несколько слов — коротко, но ёмко:

— Удача не случайна. Она приходит к тем, кто заслужил её осторожностью.

Потом Арх повернулся к Викки.

Он подошёл к ней медленно, без спешки, и остановился напротив. Смотрел на неё так, как смотрят на что-то, что долго было рядом и только сейчас стало понятным до конца.

Потом взял её за плечи и что-то сказал — тихо, только для неё. Она слушала, не двигаясь. Потом он достал из-за пазухи ожерелье.

Борланд видел его впервые.

Три небольших клыка на кожаном шнуре — тёмных, старых, полированных от времени и прикосновений. И медальон — плоский, костяной, с рунами, которые Борланд теперь умел читать хотя бы частично. Руны были нанесены иначе, чем те, что резала Викки, — глубже, другой рукой, другой эпохой.

Арх надел ожерелье ей на шею. Держал руки у неё на плечах ещё секунду. Потом сказал:

— Это было при тебе, когда мы тебя нашли. Всё это время я хранил его. Возможно, именно эти руны защищали тебя в лесу, пока ты была одна.

Викки смотрела на медальон у себя на груди. Взяла его в ладонь — осторожно, как берут что-то, чему ещё не знают цены.

Потом подняла взгляд на Арха.

Она не плакала. Просто стояла и смотрела на него — долго, так, как смотрят на человека, которому хочешь сказать много, но слова не приходят, потому что всё важное и так известно.

Он кивнул ей. Она кивнула в ответ.

И отступил.

* * *

Они вышли за ворота, когда утро ещё только разворачивалось над долиной.

Лес стоял впереди — тёмный, привычный уже, со своим мерцанием и своей тишиной. Где-то в нём, невидимый, шёл Франк.

Борланд шёл первым. За ним — Викки, Гайка с картой, Винт замыкал. Медальон на шее Викки слабо светился — руны поймали утренний свет и держали его в себе.

Деревня осталась за спиной.

Впереди была неизвестность.

Карта обросла новыми деталями. Борланд, Арх и Седой проводили над ней по несколько часов ежедневно — добавляли маршруты, уточняли ориентиры, отмечали малые оазисы, о которых кочевники племени помнили по преданиям, но давно не проверяли. Некоторые из них могли оказаться разрушенными. Некоторые — нет.

От учёных получили более ясную картину ночи.

Громов изложил это без лишней драматизации — сухо, по существу, как говорят люди, привыкшие описывать явления, для которых ещё не придумали правильных слов. Если говорить просто: что-то вроде крысиного короля, только вместо крыс — трупы, связанные между собой ментально в единый организм, движется быстро — аномально быстро для того, что они из себя представляют, — и от неё постоянно исходит волна ужаса. Не психологического — физического, ментального, того рода, что заставляет жертву бежать до изнеможения, не понимая куда. Кто или что управляет этим — неизвестно. Учёные не смогли это установить.

Бороться с этим — дело гиблое. Но если ночь застанет врасплох — шансы выжить есть. Если знать, с чем можешь столкнуться.

Теперь они знали.

* * *

В то же время Викки погрузилась в изучение свойств рунического ножа и эксперименты.

Она пересмотрела все свои записи, потом — все записи учёных. Что-то сопоставила, что-то переписала, что-то отложила.

К исходу второго дня у каждого воина деревни было копьё с нанесёнными на нём рунами. Руны были пассивными — повышали выносливость и скорость реакции. На охоте это значило всё. Борланд наблюдал за этим с лёгким беспокойством. При работе с Резаком ощущалось, что он разрывает пространство своим намерением, и это же намерение оставляло след и внутри него. Беспокойство было связано с тем, что руны также отпечатывали намерения того, кто их вырезал, а значит, что и Викки получает отдачу за каждую нанесённую руну.

С петрушкой Винта Викки провозилась дольше всего. Сначала обработав артефакт и преобразовав его в некое подобие подвески в виде диска, а потом медленно выводя нужные руны. Когда закончила — протянула Винту кулон: тонкий шнур и руны по всей поверхности подвески, в некоторых местах руны пересекали друг друга, будто наслаивались.

— Теперь ты можешь усилием мысли отрезать себя от пси-мира, — сказала она. — И вернуться обратно, когда захочешь. — Она замолчала.

От Викки чувствовалось, будто она что-то не досказала. Винт pokrutil кулон в пальцах.

— Есть отрицательный эффект, верно?

— Да. — Она расстроено опустила голову. — Тошноту рядом с пси-аномалиями тоже перестанешь чувствовать. Твой внутренний детектор выключится вместе со всем остальным.

Винт подумал. Надел кулон.

— Разберусь. Спасибо. — Винт улыбнулся, чтобы приободрить Викки.

* * *

С Викки спорил два дня.

Борланд пытался обосновать ей, что с ними идти нельзя, что это опасно и что они уже вряд ли вернуться в её родной мир. Маршрут был опасным, и брать в него человека, который никогда не ходил дальше ворот деревни, казалось решением, о котором потом пожалеешь. Она слушала, кивала, приводила контраргументы — спокойно, без слёз и обид, как человек, который уже решил и просто ждёт, пока собеседник исчерпает возражения.

Борланд исчерпал.

С огнестрельным оружием разобрались быстро — через связь она вытащила из него всё, что он знал о прицеливании, перезарядке и том, в кого и когда стрелять. За два часа она научилась почти всему, чему сам он учился долгое время.

Полезное свойство. Очень полезное.

Теперь их было четверо.

Франк вышел к Борланду утром на третий день, сел напротив, подержал связь минуту. Картинка была ясной: он проводит их, будет держаться в тени леса. Но в самую глубь — нет. Страх к центру Зоны был сильным, почти физическим. Франк не трусил — просто знал что-то, чего они ещё не знали.

Борланд кивнул.

— Спасибо и на том.

* * *

Марта, по последним сведениям, взбаламутила весь научный центр. Через неделю должны были доставить оборудование для связи с группой Громова в деревне, потом, возможно, дальше будут развивать отношения с деревней. Арх всё ещё обдумывал, что попросить взамен. Думал тщательно — чтобы не навредить укладу, не принести в деревню то, что её изменит быстрее, чем она успеет к этому подготовиться.

И наступил день X.

* * *

Карта лежала на столе в гостевом доме. Четверо склонились над ней — Борланд, Винт, Гайка, Викки. Фонарь давал ровный свет.

— От деревни идём на северо-восток, — сказал Борланд. — Первый малый оазис — здесь, пять часов хода. Если успеем до темноты — ночуем. Если нет...

— Успеем, — сказала Гайка. — Я этот участок знаю. Темп нормальный — успеем.

— Дальше — вот здесь, — он провёл пальцем, — Гайка отметила три раза. Плотный воздух, тишина, нет птиц.

Викки наклонилась ближе над картой.

— Возможно, мы найдём там разлом, — сказал Борланд. — Скорее всего...

— Ночёвки, — сказала Гайка, не отрывая взгляда от карты. — Малый оазис — первая. Далее пойдём к тихому месту, если разлом не найдём — возвращаемся. Без вариантов. Потом направляемся в центр Зоны, попытать удачу там.

— Хорошо, — согласился Борланд.

Викки молчала. Потом подняла взгляд.

— Я хочу спросить кое-что. — Она чуть помолчала. — Когда найдём разлом — мы уйдём все вместе. Все четверо?

Борланд посмотрел на неё.

— Да.

Она кивнула — коротко, успокоив свои внутренние беспокойства.

Гайка закрыла карту. Свернула.

— Всё. Разошлись собираться.

* * *

У ворот деревни собрались почти все.

Борланд не ожидал этого — думал, что проводы будут тихими, как это принято у народа, который разговаривает без слов. Но у ворот стояли воины, старики, женщины, дети — молча, с тем ровным вниманием, с которым здесь вообще смотрели на что-то важное.

Седой пожал Борланду руку. Крепко, коротко — как пожимают руку человеку, которому доверяют спину.

— Возвращайся, — сказал он.

Борланд кивнул.

Арх стоял чуть в стороне. Подошёл, когда все остальные уже попрощались. Пожал руки Борланду, Винту, Гайке. Сказал несколько слов — коротко, но ёмко:

— Удача не случайна. Она приходит к тем, кто заслужил её осторожностью.

Потом Арх повернулся к Викки.

Он подошёл к ней медленно, без спешки, и остановился напротив. Смотрел на неё так, как смотрят на что-то, что долго было рядом и только сейчас стало понятным до конца.

Потом взял её за плечи и что-то сказал — тихо, только для неё. Она слушала, не двигаясь. Потом он достал из-за пазухи ожерелье.

Борланд видел его впервые.

Три небольших клыка на кожаном шнуре — тёмных, старых, полированных от времени и прикосновений. И медальон — плоский, костяной, с рунами, которые Борланд теперь умел читать хотя бы частично. Руны были нанесены иначе, чем те, что резала Викки, — глубже, другой рукой, другой эпохой.

Арх надел ожерелье ей на шею. Держал руки у неё на плечах ещё секунду. Потом сказал:

— Это было при тебе, когда мы тебя нашли. Всё это время я хранил его. Возможно, именно эти руны защищали тебя в лесу, пока ты была одна.

Викки смотрела на медальон у себя на груди. Взяла его в ладонь — осторожно, как берут что-то, чему ещё не знают цены.

Потом подняла взгляд на Арха.

Она не плакала. Просто стояла и смотрела на него — долго, так, как смотрят на человека, которому хочешь сказать много, но слова не приходят, потому что всё важное и так известно.

Он кивнул ей. Она кивнула в ответ.
И отступил.

* * *

Они вышли за ворота, когда утро ещё только разворачивалось над долиной.
Лес стоял впереди — тёмный, привычный уже, со своим мерцанием и своей тишиной.
Где-то в нём, невидимый, шёл Франк.

Борланд шёл первым. За ним — Викки, Гайка с картой, Винт замыкал. Медальон на шее Викки слабо светился — руны поймали утренний свет и держали его в себе.

Деревня осталась за спиной.

Впереди была неизвестность.

Карта обросла новыми деталями. Борланд, Арх и Седой проводили над ней по несколько часов ежедневно — добавляли маршруты, уточняли ориентиры, отмечали малые оазисы, о которых кочевники племени помнили по преданиям, но давно не проверяли. Некоторые из них могли оказаться разрушенными. Некоторые — нет.

От учёных получили более ясную картину ночи.

Громов изложил это без лишней драматизации — сухо, по существу, как говорят люди, привыкшие описывать явления, для которых ещё не придумали правильных слов. Если говорить просто: что-то вроде крысиного короля, только вместо крыс — трупы, связанные между собой ментально в единый организм, движется быстро — аномально быстро для того, что они из себя представляют, — и от неё постоянно исходит волна ужаса. Не психологического — физического, ментального, того рода, что заставляет жертву бежать до изнеможения, не понимая куда. Кто или что управляет этим — неизвестно. Учёные не смогли это установить.

Бороться с этим — дело гиблое. Но если ночь застанет врасплох — шансы выжить есть. Если знать, с чем можешь столкнуться.

Теперь они знали.

* * *

В то же время Викки погрузилась в изучение свойств рунического ножа и эксперименты.
Она пересмотрела все свои записи, потом — все записи учёных. Что-то сопоставила, что-то переписала, что-то отложила.

К исходу второго дня у каждого воина деревни было копье с нанесёнными на нём рунами. Руны были пассивными — повышали выносливость и скорость реакции. На охоте это значило всё. Борланд наблюдал за этим с лёгким беспокойством. При работе с Резаком ощущалось, что он разрывает пространство своим намерением, и это же намерение оставляло след и внутри него. Беспокойство было связано с тем, что руны также отпечатывали намерения того, кто их вырезал, а значит, что и Викки получает отдачу за каждую нанесённую руну.

С петрушкой Винта Викки провозилась дольше всего. Сначала обработав артефакт и преобразовав его в некое подобие подвески в виде диска, а потом медленно выводя нужные руны. Когда закончила — протянула Винту кулон: тонкий шнур и руны по всей поверхности подвески, в некоторых местах руны пересекали друг друга, будто наслаивались.

— Теперь ты можешь усилием мысли отрезать себя от пси-мира, — сказала она. — И вернуться обратно, когда захочешь. — Она замолчала.

От Викки чувствовалось, будто она что-то не досказала. Винт покрутил кулон в пальцах.

— Есть отрицательный эффект, верно?

— Да. — Она расстроено опустила голову. — Тошноту рядом с пси-аномалиями тоже перестанешь чувствовать. Твой внутренний детектор выключится вместе со всем остальным.

Винт подумал. Надел кулон.

— Разберусь. Спасибо. — Винт улыбнулся, чтобы приободрить Викки.

* * *

С Викки спорил два дня.

Борланд пытался обосновать ей, что с ними идти нельзя, что это опасно и что они уже вряд ли вернутся в её родной мир. Маршрут был опасным, и брать в него человека, который никогда не ходил дальше ворот деревни, казалось решением, о котором потом пожалеешь. Она слушала, кивала, приводила контраргументы — спокойно, без слёз и обид, как человек, который уже решил и просто ждёт, пока собеседник исчерпает возражения.

Борланд исчерпал.

С огнестрельным оружием разобрались быстро — через связь она вытащила из него всё, что он знал о прицеливании, перезарядке и том, в кого и когда стрелять. За два часа она научилась почти всему, чему сам он учился долгое время.

Полезное свойство. Очень полезное.

Теперь их было четверо.

Франк вышел к Борланду утром на третий день, сел напротив, подержал связь минуту. Картинка была ясной: он проводит их, будет держаться в тени леса. Но в самую глубину — нет. Страх к центру Зоны был сильным, почти физическим. Франк не трусил — просто знал что-то, чего они ещё не знали.

Борланд кивнул.

— Спасибо и на том.

* * *

Марта, по последним сведениям, взбаламутила весь научный центр. Через неделю должны были доставить оборудование для связи с группой Громова в деревне, потом, возможно, дальше будут развивать отношения с деревней. Арх всё ещё обдумывал, что попросить взамен. Думал тщательно — чтобы не навредить укладу, не принести в деревню то, что её изменит быстрее, чем она успеет к этому подготовиться.

И наступил день X.

* * *

Карта лежала на столе в гостевом доме. Четверо склонились над ней — Борланд, Винт, Гайка, Викки. Фонарь давал ровный свет.

— От деревни идём на северо-восток, — сказал Борланд. — Первый малый оазис — здесь, пять часов хода. Если успеем до темноты — ночуем. Если нет...

— Успеем, — сказала Гайка. — Я этот участок знаю. Темп нормальный — успеем.

— Дальше — вот здесь, — он провёл пальцем, — Гайка отметила три раза. Плотный воздух, тишина, нет птиц.

Викки наклонилась ближе над картой.

— Возможно, мы найдём там разлом, — сказал Борланд. — Скорее всего...

— Ночёвки, — сказала Гайка, не отрывая взгляда от карты. — Малый оазис — первая. Далее пойдём к тихому месту, если разлом не найдём — возвращаемся. Без вариантов. Потом направляемся в центр Зоны, попытать удачу там.

— Хорошо, — согласился Борланд.

Викки молчала. Потом подняла взгляд.

— Я хочу спросить кое-что. — Она чуть помолчала. — Когда найдём разлом — мы уйдём все вместе. Все четверо?

Борланд посмотрел на неё.

— Да.

Она кивнула — коротко, успокоив свои внутренние беспокойства.

Гайка закрыла карту. Свернула.

— Всё. Разошлись собираться.

* * *

У ворот деревни собрались почти все.

Борланд не ожидал этого — думал, что проводы будут тихими, как это принято у народа, который разговаривает без слов. Но у ворот стояли воины, старики, женщины, дети — молча, с тем ровным вниманием, с которым здесь вообще смотрели на что-то важное.

Седой пожал Борланду руку. Крепко, коротко — как пожимают руку человеку, которому доверяют спину.

— Возвращайся, — сказал он.

Борланд кивнул.

Арх стоял чуть в стороне. Подошёл, когда все остальные уже попрощались. Пожал руки Борланду, Винту, Гайке. Сказал несколько слов — коротко, но ёмко:

— Удача не случайна. Она приходит к тем, кто заслужил её осторожностью.

Потом Арх повернулся к Викки.

Он подошёл к ней медленно, без спешки, и остановился напротив. Смотрел на неё так, как смотрят на что-то, что долго было рядом и только сейчас стало понятным до конца.

Потом взял её за плечи и что-то сказал — тихо, только для неё. Она слушала, не двигаясь. Потом он достал из-за пазухи ожерелье.

Борланд видел его впервые.

Три небольших клыка на кожаном шнуре — тёмных, старых, полированных от времени и прикосновений. И медальон — плоский, костяной, с рунами, которые Борланд теперь умел читать хотя бы частично. Руны были нанесены иначе, чем те, что резала Викки, — глубже, другой рукой, другой эпохой.

Арх надел ожерелье ей на шею. Держал руки у неё на плечах ещё секунду. Потом сказал: — Это было при тебе, когда мы тебя нашли. Всё это время я хранил его. Возможно, именно эти руны защищали тебя в лесу, пока ты была одна.

Викки смотрела на медальон у себя на груди. Взяла его в ладонь — осторожно, как берут что-то, чему ещё не знают цены.

Потом подняла взгляд на Арха.

Она не плакала. Просто стояла и смотрела на него — долго, так, как смотрят на человека, которому хочешь сказать много, но слова не приходят, потому что всё важное и так известно.

Он кивнул ей. Она кивнула в ответ.

И отступил.

* * *

Они вышли за ворота, когда утро ещё только разворачивалось над долиной.

Лес стоял впереди — тёмный, привычный уже, со своим мерцанием и своей тишиной. Где-то в нём, невидимый, шёл Франк.

Борланд шёл первым. За ним — Викки, Гайка с картой, Винт замыкал. Медальон на шее Викки слабо светился — руны поймали утренний свет и держали его в себе.

Деревня осталась за спиной.

Впереди была неизвестность.

Карта обросла новыми деталями. Борланд, Арх и Седой проводили над ней по несколько часов ежедневно — добавляли маршруты, уточняли ориентиры, отмечали малые оазисы, о которых кочевники племени помнили по преданиям, но давно не проверяли. Некоторые из них могли оказаться разрушенными. Некоторые — нет.

От учёных получили более ясную картину ночи.

Громов изложил это без лишней драматизации — сухо, по существу, как говорят люди, привыкшие описывать явления, для которых ещё не придумали правильных слов. Если говорить просто: что-то вроде крысиного короля, только вместо крыс — трупы, связанные между собой ментально в единый организм, движется быстро — аномально быстро для того, что они из себя представляют, — и от неё постоянно исходит волна ужаса. Не психологического —

физического, ментального, того рода, что заставляет жертву бежать до изнеможения, не понимая куда. Кто или что управляет этим — неизвестно. Учёные не смогли это установить.

Бороться с этим — дело гиблое. Но если ночь застанет врасплох — шансы выжить есть. Если знать, с чем можешь столкнуться.

Теперь они знали.

* * *

В то же время Викки погрузилась в изучение свойств рунического ножа и эксперименты.

Она пересмотрела все свои записи, потом — все записи учёных. Что-то сопоставила, что-то переписала, что-то отложила.

К исходу второго дня у каждого воина деревни было копье с нанесёнными на нём рунами. Руны были пассивными — повышали выносливость и скорость реакции. На охоте это значило всё. Борланд наблюдал за этим с лёгким беспокойством. При работе с Резаком ощущалось, что он разрывает пространство своим намерением, и это же намерение оставляло след и внутри него. Беспокойство было связано с тем, что руны также отпечатывали намерения того, кто их вырезал, а значит, что и Викки получает отдачу за каждую нанесённую руну.

С петрушкой Винта Викки провозилась дольше всего. Сначала обработав артефакт и преобразовав его в некое подобие подвески в виде диска, а потом медленно выводя нужные руны. Когда закончила — протянула Винту кулон: тонкий шнур и руны по всей поверхности подвески, в некоторых местах руны пересекали друг друга, будто наслаивались.

— Теперь ты можешь усилием мысли отрезать себя от пси-мира, — сказала она. — И вернуться обратно, когда захочешь. — Она замолчала.

От Викки чувствовалось, будто она что-то не досказала. Винт покрутил кулон в пальцах.

— Есть отрицательный эффект, верно?

— Да. — Она расстроено опустила голову. — Тошноту рядом с пси-аномалиями тоже перестанешь чувствовать. Твой внутренний детектор выключится вместе со всем остальным.

Винт подумал. Надел кулон.

— Разберусь. Спасибо. — Винт улыбнулся, чтобы приободрить Викки.

* * *

С Викки спорил два дня.

Борланд пытался обосновать ей, что с ними идти нельзя, что это опасно и что они уже вряд ли вернуться в её родной мир. Маршрут был опасным, и брать в него человека, который никогда не ходил дальше ворот деревни, казалось решением, о котором потом пожалеешь. Она слушала, кивала, приводила контраргументы — спокойно, без слёз и обид, как человек, который уже решил и просто ждёт, пока собеседник исчерпает возражения.

Борланд исчерпал.

С огнестрельным оружием разобрались быстро — через связь она вытащила из него всё, что он знал о прицеливании, перезарядке и том, в кого и когда стрелять. За два часа она научилась почти всему, чему сам он учился долгое время.

Полезное свойство. Очень полезное.

Теперь их было четверо.

Франк вышел к Борланду утром на третий день, сел напротив, подержал связь минуту. Картинка была ясной: он проводит их, будет держаться в тени леса. Но в самую глубь — нет. Страх к центру Зоны был сильным, почти физическим. Франк не трусил — просто знал что-то, чего они ещё не знали.

Борланд кивнул.

— Спасибо и на том.

* * *

Марта, по последним сведениям, взбаламутила весь научный центр. Через неделю должны были доставить оборудование для связи с группой Громова в деревне, потом, воз-

можно, дальше будут развивать отношения с деревней. Арх всё ещё обдумывал, что попросить взамен. Думал тщательно — чтобы не навредить укладу, не принести в деревню то, что её изменит быстрее, чем она успеет к этому подготовиться.

И наступил день X.

* * *

Карта лежала на столе в гостевом доме. Четверо склонились над ней — Борланд, Винт, Гайка, Викки. Фонарь давал ровный свет.

— От деревни идём на северо-восток, — сказал Борланд. — Первый малый оазис — здесь, пять часов хода. Если успеем до темноты — ночуем. Если нет...

— Успеем, — сказала Гайка. — Я этот участок знаю. Темп нормальный — успеем.

— Дальше — вот здесь, — он провёл пальцем, — Гайка отметила три раза. Плотный воздух, тишина, нет птиц.

Викки наклонилась ближе над картой.

— Возможно, мы найдём там разлом, — сказал Борланд. — Скорее всего...

— Ночёвки, — сказала Гайка, не отрывая взгляда от карты. — Малый оазис — первая. Далее пойдём к тихому месту, если разлом не найдём — возвращаемся. Без вариантов. Потом направляемся в центр Зоны, попытать удачу там.

— Хорошо, — согласился Борланд.

Викки молчала. Потом подняла взгляд.

— Я хочу спросить кое-что. — Она чуть помолчала. — Когда найдём разлом — мы уйдём все вместе. Все четверо?

Борланд посмотрел на неё.

— Да.

Она кивнула — коротко, успокоив свои внутренние беспокойства.

Гайка закрыла карту. Свернула.

— Всё. Разошлись собираться.

* * *

У ворот деревни собрались почти все.

Борланд не ожидал этого — думал, что проводы будут тихими, как это принято у народа, который разговаривает без слов. Но у ворот стояли воины, старики, женщины, дети — молча, с тем ровным вниманием, с которым здесь вообще смотрели на что-то важное.

Седой пожал Борланду руку. Крепко, коротко — как пожимают руку человеку, которому доверяют спину.

— Возвращайся, — сказал он.

Борланд кивнул.

Арх стоял чуть в стороне. Подошёл, когда все остальные уже попрощались. Пожал руки Борланду, Винту, Гайке. Сказал несколько слов — коротко, но ёмко:

— Удача не случайна. Она приходит к тем, кто заслужил её осторожностью.

Потом Арх повернулся к Викки.

Он подошёл к ней медленно, без спешки, и остановился напротив. Смотрел на неё так, как смотрят на что-то, что долго было рядом и только сейчас стало понятным до конца.

Потом взял её за плечи и что-то сказал — тихо, только для неё. Она слушала, не двигаясь. Потом он достал из-за пазухи ожерелье.

Борланд видел его впервые.

Три небольших клыка на кожаном шнуре — тёмных, старых, полированных от времени и прикосновений. И медальон — плоский, костяной, с рунами, которые Борланд теперь умел читать хотя бы частично. Руны были нанесены иначе, чем те, что резала Викки, — глубже, другой рукой, другой эпохой.

Арх надел ожерелье ей на шею. Держал руки у неё на плечах ещё секунду. Потом сказал:

— Это было при тебе, когда мы тебя нашли. Всё это время я хранил его. Возможно, именно эти руны защищали тебя в лесу, пока ты была одна.

Викки смотрела на медальон у себя на груди. Взяла его в ладонь — осторожно, как берут что-то, чему ещё не знают цены.

Потом подняла взгляд на Арха.

Она не плакала. Просто стояла и смотрела на него — долго, так, как смотрят на человека, которому хочешь сказать много, но слова не приходят, потому что всё важное и так известно.

Он кивнул ей. Она кивнула в ответ.

И отступил.

* * *

Они вышли за ворота, когда утро ещё только разворачивалось над долиной.

Лес стоял впереди — тёмный, привычный уже, со своим мерцанием и своей тишиной. Где-то в нём, невидимый, шёл Франк.

Борланд шёл первым. За ним — Викки, Гайка с картой, Винт замыкал. Медальон на шее Викки слабо светился — руны поймали утренний свет и держали его в себе.

Деревня осталась за спиной.

Впереди была неизвестность.

Карта обросла новыми деталями. Борланд, Арх и Седой проводили над ней по несколько часов ежедневно — добавляли маршруты, уточняли ориентиры, отмечали малые оазисы, о которых кочевники племени помнили по преданиям, но давно не проверяли. Некоторые из них могли оказаться разрушенными. Некоторые — нет.

От учёных получили более ясную картину ночи.

Громов изложил это без лишней драматизации — сухо, по существу, как говорят люди, привыкшие описывать явления, для которых ещё не придумали правильных слов. Если говорить просто: что-то вроде крысиного короля, только вместо крыс — трупы, связанные между собой ментально в единый организм, движется быстро — аномально быстро для того, что они из себя представляют, — и от неё постоянно исходит волна ужаса. Не психологического — физического, ментального, того рода, что заставляет жертву бежать до изнеможения, не понимая куда. Кто или что управляет этим — неизвестно. Учёные не смогли это установить.

Бороться с этим — дело гиблое. Но если ночь застанет врасплох — шансы выжить есть. Если знать, с чем можешь столкнуться.

Теперь они знали.

* * *

В то же время Викки погрузилась в изучение свойств рунического ножа и эксперименты.

Она пересмотрела все свои записи, потом — все записи учёных. Что-то сопоставила, что-то переписала, что-то отложила.

К исходу второго дня у каждого воина деревни было копьё с нанесёнными на нём рунами. Руны были пассивными — повышали выносливость и скорость реакции. На охоте это значило всё. Борланд наблюдал за этим с лёгким беспокойством. При работе с Резаком ощущалось, что он разрывает пространство своим намерением, и это же намерение оставляло след и внутри него. Беспокойство было связано с тем, что руны также отпечатывали намерения того, кто их вырезал, а значит, что и Викки получает отдачу за каждую нанесённую руну.

С петрушкой Винта Викки провозилась дольше всего. Сначала обработав артефакт и преобразовав его в некое подобие подвески в виде диска, а потом медленно выводя нужные руны. Когда закончила — протянула Винту кулон: тонкий шнур и руны по всей поверхности подвески, в некоторых местах руны пересекали друг друга, будто наслаивались.

— Теперь ты можешь усилием мысли отрезать себя от пси-мира, — сказала она. — И вернуться обратно, когда захочешь. — Она замолчала.

От Викки чувствовалось, будто она что-то не досказала. Винт покрутил кулон в пальцах.

— Есть отрицательный эффект, верно?

— Да. — Она расстроено опустила голову. — Тошноту рядом с пси-аномалиями тоже перестанешь чувствовать. Твой внутренний детектор выключится вместе со всем остальным.

Винт подумал. Надел кулон.

— Разберись. Спасибо. — Винт улыбнулся, чтобы приободрить Викки.

* * *

С Викки спорил два дня.

Борланд пытался обосновать ей, что с ними идти нельзя, что это опасно и что они уже вряд ли вернутся в её родной мир. Маршрут был опасным, и брать в него человека, который никогда не ходил дальше ворот деревни, казалось решением, о котором потом пожалеешь. Она слушала, кивала, приводила контраргументы — спокойно, без слёз и обид, как человек, который уже решил и просто ждёт, пока собеседник исчерпает возражения.

Борланд исчерпал.

С огнестрельным оружием разобрались быстро — через связь она вытащила из него всё, что он знал о прицеливании, перезарядке и том, в кого и когда стрелять. За два часа она научилась почти всему, чему сам он учился долгое время.

Полезное свойство. Очень полезное.

Теперь их было четверо.

Франк вышел к Борланду утром на третий день, сел напротив, подержал связь минуту. Картинка была ясной: он проводит их, будет держаться в тени леса. Но в самую глубь — нет. Страх к центру Зоны был сильным, почти физическим. Франк не трусил — просто знал что-то, чего они ещё не знали.

Борланд кивнул.

— Спасибо и на том.

* * *

Марта, по последним сведениям, взбаламутила весь научный центр. Через неделю должны были доставить оборудование для связи с группой Громова в деревне, потом, возможно, дальше будут развивать отношения с деревней. Арх всё ещё обдумывал, что попросить взамен. Дум

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.